

Серия «Великие русские люди»

Основана в 2012 году

Главный редактор серии
профессор В. А. Томсинов

Серия «Великие русские люди» состоит из книг, посвященных великим русским мыслителям и государственным деятелям — таким, как И. А. Ильин, К. П. Победоносцев, М. М. Сперанский, А. А. Аракчеев, М. В. Ломоносов, П. А. Столыпин, В. Н. Татищев, П. Г. Виноградов и др.

В каждой из этих книг дается жизнеописание ученого и политика, показывается все наиболее значимое в его творческом наследии, рассматриваются уроки, которые можно вывести из опыта его жизни. Судьба великого человека представляет собой такую же ценность для нас, как и его творческое наследие или результаты государственной деятельности: она может быть столь же увлекательной для прочтения, как и сочиненная, искусственная жизнь какого-нибудь исключительно литературного героя.

Река действительно произошедшей человеческой жизни всегда вбирает в себя ход истории той эпохи, в которую она совершалась, — во всяком случае, впитывает в свое русло те или иные течения данной истории. Эта закономерность особенно присуща жизням великих людей. По судьбам великих мыслителей можно изучать историю общества и общественной культуры. История любого государства будет неполной и скучной без описания судеб, характеров и воззрений людей, которые стояли у рычагов государственной машины и приводили в движение ее механизмы.

Автором всех книг данной серии является профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук Владимир Алексеевич Томсинов. В связи с этим книги серии «Великие русские люди» представляют собой в определенном смысле одно большое произведение, в котором история России не просто описывается и осмысливается, но и переживается как судьба человеческая — как историческая драма, в которой сплетаются воедино и неразрывно счастье и несчастье, любовь и ненависть, жизнь и смерть...

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Юридический факультет
Кафедра истории государства и права

В. А. Томсинов

Мыслитель с поющим сердцем

Иван Александрович Ильин:
русский идеолог эпохи революций

Москва
Зерцало-М
2012

ББК 66.1(2)6
Т 56

На лицевой стороне обложки —
картина художника М. В. Нестерова «Мыслитель»,
написанная летом 1922 года.
В образе мыслителя изображен Иван Александрович Ильин.

Томсинов В. А.

Т 56 Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций. М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. — 192 с. (Серия «Великие русские люди»).

ISBN 978-5-94373-212-6

Книга посвящена судьбе и творчеству выдающегося русского мыслителя XX века Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Он оставил после себя множество научных и публицистических произведений по самым различным отраслям гуманитарного знания: правоведению, государствоведению, философии, социологии, политологии, этике, литературоведению, культурологии, искусствоведению. Но главную часть творческого наследия И. А. Ильина составили его мысли о России, ее трагической судьбе, об угрозах, которые несет ей будущее.

Во многих своих суждениях о будущем своего Отечества Ильин оказался пророческим. Он предвидел многое из того, что случилось с Россией в глубоко несчастные для нее 90-е годы XX века. Ясно осознавая, что крах коммунистического государства в России повлечет за собой новую катастрофу для Русской цивилизации и не менее пагубную, чем та, которую вызвало крушение Российской империи, Иван Александрович пытался наметить в своих работах пути выхода из этой катастрофы. «Все, что я уже написал и еще пишу, и еще напишу, — все посвящено возрождению России, ее обновлению и ее расцвету», — отмечал он. Судьбу Российского государства Ильин связывал с его способностью защищать русские интересы. «Мы не знаем, — писал русский мыслитель, — как сложится государственная власть в России после большевиков. Но знаем, что если она будет антинациональной и противогосударственной, угодливой по отношению к иностранцам, расчленяющей страну и патриотически безыдейной, то революция не прекратится, а вступит в фазу новой гибели».

ISBN 978-5-94373-212-6

© В. А. Томсинов, 2012

© Издательство «Зерцало», 2012

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	VII
Глава 1. Детство и годы учебы	1
Глава 2. Начало преподавательской деятельности. Первые научные труды	27
Глава 3. В годы Первой мировой войны	44
Глава 4. Во времена революции и гражданской войны	55
§ 1. И. А. Ильин в 1917 году	55
§ 2. Речь «О патриотизме»: причины русской катастрофы	64
§ 3. Книга «О сущности правосознания»	72
§ 4. Диссертация «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». Аресты	76
§ 5. Речь И. А. Ильина «Основные задачи правоуедения в России» (весна 1922 г.)	94
§ 6. Высылка из России	102
Глава 5. И. А. Ильин в Германии	107
§ 1. Русские эмигранты в Берлине. Второй съезд русских юристов	107
§ 2. И. А. Ильин — профессор Русского Научного института	112
§ 3. Речь И. А. Ильина «Проблема современного правосознания»	116
§ 4. Разработка И. А. Ильиным проблемы соотношения монархии и республики	119
§ 5. Книга И. А. Ильина «О сопротивлении злу силоу»	124

§ 6. И. А. Ильин и П. Б. Струве.....	130
§ 7. «Русский колокол»	133
§ 8. И. А. Ильин и русская эмиграция.....	138
§ 9. В фашистской Германии	143
Глава 6. Швейцарский отшельник. Вторая мировая война в публицистике И. А. Ильина	147
Глава 7. В послевоенные годы. Серия статей «Наши задачи». Книга «Аксиомы религиозного опыта».....	163
Глава 8. В последние годы. Смерть мыслителя	178

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иван Александрович Ильин жил в эпоху революций и мировых войн. Первую русскую революцию он встретил в возрасте двадцати двух лет без малого, а февральскую и октябрьскую 1917 года — тридцатичетырехлетним. До 26 сентября 1922 года он находился в России, а затем до самой своей смерти в 1954 году — на чужбине, в Германии и Швейцарии. «Чтоб ты жил в эпоху перемен», — гласит древнекитайское проклятье. Оно подразумевает, что времена крупных общественных потрясений настолько мучительны для человека, что не могут не восприниматься им как наказание. И для Ильина русские революции были тяжким испытанием: он видел, как разрушалось Русское государство, как падала в революционный омут и гибла его Родина. И он сам был несколько раз на краю гибели, и лишь чудо спасало его от расстрела. Как будто некий рок вел его по жизни так, чтобы он мог, испытав на себе тяготы революционной катастрофы, получить затем возможность спокойно обдумать ее причины и записать на бумаге свои размышления о ней.

Творческое наследие И. А. Ильина включает в себя научные и публицистические произведения по самым различным отраслям гуманитарного знания: правоведению, государствоведению, философии, социологии, политологии, этике, литературоведению, культурологии, искусствоведению¹. Но главную часть этого огромного наследия составляют его мысли

¹ С 1993-го по 1999 год вышло 10 томов в 12 книгах «Собрания сочинений» И. А. Ильина. Затем это собрание было продолжено, и к настоящему времени напечатано еще 16 томов. Составителем всех этих томов и автором обширных комментариев к ним является *Юрий Трофимович Лисица*, доктор физико-математических наук, профессор кафедры математического анализа и теории функций в РУДН и одновременно зав. кафедрой религиоведения в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. Он же написал историко-биографический очерк «Иван Александрович Ильин», напечатанный в первом томе, и стал автором-составителем книги «Иван Ильин и Россия» (М.: Русская книга, 1999). В «Большой энциклопедии Русского народа», издаваемой Институтом Русской цивилизации, Ю. Т. Лисице принадлежит небольшая, но очень содержательная биографическая статья об И. А. Ильине «Иван Ильин и Россия. Неопубликованные фотографии и архивные материалы». Благодаря Юрию Трофимовичу Лисице архив Ильина, хранившийся в США, был перевезен в Россию и нашел свое пристанище в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова — альма-матер Ивана Александровича. Напечатанные тома «Собрания сочинений» И. А. Ильина включают, однако, далеко не все произведения русского мыслителя. Многие его научные и публицистические работы остались неопубликованными и хранятся в архивах. Неопубликованными остаются и многие письма Ильина. Большое количество его статей было напечатано на иностранных языках в малотиражных журналах и

о России, о ее трагической судьбе, об угрозах, которые несет ей будущее. Во многих своих суждениях о будущем своего Отечества Иван Александрович оказался пророческим. Он предвидел многое из того, что случилось с Россией в глубоко несчастные для нее 90-е годы XX века. Ясно осознавая, что крах коммунистического государства в России повлечет за собой новую катастрофу для Русской цивилизации и не менее пагубную, чем та, которую вызвало крушение Российской империи, Ильин пытался наметить в своих работах пути выхода из этой катастрофы. **«Все, что я уже написал и еще пишу, и еще напишу, — все посвящено возрождению России, ее обновлению и ее расцвету»**, — признался он в 1950 году.

Основным объектом своих исследований в области научной юриспруденции Ильин избрал тему правосознания¹. Кризис правосознания русского общества он считал одной из главных причин русской катастрофы 1917 года, и возрождение России связывал с формированием нового правосознания. Русский мыслитель был твердо убежден, что **«ревом, ломом и погромом Россию не спасешь»**, и главным средством восстановления разрушенной российской государственности считал воспитание в народе и в правящей элите уважения к закону и суду. «Правосознание, — писал он, — должно стать в России предметом преподавания и публичного культивирования (герои долга, справедливости, государственной силы, военного и гражданского подвига). Необходимо учреждение обществ борьбы с взяточкой и произволом; необходима публичная апология неподкупности и совестно-справедливого усмотрения. Раздача орденских знаков не должна быть более механической. Корпорации, культивирующие право (судебные деятели, адвокаты, полиция, фабричные инспектора), должны установить суровые суды чести. **Государственность должна как бы систематически подкожно вприскиваться индивидууму**. В массе надо воспитывать автономное, **патриотическое правосознание»**² (выделено мною. — В. Т.).

Надо ли доказывать, что эти рекомендации И. А. Ильина в высшей степени значимы для современной России, что именно распад государ-

газетах, неизвестных в России. По приблизительным подсчетам, неопубликованная часть литературного наследия великого русского мыслителя — его произведений и писем — могла бы составить при издании около 15 томов, если не более. По своему объему и главное — по идейной содержательности литературное наследие И. А. Ильина уникально.

¹ Книга И. А. Ильина «О сущности правосознания» (вместе с его работой «Общее учение о праве и государстве») переиздана в 2003 и 2008 гг. в серии «Русское юридическое наследие». См.: Ильин И. А. Теория права и государства / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003, 2008.

² Ильин И. А. Задание журнала // Ильин И. А. Собрание сочинений: Русский колокол. Журнал волевой идеи / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 2008. С. 28–29.

ственного и правового сознания в обществе и прежде всего в правящем слое составляет главную ее беду.

Государство — это не только совокупность учреждений или институтов, но еще и духовное поле, заставляющее население повиноваться носителям публичной власти, соблюдать законы, выполнять свои гражданские и государственные обязанности. Ядром этого духовного поля является, с одной стороны, доверие народа к лицам, обладающим государственной властью, а с другой — уважительное отношение людей, составляющих правящий слой, к своему народу, его достоинству, интересам и потребностям. «Революция зарождается в стране не в момент уличных движений, но в тот момент, когда в душах начинает колебаться доверие к власти»¹, — утверждал И. А. Ильин. Появление и распространение в обществе презрения к носителям государственной власти он считал процессом, который неминуемо влечет за собой разложение правосознания, что, в свою очередь, убивает в людях честь и совесть, чувство меры и справедливости, разрушая тем самым государство. Поэтому, подчеркивал русский мыслитель, **«тот, кто облечен властью, имеет священную обязанность поддерживать уважение к ней»**² (выделено мною. — В. Т.).

Подобную мысль высказывал в свое время и К. П. Победоносцев³. «Вся тайна русского порядка и преуспеяние — наверху, в лице верховной власти, — наставлял он наследника престола цесаревича Александра Александровича. — Не думайте, чтобы подчиненные Вам власти себя ограничили и поставили на дело, если Вы себя не ограничите и не поставите на дело. Где себя распустите, там распустится и вся земля. Ваш труд всех подвинет на дело, Ваше послабление и роскошь зальет всю землю послаблением и роскошью, — вот что значит тот союз с землею, в котором Вы родились, и та власть, которая Вам суждена от Бога»⁴.

С Победоносцевым И. А. Ильина роднило и понимание высокого государственного значения русской нации. Иван Александрович так же, как Константин Петрович, связывал судьбу Российского государства с его способностью защищать русские интересы. «Мы не знаем, — пи-

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 томах. Том 4 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 1994. С. 374.

² Там же.

³ См. его жизнеописание в издании: Томсинов В. А. Константин Петрович Победоносцев (1827–1907): человек, государственный деятель и правед // Юридические произведения / Под редакцией и с биографическим очерком В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2012. С. 7–216.

⁴ Письмо К. П. Победоносцева к великому князю Александру Александровичу от 12 октября 1876 года // Письма Победоносцева к Александру III. Том 1. М., 1925. С. 53–54.

сал Ильин, — как сложится государственная власть в России после большевиков. Но знаем, что **если она будет антинациональной и противогосударственной, угодливой по отношению к иностранцам, расчлняющей страну и патриотически безыдейной, то революция не прекратится, а вступит в фазу новой гибели»**¹ (выделено мною. — В. Т.)

И. А. Ильин хорошо понимал, что крепость государственного организма в огромной степени зависит от единства его культурной, духовной жизни, и провозглашал лозунг «*Россия для русских*». При этом он отмечал, что «русским является всякий, кто интерес единой русской Родины ставит выше индивидуализма и всякой коллективной части. Формула: „я русский и притом грузин, армянин“ и т. д. Иноплеменник и неправославный могут быть русскими, но враг русского племени, Православия и русского языка фактически остается враждебным иностранцем»². Выражая своим лозунгом «Россия для русских» идею необходимости поддержания культурной общности населения Российского государства, русский мыслитель высказывал вместе с тем убеждение в том, что малые народы России «должны иметь духовно-культурную автономию и единый общий с русскими государственный язык, нести государственно-патриотическое служение и пребывать под политическим суверенитетом двуглавого орла»³.

* * *

Литературное творчество Ивана Александровича Ильина являлось неотъемлемой частью его жизни. За год с небольшим до своей смерти он писал, подводя итог прожитым годам: «*Жизнь проведена в неустанных нервных напряжениях, вызывавшихся актом исследовательским. Его состав: художественное отождествление с предметом (что часто бывает мучительно изнурительно, ибо тьма теперь преобладает) и требование максимального точномыслия. Так всегда и во всем. Так продолжается и теперь. Пишется легко и много*».

Произведения Ильина отражали его судьбу, но одновременно и творили ее. Судьба русского мыслителя неотделима поэтому от его литературного творчества и сама по себе столь же ценное достояние русской культуры, как и его книги.

¹ Ильин И. А. Необходимо ограничить публичную дееспособность // Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. М., 1993. Том 2. Кн. 2. С. 14.

² Ильин И. А. Задание журнала // Ильин И. А. Собрание сочинений: Русский колокол. Журнал волевой идеи. С. 21.

³ Там же. С. 20–21.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО И ГОДЫ УЧЕБЫ

Иван Александрович Ильин появился на свет в Москве 28 марта 1883 года в семье дворянина Александра Ивановича Ильина. Дворянское достоинство род Ильиных приобрел через прадеда Ивана Александровича — Ивана Ильича Ильина, который был 2 сентября 1793 года произведен в чин коллежского советника и 25 апреля 1796 года пожалован дипломом на дворянское достоинство¹. Кроме дворянского звания Иван Ильич оставил своим потомкам духовное завещание, в котором изложил в жанре катехизиса свои мысли о том, как должно воспитывать детей в семье, чтобы они прониклись духом Православия и патриотизма, чтобы высшим своим долгом почитали служение Богу, Царю и Отечеству. Рукописная тридцатистраничная книга Ивана Ильича под названием «Катехизис. Сыну моему Ивану Ивановичу Ильину мое родительское благословение», помещенная в красный кожаный футляр, хранилась в семье Ильиных как драгоценная реликвия. Дата в конце ее текста свидетельствовала, что она была написана 16 сентября 1814 года. В первых строках книги говорится: «Тебе известно, из какого состояния я произошел. Ты видишь, чего я достиг, пятидесятилетняя опытность мой учитель». Отсюда следует, что родился Иван Ильич Ильин в 1764 году². Его сыну

¹ В соответствии с Табелью о рангах 1722 г. потомственное дворянство давалось лицу, достигшему на гражданской службе восьмого чина — надворного советника.

² В составленном Ю. Т. Лисицей альбоме «Иван Ильин и Россия. Неопубликованные фотографии и архивные материалы» (с. 11) приводится снимок страницы из «Гербовника» с рисунком и описанием герба прадеда И. А. Ильина Ивана Ильича Ильина. Здесь, в частности, говорится: «Иван Ильин в службу вступил в 1758-м году. — 1793-го Сентября 2-го дня произведен Коллежским Советником, и находясь в сем чине, 1796-го Апреля 25-го пожалован в дворянское достоинство Дипломом, с коего копия хранится в Герольдии». Если Иван Иванович действительно вступил в службу в 1758 г., то родился он не позднее начала 1740-х годов. Думает-

Ивану в год, когда был написан обращенный к нему катехизис, исполнилось 19 лет¹.

Дед Ивана Александровича — Иван Иванович Ильин (1795–1865) состоял на военной службе в артиллерии. В 1824 году его, имевшего в то время чин поручика артиллерии, перевели на гражданскую службу. В течение двух лет он занимал должность чиновника для особых поручений при Воронежском, Орловском, Рязанском, Тамбовском и Тульском генерал-губернаторе А. Д. Балашове, затем при рязанском гражданском губернаторе. После этого Иван Иванович служил в строительных подразделениях на инженерных должностях. В 1841 году он был майором строительного отряда путей сообщения, затем руководил постройкой Большого Кремлевского Дворца². По окончании строительства император Николай I назначил Ивана Ивановича комендантом этого здания с официальным титулом «Майор от ворот Большого Кремлевского Дворца». В документах 1851 года он упоминался как подполковник, а в 1855 году назывался полковником.

На посту коменданта Большого Кремлевского Дворца Иван Иванович пребывал до своей кончины, проживая вместе с супругой Любовью Петровной (урожденной Пузыревой, 1811–1885) и детьми на территории Кремля. В их семье было шесть сыновей: Петр (1833–?), Владимир (1834–?), Николай (1837–?), Иван (1839–?), Александр (1851–1921), Сергей (1853 – после 1925) и три дочери: Александра (1835–1861), Елизавета (1838–1870) и Любовь (184?–1922)³.

Александр Иванович Ильин родился 29 августа 1851 года, его воспитателем при крещении был наследник престола великий князь

ся, в «Гербовнике» допущена ошибка. Более подходящим для вступления в службу молодому человеку, родившемуся в 1764 г., был бы не 1758-й, а 1785 г.

¹ «Я имел способов более доставить тебе в воспитании просвещения, и в теперешнем твоём 19-летнем возрасте поставил тебя на такую стезю, которой я не мог достигнуть прежде сорока лет моей жизни», — говорится в «Катехизисе» Ивана Ильича Ильина (*Ильин И. И.* Катехизис. Сыну моему Ивану Ивановичу Ильину мое родительское благословение // Ильин И. А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М., 2001. С. 475).

² Большой Кремлевский Дворец строился с 1838 до 1849 г. по проектам, разработанным группой архитекторов, которую возглавлял К. А. Тон.

³ Даты рождения детей Ивана Ивановича Ильина указаны в записях из Журнала Рязанского Дворянского собрания от 12 августа 1841 г. и 16 февраля 1860 г. о причислении их к его роду. Их фотокопии воспроизведены в альбоме: Иван Ильин и Россия / Автор-составитель Ю. Т. Лисица. М., 1999. С. 13–14.

Александр Николаевич, будущий император Александр II. Об этом свидетельствует следующая запись о младенце Александре Ильине 1851 года в метрической книге одной из кремлевских церквей, в которой проходил обряд его крещения: «Родился 29 августа, окрещен 6 сентября Александр; родители его: Большого Кремлевского Дворца Майор от Ворот подполковник Иван Иванович Ильин и законная жена его Любовь Петровна, оба православного исповедания... восприемники были: Его Императорское Величество Государь Наследник Цесаревич Александр Николаевич...»¹.

В 1870 году Александр Ильин окончил Тульскую гимназию и поступил на юридический факультет Императорского Московского университета. Окончил он университетский курс обучения в звании действительного студента 10 июня 1874 года. Приказом по ведомству Министерства юстиции он 17 декабря того же года был определен кандидатом на судебные должности при прокуроре Тульского Окружного суда. 25 августа 1875 года Александр Иванович был, согласно его прошению, приказом по ведомству Министерства юстиции, уволен от службы. 17 ноября 1875 года его утвердили указом Правительствующего Сената по департаменту герольдии в чине губернского секретаря. В год рождения сына Ивана он был присяжным поверенным округа Московской судебной палаты.

После смерти матери в 1885 году Александр Иванович Ильин унаследовал от нее 550 десятин земли в Рязанской губернии: он стал владельцем имения при селе Большие Поляны², которое находилось в Пронском уезде³, и имения в селе Ясенок в Ряжском уезде⁴. Вплоть до революции 1917 года Александр Иванович активно работал в зем-

¹ В письме к Е. Е. Климову, написанном весной 1950 г., Иван Александрович Ильин, благодаря его за открытку с видом купола Большого Кремлевского Дворца, заметил: «Строил его мой дед по отцу инженер-полковник Ив<ан> Ив<анович> Ильин, после этого он был комендантом дворца со званием „Майор от Ворот Большого Кремл<евского> Дворца“ — до самой смерти; там и жила вся семья деда, там родился и отец мой (крестник Ал<ександра> II)» (Ильин И. А. Письмо Е. Е. Климову [весна 1950 г.] // Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). М., 1999. С. 50).

² По документам в 1880 г. за Любовью Петровной Ильиной числилось 735 десятин земли в округе села Большие Поляны Пронского уезда Рязанской области.

³ В настоящее время село Большие Поляны находится в Старожиловском районе Рязанской области.

⁴ В настоящее время село Ясенок входит в состав Ухоловского района Рязанской области.

ских учреждениях, был гласным уездного земства, членом Пронского уездного училищного совета. Должность земского начальника при Рязанском Губернском Присутствии занимал его сын Александр.

Мать Ивана Александровича Ильина родилась 19 июля 1858 года и с рождения носила имя Каролины Луизы Швейкерт. Она окончила Московскую четвертую женскую гимназию и в 1879 году получила разрешение «принять на себя звание домашней учительницы» с правом преподавать те предметы, которым ее обучали в гимназии¹.

Ее отец и соответственно дед Ивана Александровича — Юлиус Швейкерт² фон Штадион (1805–1876) — происходил из Саксонии. Он родился в семье врача в городе Виттенберге, знаменитом своей замковой церковью — на ее дверях Мартин Лютер (1483–1546) прибил 31 октября 1517 года пергаментный лист с 95 тезисами «Против индульгенций». Как известно, именно с этого события началось движение Реформации.

Юлиус Швейкерт учился на медицинском факультете Лейпцигского университета и в 1831 году защитил здесь докторскую диссертацию по медицине. В 1832 году он переехал в Россию и поступил на место врача в имение князя Александра Борисовича Куракина. Здесь его стали звать Юлием Юрьевичем. В 1842 году ему удалось выдержать экзамен по медицине в Московском университете и получить назначение лекарем в Московский воспитательный дом. В 1853 году Юлий Юрьевич Швейкерт защитил докторскую диссертацию по теме детской пневмонии и был определен на должность врача при гимназии. Впоследствии он являлся врачом в Императорском Вдовьем доме³.

Супругой Юлия Юрьевича Швейкерта стала Катарина Кюстер (1824–1890), немка по отцу. В их семье было восемь дочерей: Аделаида, Альма, Каролина и др. Аделаида Швейкерт вышла замуж за архитектора Григория Михайловича Левковича, какая-то из сестер стала женой Василия Ртищева, представителя знаменитого и знатного русского дворянского рода.

Каролина же 11 января 1880 года обвенчалась в Христорождественской церкви села Быково Бронницкого уезда Московской губер-

¹ Документы и письма близких И. А. Ильина // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М., 1999. С. 455.

² Именем Юлиус Швейкерт И. А. Ильин подписывал некоторые свои статьи, публиковавшиеся им на немецком языке в 30–40-е годы XX в.

³ Иван Ильин и Россия. С. 9.

нии с «отставным губернским секретарем Александром Ивановичем Ильиным»¹. Спустя три месяца — 16 апреля — она приняла православие. С этого момента ее стали величать Екатериной.

21 ноября 1880 года в семье Екатерины Юльевны и Александра Ивановича Ильиных родился первенец, которого назвали Алексеем. 6 апреля 1882 года у них появился еще один сын — Александр. 28 марта 1883 года родился третий сын — Иван. 5 ноября 1889 года Екатерина Юльевна разрешилась от бремени четвертым сыном — Юлием, 24 марта 1892 года — пятым: его назвали Игорем.

22 апреля 1883 года в Богородицерождественской церкви, располагавшейся в Москве за Смоленскими воротами, состоялся обряд крещения младенца Ивана Ильина. В Метрической книге была сделана следующая запись: «Тысяча восемьсот восемьдесят третьего года, месяца марта двадцать восьмого дня в доме Байдакова, у Присяжного Поверенного округа Московской Судебной Палаты, из дворян, губернского Секретаря Александра Ивановича Ильина и законной жены его Екатерины Юлиевны родился сын Иоанн, месяца апреля двадцать второго был крещен; восприимчиками при крещении были: московский 2 гильдии купец Владимир Константинович Кеслер и вдова полковника Любовь Петровна Ильина. Свидетелями при совершении таинства святого Крещения были: потомственный дворянин Николай Иосифович Хржановский, жена Ейского 2 гильдии купеческого сына Ивана Антонова Пономарева Мария Федоровна, потомственный дворянин Константин Октаевич Водо-де-Бовио и дочь Коллежского Советника девица Аделаида Юлиевна Швейкерт»².

Дом почетного гражданина города Москвы купца Байдакова, в котором семья Екатерины Юльевны и Александра Ивановича Ильиных проживала в тот год, когда у них родился сын Иван, располагался на пересечении Ружейного переуллка и улицы Плющихи. В 1886 или 1887 году Ильины сняли квартиру с окнами на Кремль в доходном

¹ См.: Выпись из Метрической книги церкви Христорождественской села Быково Бронницкого уезда Московской губернии за 1880 год, часть вторая о бракосочетавшихся // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. V. М., 1994. С. 517, а также: *Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938)*. С. 455–456.

² Выпись из Метрической на 1883-й год книги города Москвы Пречистенского сорока Богородицерождественской за Смоленскими воротами церкви // Иван Ильин и Россия. С. 37. Также см.: Российский архив. Вып. V. С. 518.

доме графа Шереметева. Жили они здесь шесть лет¹. Дом был, видимо, уже ветхий, поскольку в 1895–1898 годах вместо него построили новый дом². Ильины же переехали в дом Манихиной по Новинскому бульвару (1 участок Пресненской части).

Детские годы запомнились Ивану Ильину звоном колоколов кремлевских храмов, величественными видами кремлевских стен и башен, прогулками по Александровскому саду и территории Кремля. «Детство мое, — вспоминал он на склоне лет, — квартира в Шереметевском переулке. IV этаж — лицом на Кремль с дворцом и на дворовую церковь Шереметевых («Нарышкинское барокко»). **Шесть лет патриотич<еских> чувств и любования**»³ (выделено мною — В. Т.).

По крови Иван Александрович был наполовину немцем. Однако всегда считал себя целиком и полностью русским. Поздравляя весной 1950 года семью своего друга Евгения Евгеньевича Климова с Пасхой, он писал: «Дай Вам всем Господь утешения, духовной радости и созерцания! Подумайте только: ну как если бы Вы родились аргентинцами? Или папуасами! Или немцами? Или самоедами (сырую рыбу кушать — за хвост и в рот...). **Я сколько раз в жизни благодарил Господа Бога за то, что РУССКИМ родился... Вот милость, вот отрада! И это надо беречь, и благодарить, и радоваться.** А чтобы Вы это *еще* почувствовали, посылаю Вам русских стихов. Ждите: пробьет час возврата!»⁴ (выделено мною. — В. Т.).

В 1893 году Иван Ильин был определен отцом (вместе с братом Александром) на учебу в третий класс Московской 5-й гимназии⁵. Она была создана в 1865 году на базе параллельных классов Московской 1-й гимназии и успела за четверть века своего существования приобрести репутацию хорошего учебного заведения. В 1869 году ее окон-

¹ Заверяя 25 апреля 1892 года копию аттестата, выданного А. И. Ильину в 1876 г. прокурором Тульского Окружного суда, нотариус Н. Я. Павлов указал, что присяжный поверенный Александр Иванович Ильин проживал в то время в доме графа Шереметева Тверской части, 1 участка.

² В настоящее время это дом по адресу: Романов пер. (бывшая ул. Грановского), 3.

³ *Ильин И. А. Письмо Е. Е. Климову [весна 1950 г.] // Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 50. Евгений Евгеньевич Климов (1901–1990), художник, историк русского искусства.*

⁴ *Ильин И. А. Письмо Е. Е. Климову [начало апреля 1950 г.] // Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 50.*

⁵ Программу первых двух классов гимназии Иван Ильин прошел при домашнем обучении.

чили сын историка С. М. Соловьева Владимир Сергеевич Соловьев¹, прославившийся как философ, Николай Иванович Карев — впоследствии известный историк², Андрей Алексеевич Исаев (1859–1924), ставший крупным ученым, автором солидных трудов по экономике, статистике и социологии. Первые пять лет после учреждения это учебное заведение располагалось в одном здании с 1-й гимназией — напротив Храма Христа Спасителя³. В 1870 году 5-ю гимназию переместили в дом на углу улиц Поварской и Большой Молчановки, взятый в наем у семейства Хомяковых⁴.

В конце декабря 1898 года Иван Ильин был переведен (вместе с братом Александром) в Московскую 1-й гимназию⁵. Это учебное заведение имело славу лучшей гимназии в Москве. В разные годы здесь учились такие известные люди, как М. П. Погодин, С. М. Соловьев, А. Н. Островский, П. А. Кропоткин, А. И. Соболевский, Н. И. Бухарин. Гимназия имела свою домовую церковь — храм святителя Стефана Пермского, открытый с высочайшего соизволения в 1854 году.

Марк Вениаминович Вишняк, поступивший в 1-ю Московскую гимназию в 1893 году, вспоминал впоследствии о ней: «Гимназия, в общем, была неплохая. Конечно, много было рутины и бюрократизма. Конечно, во главе ее стоял чех, а инспектором был немец. Конечно, древним языкам учили так, точно намеренно отбивали вся-

¹ М. В. Вишняк, учившийся в Московской 1-й гимназии с 1893 по 1901 г., написал в своих воспоминаниях, что среди ее питомцев числились такие известные ученые, как Тихонравов, Владимир Соловьев и Милюков (*Вишняк М. В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 22*). Н. С. Тихонравов (1832–1893) и П. Н. Милюков (1859–1943) действительно окончили 1-ю Московскую гимназию, но философ В. С. Соловьев, поступивший в нее в 1864 г., спустя год был переведен в учрежденную Московскую 5-ю гимназию, которую и окончил спустя пять лет (вместе с Н. И. Каревым).

² См. его воспоминания об учебе в этой гимназии: *Карев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 94–111*.

³ Здание по адресу: ул. Волхонка, 16, в котором до революции 1917 г. находилась 1-я Московская гимназия, сохранилось до настоящего времени.

⁴ Этот дом был жильем, но его перестроили для нужд учебного заведения. Он стоял между церковью Симеона Столпника и зданием, в котором находится ресторан «Прага». Его снесли в 60-е гг. XX в. при прокладке трассы Новоарбатского проекта.

⁵ Прощение директору Московской 1-й гимназии о допуске Ивана Ильина к надлежащему испытанию и медицинскому освидетельствованию с последующим зачислением его в шестой класс данной гимназии было подано Александром Ивановичем Ильиным 22 декабря 1898 г. См.: Российский архив. Вып. V. С. 520.

кий интерес к Греции и Риму. Тем не менее, это была школа, которая не давила и не угнетала, давала жить и развиваться тому, что было к тому способно. Учителя учили без особого энтузиазма, и мы воспринимали их учебу, как обязательные для нашего возраста бремя и неприятность. Тем не менее, ни особой нагрузки, ни чрезмерно-суровой дисциплины в нашей гимназии не было»¹. Об Ильине Вишняк писал: «Были в нашей гимназии, — не в нашем окружении и даже не в нашем классе, — а в другом, нормальном отделении нашего класса или классом ниже нашего, ученики, получившие впоследствии всероссийскую известность и встретившиеся мне на жизненном пути. Так в 7-ой класс² перевелся к нам из 5-ой гимназии Ильин, Иван Александрович, — будущий философ, ставший единомышленником П. Б. Струве. Светлый блондин, почти рыжий, сухопарый и длинноногий, он отлично учился, получил при выпуске золотую медаль, но, кроме громкого голоса и широкой, непринужденной жестикуляции, он в то время как будто ничем не был замечателен. Даже товарищи его не предполагали, что его специальностью может стать — и стала — философия»³.

Окончил Иван Ильин гимназический курс обучения в 1901 году. В аттестате зрелости, подписанном 31 мая, говорилось, что «на основании наблюдений за все время обучения его в Московской 1-й гимназии, поведение его вообще было *отличное*, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ *отличная*, прилежание *отличное* и любознательность ко всем предметам *равномерная*». По таким предметам гимназического курса, как закон Божий, латинский и греческий языки, математика, математическая география, физика, история, география, французский и немецкий языки, Иван Ильин имел отличные оценки. По русскому языку с церковнославянским и словесности ему была выставлена четверка в качестве итоговой оценки за время обучения и тройка по результатам выпускного экзамена. По логике он также получил четверку как итоговую оценку, выпускного же испытания по этому предмету не проводилось.

Приняв во внимание постоянно отличное поведение, прилежание и отличные успехи выпускника Ивана Ильина в науках, Педагогиче-

¹ Вишняк М. В. Дань прошлому. С. 22.

² На самом деле Иван Ильин перевелся в шестой класс московской 1-й гимназии. См.: Российский архив. Вып. V. С. 521.

³ Вишняк М. В. Дань прошлому. С. 40.

ский совет Московской 1-й гимназии постановил наградить его золотой медалью.

В характеристике Ивана Ильина, составленной по итогам его двухлетнего обучения в 1-й гимназии и подписанной директором И. Гобзой, было сказано, что он «при отличных способностях занимался всеми учебными предметами весьма старательно. Награжден золотой медалью. За последние два года внесены в кондуит следующие проступки: своевольно передвигал стол из 6-го класса в 7-й, шалость на улице, невежливое отношение к преподавателю гимнастики. Временно был понижен балл за поведение, но, в виду безупречного поведения Ильина Ивана за последнее время, педагогический совет гимназии признал возможным повысить балл за поведение до 5. Наблюдал за поведением одного из младших классов во время перемен»¹.

В июле 1901 года Иван Ильин подал прошение ректору Императорского Московского университета о принятии его на юридический факультет. Впоследствии он рассказал в мемуарах о душевных переживаниях, терзавших его в то время: «Поступая в университет, я мечтал о филологическом факультете. Отец мой настаивал на поступлении в инженерное училище, к коему я питал отвращение. Под его влиянием я в 8 классе гимназии вел даже добавочные занятия по математике, работая у Д. А. Бема. В аттестате зрелости, ввиду моего указания на инженерное училище, поместили даже особую одаренность к математическим наукам, чего в действительности вовсе не было. Я только овладел геометрическим и алгебраическим созерцанием под влиянием талантливейшего преподавателя Фед<ора> Сем<еновича> Коробкина и давал хорошие ответы. Летом отец, заметив мое противление и депрессивное состояние, согласился отказаться от своего требования, но с условием, чтобы я поступил студентом *не* на филологический факультет, а на юридический»².

Год, в который произошли переломные в судьбе Ивана Ильина события, оказался горестным для него и его семьи — умер его брат Юлий, прожив на этом свете всего двенадцать лет.

Учиться на юридический факультет Иван Ильин пошел, как он сам признавал, «скрепя сердце». Лекции, которые ему пришлось здесь слу-

¹ Характеристики и сведения об имущественном положении нижеследующих учеников, окончивших в сем году курс в Московской 1-й гимназии // Российский архив. Вып. V. С. 527.

² Ильин И. А. Встречи и беседы // Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 352.

шать, только усилили его скептицизм по отношению к юридическому образованию. «Скучные курсы Мрочек-Дроздовского и прив<ат>-доц<ента> Числова по истории рус<ского> права; абстрактный курс политич<еской> экономии Мануйлова; сухое преподавание истории римск<ого> права у Хвостова... Все было утомительно. Заинтересоваться Самоквасовым я не мог в силу моей исторической незрелости. Заинтриговал только Новгородцев, читавший Энциклопедию права, как своего рода мало понятное введение в философию идеализма»¹ — так описывал Ильин в мемуарах начало своей учебы в Московском университете.

Марк Вишняк, окончивший гимназию вместе с Иваном Ильиным и также поступивший в 1901 году на юридический факультет Московского университета, дал в своих воспоминаниях более подробную характеристику факультету и его преподавателям. «Московский юридический факультет, — отмечал он, — к началу текущего века не мог идти ни в какое сравнение с петербургским, который был прославлен такими именами, как Сергеевич, Мартенс, Таганцев, Д. Д. Grimm, Петражицкий. Понизился в Москве уровень преподавательского состава, понизились и предъявляемые к учащимся требования. Только тупица оказывался неспособным осилить юридическую мудрость и экзамены в Москве, тогда как в Петербурге преподавание было поставлено серьезно, и испытаниям подвергалась не только память и усидчивость студента.

На первом курсе читали всего четыре предмета. Меньше всего давали лекции проф. Самоквасова, хорошего археолога и архивариуса, но не историка русского права. Аудитория у него быстро таяла. Перестал скоро посещать его лекции и я: то, что он читал, можно было полностью прочесть и в рекомендованном им учебнике.

Энциклопедию права П. И. Новгородцев тоже читал, но его „чтение“ было совсем другого порядка. Он привлекал к себе внимание слушателей не только содержанием лекций, но и личными лекторскими данными. Особенным успехом Павел Иванович пользовался, конечно, у слушательниц Высших Женских Курсов В. И. Герье. Кто только из них не „влюблялся“ в „жгучего брюнета“ с ассирийской бородой и глубоко сидящими глазами, когда он с небольшим портфельчиком в руках появлялся на кафедре и, подравняв аккуратно листки своей рукописи, бархатным баритоном начинал свою лекцию. Когда

¹ Ильин И. А. Встречи и беседы // Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 352.

я увидел впервые проф. Новгородцева, он был известен, как молодой, 35-летний ученый, ставший вскоре одним из провозвестников в России возникших повсюду нео-кантианства и возрождения, так называемого, естественного права. Приверженцем этой школы стал и я и сохранил ей верность и тогда, когда мой „первоучитель“ отошел от нее, придя к проповеди истины православия и „скифским“, или евразийским „утверждениям и отрицаниям“.

Наиболее серьезным и трудным на первом курсе считалось римское право, — не система или догма, которую преподавали на следующем курсе, а история римского права. Этот предмет читал Вениамин Михайлович Хвостов, — профессор американского типа, скорее учитель, нежели оригинальный ученый, но много дававший слушателям своих лекций. Он был лектором и преподавателем Божьей милостью: свободно владел словом, не читал, а рассказывал живо и непринужденно без всяких записок или конспектов. В его изложении история римского права становилась историей Рима и римской цивилизации, в которой правовые институты играли необходимую, но подсобную роль. Юридические понятия приобретали при этом кристальную прозрачность и логическую завершенность, может быть с некоторым ущербом тому, что было в историческом прошлом. Как бы то ни было, это было отличным введением к истории и процедуре правотворчества.

Проф. Хвостов не пользовался популярностью у студенчества. Я же сохранил к нему признательность: если существует особое юридическое мышление, я обязан и Хвостову тем, что его усвоил. Добрые чувства к В. М. Хвостову только окрепли, когда пришла весть о его трагическом конце. Торжество бессудного и насильнического большевизма оказалось настолько нестерпимым для законнической натуры Хвостова, что он предпочел наложить на себя руки — повесился»¹.

Выбор истории философии права в качестве главной специальности студент Ильин сделал не сразу. 6 октября 1902 года в Большой физической аудитории Московского университета состоялось торжественное открытие «Студенческого историко-философского общества», созданного по инициативе профессора С. Н. Трубецкого. Ильин принял участие в его организации и работе. За короткое время данное общество превратилось в довольно многочисленную организацию, в которой насчитывалось более тысячи членов. При обществе

¹ Вишняк М. В. Дань прошлому. С. 50–51.

имелась своя библиотека и читальный зал. Регулярно проводились его заседания, на которых выслушивались и обсуждались доклады на темы истории философии права. Было запланировано издание журнала общества.

Однако история философия права была в то время не единственной наукой, привлекавшей внимание Ильина. Осенью 1902 года Иван увлекся еще и лекциями профессора финансового права Ивана Христофоровича Озерова: стал ходить к нему на консультации, брать книги из его домашней библиотеки по истории кооперативного движения и фабричного дела в России. По его признанию, он даже «задумывал изучать историю русской фабрики»¹. Но в декабре 1902 года ему пришлось по причине заболевания бронхитом прервать на три месяца учебу.

Иван отправился лечиться к родителям в имение Большие Поляны, взяв с собой книги по истории философии: историю древней философии Виндельбанда, курс Новгородцева по истории философии права, диалоги древнегреческого философа Платона. Их чтение позволило ему окончательно определиться в своих научных интересах. «К весне Платон был мною изучен и полюблен»², — вспоминал он впоследствии об этом эпизоде своей студенческой жизни.

Вопросы именно по Платону выпали Ильину на весеннем экзамене по истории философии права у П. И. Новгородцева. Павел Иванович выслушал его ответ с некоторым изумлением и поставил ему самую высокую оценку — пять с плюсом. Видя благожелательное отношение к себе преподавателя, слывшего строгим экзаменатором, Ильин тут же попросил у него разрешения прийти в приемные часы к нему в дом для разговора о своих дальнейших занятиях историей философии права и получил согласие.

Павлу Ивановичу Новгородцеву было в то время 37 лет. Окончив в 1888 году юридический факультет Московского университета, он в течение нескольких лет изучал историю философии в западноевропейских университетах. В 1896 году ему было разрешено читать лекции на факультете в качестве приват-доцента по кафедре энциклопедии права и истории философии права. В 1897 году Новгородцев защитил магистерскую диссертацию по теме «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба». Годом ранее она вышла в свет

¹ Ильин И. А. Встречи и беседы // Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 352.

² Там же.

в виде книги¹. 22 сентября 1902 года молодой ученый защитил докторскую диссертацию «Кант и Гегель в их учении о государстве и праве». Ее текст был издан в качестве книги в 1901 году. В 1903 году появилась еще одна книга Новгородцева о Канте — «Нравственная проблема в философии Канта». Павел Иванович стал известным ученым, причем не только среди правоведов, но и в среде философов. 1 февраля 1903 года он был назначен экстраординарным профессором Московского университета по кафедре энциклопедии права и истории философии права. С 12 февраля 1904 года он будет занимать должность ординарного профессора по той же кафедре.

По воскресеньям с 10 до 12 часов дня Новгородцев устраивал у себя беседы на философские темы, для участия в которых приглашал молодых преподавателей, магистрантов и студентов юридического факультета Московского университета. На этих беседах бывали и юристы-практики, не утратившие со студенческих лет интереса к философии права, и просто знакомые Новгородцева, заходившие к нему в гости повидаться-поговорить. Павел Иванович проживал с женой Лидией Антоновной в комфортабельной квартире в доме, расположенном в Малом Знаменском переулке, но для бесед снимал меблированные комнаты в доме у Никитских ворот.

Придя к Новгородцеву в первый раз, Ильин сразу же заговорил о плане своих занятий историей философии права. «Сколько времени Вы хотели бы посвящать моему предмету?» — спросил его Павел Иванович. «Всю жизнь», — ответил ему Ильин. «Очень хорошо, а мы с своей стороны сделаем все возможное, чтобы облегчить Вам Ваши занятия и Ваше положение», — сказал на это Новгородцев и дал своему новому ученику первое задание — написать сочинение о Платоне.

Спустя годы И. А. Ильин напишет в своих воспоминаниях о Новгородцеве: «Двадцать два года я знал Павла Ивановича. Я помню его еще в звании доцента, до защиты им докторской диссертации. Мы, начинающие студенты, слушали его по-особенному, многого не понимая, напряженно ловя каждое слово, напряженно внимаю: он говорил *о главном*; не о фактах и не о средствах, отвлеченно, но о живом; он говорил *о целях жизни* и, прежде всего, *о праве ученого* исследовать и обосновать эти цели. Вокруг него, его трудов, докладов и лекций шла полемика, идейная борьба, проникавшая даже в газеты; с ним

¹ Новгородцев П. И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М., 1896.

соглашались, ему возражали; раздраженно выступали „материалисты“, энергично смыкали свои ряды „философы“. Слагалось *идейное бродило*, закладывались основы *духовного* понимания жизни, ответственности и политики. Его семинарий был многолюдный, оживленный, со страстными встречами марксистов, народников, идеалистов и с атмосферой общего доверия к истинному, уравновешенному, внутренне горящему и внешне сдержанному руководителю»¹.

Уроки П. И. Новгородцева наложили отпечаток на все творчество И. А. Ильина. «*Духовное* понимание жизни, общественности и политики» стало определяющей нитью его произведений.

Учеба Ивана Ильина в Московском университете проходила в сложной обстановке. С 1901 года в среде московского студенчества усиливались революционные настроения. Сходки, митинги становились обыденной практикой. Студенты все более втягивались в политическую борьбу.

5 декабря 1904 года Ильин участвовал в демонстрации, организованной московским Студенческим исполнительным комитетом для выражения протеста против разгона студенческой демонстрации в Санкт-Петербурге. Небольшая толпа московских студентов, построившись в каррэ, пошла под красным флагом и с песней по Тверской улице мимо генерал-губернаторского дома к площади Страстного монастыря². Но дойти до места назначения демонстранты не смогли. На них налетел отряд городских и стал наносить удары шашками в ножах. Демонстранты разбежались по прилегавшим к улице переулкам. Но часть из них была арестована. Среди арестантов оказался и Иван Ильин. После допроса его и остальных арестованных поддержали около месяца в заключении и выпустили.

Осенью 1905 года в Москве начались столкновения революционно настроенных рабочих с войсками. Студенты тоже участвовали в них: нелегко было молодым людям оставаться в стороне от революционного буйства.

Студент Ильин, кажется, искренне хотел быть вне политики. Он пытался смотреть на происходящее как посторонний. Но окружавшая его жизнь оказывалась сильнее личных устремлений. 11 октября 1905 года Иван записывал в своем дневнике: «Как кипит жизнь, как все борется, организуется, требует, живет!.. Несмотря на то, что я пока

¹ Ильин И. А. Памяти П. И. Новгородцева // Русская мысль. Прага, 1923/1924. Кн. IX–XII. С. 370–371.

² В настоящее время Пушкинская площадь.

в стороне ото всего, я чувствую себя в каком-то огне и жару. Сейчас в Москве стачка железнодорожников, фармацевтов, и с минуты на минуту ждут забастовку городских рабочих; железнодорожники остановили почтавт, и на Мясницкой казаки разгоняли их в 5 часов нагайками.

Только что пришел из университета, где происходят митинги. Собрание брестских железнодорожных рабочих, собрание фармацевтов, собрание инженерного союза... Все новые железные дороги прекращают работу, требования сплошь выставлены политические.

А я? Я сегодня изучал теоретико-познавательную логику Шуппе¹, психологическую теорию права Петражицкого² и сейчас сажусь за Кистяковского³. Мучительно заниматься отвлеченной наукой, но так нужно. Разлад, разбросанность чувств, рассеянность мыслей, хаос и усталость. Партии, программы, платформы, союзы, организации, побоища, выстрелы, смерти... А я с своей теорией познания, с а. (агностическим. — В. Т.) мирозерцанием, с сердцем прикованным к Берлину, и с метафизическими запросами; но это не упрек себе — Боже упаси; хорошо все это, но недостаточно светло... Но разве не все равно, *каким* погибнуть? Нет! Нет! Больше света, больше ясности и в жизни и в смерти, больше сознательности!»⁴

На следующий день после того, как была сделана в дневнике приведенная запись, то есть 12 октября, Ильин выступал на студенческом митинге в Московском университете. 13 октября он председательствовал на собрании студентов. В полночь открыл свой дневник, чтобы записать в него: «Дни бегут. Неудержимо, полно, трепетно. Москва накануне полной, всеобщей забастовки. В университете ежедневные митинги. Логика Шуппе приходит к концу. Вчера, и сегодня, и завтра. Днем — логика, право, Каутский⁵, вечером университет — митинг. Вчера я говорил на собрании, сегодня с 8 до 12 председательствовал. Говорил так себе, председательствовал хорошо. Завтра, кажется, опять говорю. Но говорить перед простой, средней публи-

¹ Вильгельм Шуппе (1836–1913) — немецкий философ-идеалист.

² Лев Иосифович Петражицкий (1867–1931), правовед, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

³ Богдан Александрович Кистяковский (1868–1920) — правовед и социолог.

⁴ *Ильин И. А. <Дневник> 1905, осень // Ильин И. А. Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 17.*

⁵ Карл Каутский (1854–1938) — экономист, историк и публицист, теоретик и лидер немецкого социал-демократического движения.

кой не стоит. Я больше и не буду. Завтра партийный „митинка“¹. На этом митинге, который собрали 14 сентября социал-демократы, Иван опять председательствовал. «Мне все равно, у кого председательствовать: они все несут и свет и тьму в головы публики и из столкновения их сверкают блестящие истины», — записывал он в свой дневник 20 октября и тут же признавался в том, что быть председателем собрания ему интересно: «Меня все благодарят за председательствование, ибо я веду собрание в порядке. Это такое ощущение: через час после начала от каждого слушающего и присутствующего протянута маленькая, тоненькая ниточка, ниточка нравственной привязанности — ко мне, и я, регулируя эти ниточки и их совместное дрожание, напрягая одни или все, и ослабляя их — заставляю всех присутствующих образовать некоторое стройное единство, содержание в которое вливают ораторы. Организованная коллективность чувствует, что она чем-то объединена, и не замечает, как растет ее настроение; к концу заседания — настроение — общее — повышено, чувствуется подъем, но подъем организованный, и когда я закрываю собрание, кажется, что разваливается что-то, мною созданное. Это — творчество, и творчество интересное»².

17 октября 1905 года император Николай II издал «Манифест об усовершенствовании государственного порядка», вменивший в обязанность правительства «даровать населению незабываемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Образованное общество встретило его с восторгом. Ильин же воспринял его весьма скептически. «Манифест никуда не годится, масса лазеек и ничего положительно не дано; слова, слова, слова...»³, — отметил он в своем дневнике.

Некоторые из людей, знавших Ивана Ильина в его молодые годы, впоследствии утверждали в своих мемуарах, что он отличался крайней революционностью, являлся деятельным членом Российской социал-демократической рабочей партии. «Ильин в молодости своей увлекался анархизмом и был крайним революционером», — писал Николай Николаевич Алексеев и в подтверждение этой оценки приводил следующий факт: «Помню, как однажды — это было

¹ Ильин И. А. <Дневник> 1905, осень // Ильин И. А. Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 18.

² Там же. С. 18–19.

³ Там же. С. 20.

в 1905 году — я зашел к нему по какому-то делу, жил он тогда на Молчановке, в небольшом домике, на втором этаже. Когда я подходил к нему, за мной шел человек в лохматой, барашковой шапке, с поднятым по уши воротником и выглядывающей из-под воротника черной бородой, — фигура, надо сказать, очень мрачная. В руках он нес большую плетеную корзинку, какие в России брали с собою в дорогу пассажиры третьего класса. Когда я вошел в подъезд дома Ильина, человек поотстал. Отпер мне Ильин, ввел в маленький его кабинет. Только что я уселся, последовал новый звонок. Дверь в прихожую была отворена, и я увидел, что следовавший за мною человек тоже шел к Ильину. Они о чем-то пошептались, человек ушел, а корзиночку Ильин внес в кабинет и осторожно поставил в комнате. Переговорив с Ильиным, я начал уходить и, двигаясь через маленькую комнату в прихожую, нечаянно задел корзиночку ногой. „Осторожно, Николай Николаевич, — воскликнул Ильин, указывая на корзиночку, — в ней бомбы“»¹.

О том, что в студенческие годы Иван Ильин был проникнут революционными настроениями и хранил у себя на дому бомбы для социал-демократов, упоминала в своих воспоминаниях и его двоюродная сестра Любовь Яковлевна Гуревич². «Революционером-эздеком», участником съезда РСДРП в Финляндии в 1905 году называла Ивана Александровича Ильина в своих мемуарах литератор Е. К. Герцык³.

Увлечение революцией и социализмом было в начале XX века довольно распространенным явлением в среде молодых русских интел-

¹ Алексеев Н. Н. В бурные годы // Новый журнал. Нью-Йорк, 1958. № 54. С. 162–163.

² См.: Лисица Ю. Т. Иван Александрович Ильин. Историко-биографический очерк // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 1. М., 1993. С. 9. Любовь Яковлевна Гуревич (1866–1940), литератор, театральная критик, была дочерью сестры отца Ивана Александровича Любоми Ивановны, вышедшей замуж за педагога и литератора Якова Григорьевича Гуревича (1843–1906). У Любоми Яковлевны было две родных сестры (Анна и Екатерина) и два брата (Яков и Виссарион). Екатерина Яковлевна вышла замуж за грузинского правоведа, выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского университета Луарсаба Николаевича Андроникашвили. Их сын Иракий Андроников (1908–1990) был известен как литературовед — специалист по творчеству поэта Лермонтова и великолепный рассказчик. В 70-е годы XX в. его увлекательные рассказы-воспоминания часто демонстрировались по телевидению.

³ См.: Герцык Е. К. Воспоминания (Н. Бердяев, Л. Шестов, С. Булгаков, В. Иванов, М. Волошин, А. Герцык). Париж, 1973. С. 153.

лектуалов. Не избежал его и студент Иван Ильин. Однако данное увлечение не было в нем настолько сильным, чтобы толкнуть его в ряды Российской социал-демократической рабочей партии. Е. К. Герцык скорее всего спутала Ивана Ильина с его братом Алексеем, который действительно был членом большевистской группировки РСДРП и даже участвовал в качестве начальника боевой дружины в декабрьском 1905 года вооруженном восстании московских рабочих¹.

Что же касается того, что Иван Ильин хранил у себя дома в 1905 году бомбы для социал-демократов, то данный факт сам по себе еще не свидетельствует о его крайней революционности. Он вполне мог делать это (и мне думается, так и было на самом деле) по просьбе своего брата Алексея — начальника боевой дружины (и не исключено, что именно его видел приносящим бомбы в дом Ивана Ильина Николай Алексеев).

Сокурсник студента Ивана Александровича Ильина по юридическому факультету Валентин Николаевич Сперанский писал о нем в статье-некрологе, опубликованной в 1955 году в парижской газете «Русская мысль»: «Ильин любил кипучую духовно-культурную жизнь первопрестольной столицы и сам всегда деятельно участвовал в ней, но по своим вкусам и навыкам был более европейцем, чем типичным московским обывателем. Даровитый вдумчивый юноша не примкнул ни к беспартийно-жизнерадостной студенческой богеме, ни к школьным ячейкам будущих революционеров. Благо наслаждения умственного, достигаемого порой путем тоскливых тревог и мучительных колебаний, всегда представлялось ему самым привлека-

¹ Об активном участии А. А. Ильина в революционном движении сохранились многочисленные свидетельства его товарищей (см., например: *Ильин И. А. Дневник. Письма. Документы. (1903–1938).* С. 449–451). Об этом свидетельствует и справка о нем из историко-партийного архива Московского комитета РКП (б), составленная в 1925 г. В этом документе говорится, в частности: «Ильин Алексей Александрович („Ермил Иванович“) по профессии филолог и юрист, с осени 1905 г. вступил в РСДРП во фракцию большевиков и работал до начала 1906 г. в боевой организации начальником жел. дорожной дружины и затем членом „боевой колонии“ при М. К-те, ведущем разведку. После подавления восстания специализировался по вопросам муниципального социализма и городского хозяйства, работал в Петербургской городской управе, был арестован и выслан в Якутскую область. По возвращении в Петербург снова работал там же в городском самоуправлении, причем весь свой заработок продолжал по своему обычаю делить с товарищами и жил коммуной чрезвычайно скромно. Затем получил приглашение читать курс по муниципальному социализму в Петербургском (ныне Ленинградском) университете, но, не приступив к этой работе, — осенью 1913 г. умер от брюшного тифа» (*Ильин И. А. Дневник. Письма. Документы. (1903–1938).* С. 451–452).

тельным и самым надежным из всех житейских благ»¹. Дневниковые заметки, которые Ильин делал осенью 1905 года, подтверждают свидетельство В. Н. Сперанского о его настроениях в то время. «Безумно хочу спокойно учиться!»² — признавал он в записи от 20 октября.

Была еще одна причина, по которой Иван Ильин, хотя и посещал партийные митинги, оставался к политической деятельности совершенно равнодушным. Эту причину звали Наталья. В дни, когда Москва дышала революцией, он жил любовью. 6 октября 1905 года Иван Ильин записывал в свой дневник: «Сегодня уехала Таля. Я давно готовился к этому дню, и он не поразил меня. Нити, опутывающие мое существо, вытянулись, стали длинные и натянулись, дрожа. Они постоянно содрогаются, каждая мелочь в этом оставленном пепелище тяготит душу, становится больно и хочется плакать! Хочется, чтобы чувство, создающееся от сознания взаимного одновременного содрогания этих нитей, — было всегда вполне, росло в бесконечность. Пусть так и будет. Моя душа полна нежного чувства»³.

7 октября — «Как будто неделя прошла с тех пор, что уехала моя Таля»⁴.

13 октября — «Боже мой, зачем же, зачем не со мною моя глубокая жена! Сейчас без 20 минут час. Ночь с 13-го на 14-е, нашего стиля. Нежно целую тебя, моя сонная детка, я всей душою с тобой!»⁵

Избранницей Ивана Ильина была Наталья Николаевна Вокач. Она родилась 28 мая 1882 года в дворянской семье⁶. Ее мать — Мария Андреевна (1854–19??) приходилась родной сестрой известному правоведу Сергею Андреевичу Муромцеву.

Отец Натальи Николаевны — Николай Антонович Вокач (1855–1905) — окончил юридический факультет. Служил канониром в 1-й Гренадерской артиллерийской бригаде. Ко времени вступления в брак с Марией Андреевной Муромцевой (6 сентября 1881 г.) он уволился в запас армии. С 26 ноября 1881 года и до 4 января 1883 года

¹ Цит. по: *Лисица Ю. Т.* Иван Александрович Ильин. Биографический очерк // Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 1. М., 1993. С. 8.

² *Ильин И. А.* <Дневник> 1905, осень // Ильин И. А. Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 20.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ См.: Свидетельство о рождении Н. Н. Вокач // Российский архив. Вып. V. С. 529.

Николай Антонович состоял на службе в Московском коммерческом суде — сначала в должности канцелярского чиновника, а со 2 декабря 1881 года — на месте присяжного пристава вексельного отделения. Впоследствии он был присяжным поверенным округа Московской судебной палаты, гласным уездного земского собрания.

По отцовской линии Николай Антонович Вокач являлся потомком выходцев из Сербии, которые служили в России врачами еще при Иоанне Грозном. Один из Вокачей в 30–40-е годы XVIII века служил в русской армии и принимал участие в возведении на императорский престол Елизаветы Петровны, за что получил дворянское достоинство. После смерти императрицы дворяне Вокачи стали преданными слугами Петра III. Екатерина II не простила им этой преданности, и они вынуждены были уехать из России в Германию. Один из Вокачей по имени Фридрих избрал себе научное поприще и стал профессором Лейпцигского университета. Его сын Фридрих Фридрихович Вокач после смерти Екатерины II поступил на русскую службу. В России он стал зваться Федором Федоровичем. Наталья Николаевна Вокач была его правнучкой. Ее дед — Антон Федорович Вокач (1820–1880) — женился на Евгении Николаевне Яниш (1821–1899), дочери инженера-гидротехника (с 1829 г. — генерал-майора) Николая Ивановича Яниша (1782–1854) и Шарлоты Яковлевны, урожденной де Витте (1795–1866).

Через мать своего отца Наталья Николаевна вела происхождение от голландской семьи де Витте и от немецкого дворянского рода Янишей из Силезии. Шарлота Яковлевна была дочерью приглашенного в 1783 году на русскую службу императрицей Екатериной II специалиста по строительству водных коммуникаций из Голландии Якоба Петра Эдуарда де Витте. А ее муж Николай Иванович являлся сыном врача Иоганна Генриха Яниша (ок. 1730–1812), приехавшего в 1758 году из Силезии в Россию и получившего здесь имя Ивана Николаевича¹.

Таким образом, русская кровь слилась в Наталье Николаевне Вокач с кровью сербской, немецкой и голландской. Так же, как Иван

¹ Свою службу в России Иван Николаевич Яниш начал с должности врача Санкт-Петербургского морского госпиталя. В 1764 году его перевели на место лекаря в Воскресенский Новодевичий монастырь, в 1771 году назначили врачом Сухопутного Шляхетского кадетского корпуса. С 1773 года он работал лекарем в Московском воспитательном доме. В 1797 году Иван Николаевич Яниш был возведен в чин коллежского советника.

Александрович Ильин, она увлекалась философией и эстетикой, занималась историей искусства.

В конце мая 1906 года И. А. Ильин получил диплом 1-й степени об окончании юридического факультета Московского университета. Ему было предложено остаться при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре энциклопедии права и истории философии права. В ходатайстве «к Московскому Юридическому факультету об оказании г. Ильину необходимой поддержки в его научных занятиях», поданном 7 июня 1906 года, профессор П. И. Новгородцев писал: «Я познакомился с г. Ильиным в то время, как он перешел на второй курс и стал заниматься под моим руководством изучением философии в классических произведениях древнего и нового времени. Первая работа его, написанная на тему о политических идеалах Платона, сразу показала то, что я имею в его лице даровитого и вдумчивого ученика, увлеченного предметом своих занятий. С тех пор и до окончания курса г. Ильин принадлежал к числу самых ревностных посетителей и участников моих практических занятий и вместе с тем продолжал свои занятия по философии. Эти занятия не прерывались и тогда, когда вместе с товарищами и со всем Университетом он переживал тревожные дни студенческих волнений. Его последнее, чрезвычайно основательное и обширное сочинение — „Учение Канта о вещи в себе в теории познания“ написано в последние годы, когда общая забастовка и расстройство академической жизни многих выбило из колеи и лишило возможности заниматься наукой. Чрезвычайно живой и увлекающийся, он вместе с тем отличается редкой настойчивостью в труде и величайшей преданностью науке. Сочинения, написанные г. Ильиным, показывают, что он удачно соединяет известный обобщающий дар со способностью прилежного и тщательного анализа»¹.

Текст указанного ходатайства подписал, помимо П. И. Новгородцева, и профессор Московского университета по кафедре энциклопедии права и истории философии права Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920).

26 июня 1906 года Иван Александрович сообщал Л. Я. Гуревич: ««За последние месяцы мое социальное положение несколько изменилось; я стал помощ<ником> прис<яжного> пов<еренного>»² и

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 224. Л. 254.

² В своих мемуарах, писавшихся в эмиграции, И. А. Ильин вспоминал, что в 1906 г., оставаясь в Московском университете для продолжения учебы в магистрату-

о моем оставлении при университете сделано официальное заявление на факультете. В августе осложнится мое семейное положение. Я и Наталья Николаевна думаем закрепить в глазах окружающих наши отношения, и для этого придется проделать эту навязчивую церковность. Потом мы думаем съездить в Полянки. Но все это не ранее середины августа. Не знаю, как сложатся у нее отношения с моей семьей, — это меня беспокоит»¹.

Венчание Ивана Ильина и Натальи Вокач состоялось 27 августа. Е. К. Герцык, родственница Натальи Николаевны по мачехе — второй жене своего отца Казимира Антоновича Лубны-Герцык — Е. А. Вокач² писала впоследствии в своих воспоминаниях: «В 1906 г. наша двоюродная сестра вышла замуж за студента Ильина. Недавний революционер-эсдек (он был на памятном съезде в Финляндии в 1905 г.), теперь неокантианец, но сохранивший тот же максимализм, он сразу порвал с родней жены, как раньше со своей, насквозь буржуазной, но почему-то исключением были мы с сестрой³, и он потянулся к нам со всей присущей ему пылкостью. Двоюродная сестра не была нам близка, но — умная и молчаливая — она всю жизнь делила симпатии мужа, немного ироническая к его горячности. Он же благоговел перед ее мудрым спокойствием. Молодая чета жила на гроши, зарабатываемые переводом⁴: ни он, ни она не хотели жертвовать временем, которое целиком отдавали философии. Оковали себя железной аскезой — все строго расчислено, вплоть до того, сколько

ре, он записался помощником присяжного поверенного к И. А. Кистяковскому «без намерения работать по адвокатуре», а на случай «самого большого краха» (Ильин И. А. Встречи и беседы // Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 330). Игорь Александрович Кистяковский (1868–1920), присяжный поверенный, приват-доцент юридического факультета Московского университета.

- ¹ Ильин И. А. Письмо к Л. Я. Гуревич от 26 июня 1906 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 30–31.
- ² Мачеха Евгении Казимировны Герцык (1878–1944) — Евгения Антоновна Лубны-Герцык, урожденная Вокач (1855–1930) — была родной сестрой отца Натальи Николаевны Вокач.
- ³ Евгения Казимировна имеет в виду свою родную сестру поэтессу Аделаиду Казимировну Герцык (1874–1925)
- ⁴ В 1908 г. И. А. Ильин перевел на русский язык со своей женой Н. Н. Вокач книгу немецкого философа, профессора Берлинского университета Георга Зиммеля (*Georg Simmel*) «*Ueber soziale Differenzierung* (О социальной дифференциации)», третье издание которой было опубликовано в 1906 г. Русский перевод данной книги вышел в свет в 1908 г.

двугривенных можно в месяц потратить на извозчика; концерты, театр под запретом, а Ильин страстно любил музыку и Художественный театр. Квартира, две маленькие комнаты, блистала чистотой — заслуга Наталии, жены»¹.

В сентябре 1906 года Совет Московского университета принял решение об оставлении И. А. Ильина при университете для подготовки к званию профессора по кафедре энциклопедии права и истории философии права. Молодому правоведу надлежало изучить курс истории философии права и подготовиться к магистерскому экзамену.

В инструкции для занятий по этому предмету, составленной его научным руководителем профессором Новгородцевым, говорилось: «Прежде чем приступить к изучению юридических и политических теорий, составляющих содержание истории философии права, г. Ильин должен ознакомиться с общим ходом развития философии в истории... Вслед за этим рекомендуется г. Ильину обратиться к более специальному изучению истории философии права, как по общим очеркам ее развития, так и по оригинальным произведениям некоторых крупнейших мыслителей... Наконец, рекомендуется изучение некоторых новейших сочинений, характеризующих основные течения мысли за последнее время, а именно: для ознакомления с позитивной социологией предлагается изучение главных социологических трудов Спенсера, а для усвоения общего направления новокантианской философии права изучение книги Штамллера „*Wirtschaft und Recht <nach der materialistischen Geschichtsauffassung>*“»². Список трудов, предлагавшихся в инструкции Ильину для чтения, был небольшим. В него включались работы по истории философии В. Виндельбанда, Ф. Убервега, К. Фишера, книги по истории политических учений Б. Н. Чичерина, «История философии права, общества и государства» П. Г. Редкина, а также сочинения Платона, Макиавелли, Монтескье, Руссо, Канта, Фихте, Гегеля, Спенсера, Штамллера, которые Ильину рекомендовалось изучить в подлинниках.

«Отчет о занятиях оставленного при Императорском Московском Университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре энциклопедии права и истории философии права Ивана Александровича Ильина за первый год по оставлении (1907 г.)»³ сви-

¹ Герцык Е. К. Воспоминания. С. 153–154.

² РГИА. Фонд 733. Оп. 153. Д. 224. Л. 255.

³ РГИА. Фонд 733. Оп. 154. Д. 14. Л. 128–139.

детельствует, что он проштудировал в несколько раз больше того, что ему было рекомендовано Новгородцевым.

Результаты своих занятий по философии Платона Ильин обобщил в письменной работе «Идеальное государство Платона в связи с его философским мировоззрением». Ее объем охватывал 84 рукописные страницы, а содержание сводилось к следующим тезисам: «Идеальное государство Платона находится в тесной связи с его философским мирозерцанием. Метафизическое учение его разрешается в дуализм, проходящий красной нитью через всю систему. Дуализм в онтологии породил дуализм гносеологический, психологический и этический, с одной стороны, с другой — попытки примирения его через третье начало. Философия Платона не может быть охарактеризована как субъективный идеализм. Характерной особенностью мышления Платона является склонность к гипостазированию логического ряда. Удовольствие и добро не совпадают в его этическом учении. Нравственное удовольствие является последствием добра в человеке, а не обоснованием его... Добро автономно, но доступно в том виде только облагоустроенному сознанию. С учением о единой мировой всепроникающей гармонии связано утверждение идентичности законов социальных и психологических и органического единства государства. Высшая задача философа и цель идеального правопорядка — создать не счастье (земное или загробное), а воплотить идею, оправдать добро, ценное само по себе. Осуществление своего социального идеала Платон считал трудным, но возможным. Практическое значение истинного знания есть основная предпосылка идеального государства. Требование предоставить абсолютную власть правителю-философу и регламентировать частную жизнь вытекает из гносеологического и нравственного учения Платона. Платон понимал свободу как нравственное самоограничение. Личность — не цель, а средство в государстве Платона. Оправдание добра достигается осуществлением естественного права с абсолютным содержанием. Сословие стражей не привилегированное, а служилое. Коммунизм учреждается во имя братства. Подчинение третьего сословия стражам и отношение Платона к физическому труду связаны с общим мирозерцанием. Затруднение постигло Платона при решении проблемы создания не невозможного идеала. Платон требует установления семейного и имущественного коммунизма и для третьего сословия, но лишь по мере возможности. Идеальное государство Платона стремится осуществить прогрессивные начала реакционными средствами».

При изучении философских систем нового времени Ильин наибольшее внимание уделил сочинениям Канта, Фихте, Шеллинга. Результаты этих занятий он суммировал в трех письменных работах: одна из них была написана по теме «Учение Канта о вещи в себе в теории познания» и состояла из 307 страниц рукописного текста, другая носила название «Учение Фихте Старшего о самосознании. Предпосылки и аспекты гносеологии первого периода. Опыт дифференциации» и охватывала 324 страницы, третья — по теме «Учение Шеллинга об Абсолютном (Субъект. Вещь в себе. Дух. Организация. Бытие. История. Государство. Бог)» не была завершена магистрантом в отчетном 1907 году.

Кроме того, Ильин сообщал в своем отчете, что перевел на русский язык с немецкого и напечатал брошюру Штамлера «*Die Theorie des Anarhismus*» и книгу *Eltzbacher*'а «*Anarchismus*»¹.

В течение 1908 года И. А. Ильин завершил работу по философии Шеллинга, а также другие свои сочинения, предусмотренные программой подготовки к магистерскому экзамену («Идея конкретного в философии Гегеля», «Учение Руссо об общей воле», «Учение Аристотеля о рабстве», «О методологии государственных наук»).

В архивных фондах сохранился датированный 25 сентября 1908 года отзыв П. И. Новгородцева о занятиях И. А. Ильина во время его учебы в магистратуре Московского университета. «В качестве руководителя г. Ильина я могу утверждать, — отмечал Павел Иванович, — что работы, представленные им в подтверждение успешности его занятий, свидетельствовали о крайне тщательном и серьезном отношении его к своим задачам. Г. Ильин действительно входит в существо изучаемого предмета и подолгу останавливается на каждой теме. В этом отношении он проявляет совершенно выходящую из ряда трудоспособность, соединенную с величайшей преданностью избранной им специальности. Его приходилось не побуждать, а останавливать в занятиях, опасаясь для него переутомления от чрезмерной работы. Вместе с тем очевидно, что, несмотря на такую работу, г. Ильин не мог выполнить в двухгодичный срок данной ему обширной программы. Его прием углубленного и всестороннего изучения каждой темы требовал значительного времени, и потому общая подготовка его должна была замедлиться. Я признаю, однако, на основании просмотра обширных работ, представленных г. Ильиным, и

¹ Иван Александрович отметил в отчете, что данную книгу он перевел совместно с Н. Н. Вокач (своей супругой).

на основании постоянного наблюдения за ходом его научной подготовки, что в течение периода своего оставления при Университете он вел свои занятия с совершенно исключительным прилежанием, чрезвычайно плодотворно и вполне согласно с данной ему факультетом инструкцией»¹.

20 февраля 1909 года Ильин был допущен к магистерскому экзамену по истории философии права и государственному праву — в мае он выдержал его с оценкой «весьма удовлетворительно». В ходатайстве об отправке Ильина в научную командировку за границу, написанном 22 октября 1909 года, Новгородцев дал следующий отзыв о своем ученике: «Г. Ильин после пятилетних занятий под моим руководством блестяще сдал экзамен на степень магистра в истекшем академическом году. Он обнаружил совершенно необычную для своих лет эрудицию и обратил на себя внимание факультета как своими познаниями, так и присущим ему даром изложения. Подготовка г. Ильина оказалась одинаково серьезной как в юридических дисциплинах, по которым ему пришлось подвергаться испытанию, так и в области философии права. Все данные заставляют считать, что из него выработается не только дельный преподаватель, но и даровитый ученый, который сделает честь воспитавшему его Университету. В настоящее время, сдав магистерский экзамен, г. Ильин приступает к подготовке своей магистерской диссертации. И в целях лучшей работы над диссертацией, и в интересах дальнейшей подготовки к кафедре представлялось бы крайне желательным командировать г. Ильина за границу, с тем, чтобы он мог закончить свою работу и ознакомиться с постановкой преподавания в западных университетах. Я очень ходатайствую перед юридическим факультетом оказать в этом отношении поддержку молодому и многообещающему ученому»².

¹ РГИА. Фонд 733. Оп. 154. Д. 14. Л. 127.

² РГИА. Фонд 733. Оп. 154. Д. 376. Л. 12.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НАЧАЛО ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ПЕРВЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Новгородцев просил в своем ходатайстве отправить Ильина в научную командировку с 1 января 1910 года. Но оформление документов задержало отъезд его ученика за границу ровно на год. Эта задержка позволила молодому правоведа начать преподавательскую деятельность. С сентября 1909 года Ильин стал читать лекции по истории философии права и вести семинары по дисциплине «Общая методология юридических дисциплин» в учебном заведении под названием Московские высшие женские юридические курсы¹. Одновременно он приступил к преподаванию и в Московском коммерческом институте², в котором директором являлся с 1906 года П. И. Новгородцев. Эти лекции дали Ивану Александровичу, помимо опыта преподавательской деятельности, еще и сносный постоянный заработок. 30 мая 1909 года он писал к своей двоюродной сестре Л. Я. Гуревич: «Одновременно с этим письмом я перевожу тебе по почте сто рублей. Возьми их, не колеблясь ни минуты; они мне *абсолютно* не нужны по крайней мере до марта 1910 года, но и после марта мне не будет в них зареза. *Твердо* верь, что у нас с Талей хватило бы элементарного эгоизма для того, чтобы не дать то, без чего мы не могли бы жить сами. *Никакого* отказа *ни в чем* нам не придется себе делать из-за этих денег: эти деньги просто лежали бы у нас в копилке. Зима наша обеспечена впереди прекрасно (чтение на высш<их> женск<их> юрид<ических> курсах даст мне 900 р. За *три* нед<ельных> часа и уроки в коммерческом от 400–700

¹ Частное учебное заведение, созданное В. А. Полторацкой.

² Для преподавательской работы в этом учебном заведении Ильин был приглашен еще весной указанного года.

рублей — столько мы еще никогда не проживали). Всякий же случайный нехват обеспечивается вполне широким кредитом личного характера, который я имею у М. И. Бруна¹: я беру у него как у родного отца. Словом, вопрос исчерпан. Об одном просим тебя неотступно: о тебе и Люле болит у нас душа — себя и ее имей в виду, тратя эти деньги; мы слишком чувствуем, как их мало и как не хватит их и тебе самой. И еще одно: не говори никому даже из близких об этом, пусть останется между нами тремя. Нет, и еще одно: не благодари нас ни капельки, как я не благодарил тебя, когда ты подписалась мне на «Слово». Грущу о тебе и твоём состоянии бесконечно... Береги себя! Свирепо, безжалостно береги себя!»²

23 января 1910 года Ильин был единогласно избран действительным членом Московского Психологического общества. Оно было основано в Московском университете в 1885 году с целью способствовать развитию психологии и взаимосвязанных с ней наук (этики, эстетики, логики, философии права, эстетики, педагогики и др.). Члены общества регулярно проводили заседания, на которых выслушивались и обсуждались доклады по проблемам названных наук. С 1889 года общество издавало журнал «Вопросы философии и психологии», на страницах которого публиковались протоколы его заседаний, тексты докладов, научные статьи.

В 1910 году И. А. Ильин получил разрешение преподавать на юридическом факультете Московского университета в качестве приват-доцента по кафедре энциклопедии права и истории философии права. В журнале Психологического общества была опубликована в этом году его первая научная работа — «Понятия права и силы»³.

Ильин подошел к проблеме соотношения права и силы с общеправовой точки зрения. Иначе говоря, он стремился выяснить в своей статье не столько случаи соподчиненного положения этих понятий, когда оба они подчинены какому-либо третьему над ними стоящему понятию, сколько ситуации, когда все признаки одного из них присущи другому. Размышляя в этом направлении, Ильин пришел к

¹ Михаил Исаакович Брун (1860–1916) — присяжный поверенный, преподаватель Коммерческого института, специалист в области международного частного права.

² Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 36.

³ Ильин И. А. Понятия права и силы. Опыт методологического анализа // Вопросы философии и психологии. 1910. № 21. Кн. 101(2). С. 1–38.

выводу о том, что право обладает всеми признаками силы в «реальном» правопознании, то есть в психологическом, социологическом, историческом и политическом рядах рассмотрения. Но ему не присущ ни один из признаков силы в «юридическом» правопознании, то есть в нормативном и логическом ряду. «Отсюда ясно, — подчеркивал он, — что те определения права и других понятий юриспруденции, которые включают в себя явно или тайно момент силы в том или ином ее понимании, должны быть признаны *не* юридическими в тесном и строгом смысле этого слова или же должны быть исправлены, так сказать, методологически очищены и освобождены от этого момента. При этом Ильин не отрицал возможности и необходимости таких не юридических определений, но стремился доказать, что «и вообще, и для них самих необходимо сначала установить юридическое определение».

Молодой правовед утверждал в своей статье, что определение права как «выражения воли» должно быть отнесено не в юридический, а в психологический ряд. И определение права как «выражения интереса» не может, считал он, быть включено в юридический ряд, «ибо и оно вводит в логический анализ каузальное рассмотрение и этим придает самому праву реальное значение силы». «Точно так же с методологической точки зрения, — продолжал Ильин, — неправильно вводить в юридическое определение права признак „принуждения“, если только под этим не разумеется просто неизменную наличность санкционирующей нормы». По его мнению, «вопрос о том, влечет ли за собою всякая „правовая норма“, как таковая, проявление и действие социально-принудительного аппарата или *не* влечет, есть вопрос, который может быть решен только описанием и типизацией реального процесса — индивидуального или социального переживания права. Принуждение в этом смысле есть момент реального воплощения, реального действия права; оно предполагает, что само право перешло в состояние реальности, что оно реально действует, что оно — сила».

Ильин выступил в рассматриваемой статье также против попыток введения в юридическое определение права признака угрозы или общественной санкции. «В этом случае, — отмечал он, — устанавливается тот типичный, якобы для сознания всякой правовой нормы факт, что это сознание сопровождается всегда представлением о возможности или даже неизбежности психического или физического давления на индивида со стороны более или менее определенных общественных слоев. Если даже признать, что право действительно всегда *пере-*

живается психически в аспекте силы, то юрист берет право именно не как переживание, а как норму и не привлекает к ее анализу все комплексы ассоциаций, которые его сопровождают».

Не имеющим юридического характера Ильин считал и понимание обязательности правовой нормы как силы. По его словам, «если обязательность нормы определять как действие ее на человеческую волю, то определение это введет правовую норму в психологический ряд, ибо на волю действует *не норма, а представление о норме*, переживание нормы. Конечно, с *психологической* точки зрения степень обязательности нормы измеряется той интенсивностью, с которой представление о ней действует на волю. Но *юридически* норма сохранит свою обязательность и там, где, может быть, на протяжении ста верст нет ни одного человека, который имел бы о ней представление».

В начале XX века в университетских городах России распространилась мода на различные литературные и философские кружки. Молодые интеллектуалы и мудрые университетские профессора, писатели, журналисты, художники, музыканты собирались у кого-либо в доме и обсуждали литературные произведения, спорили на философские темы, размышляли о судьбе России. Ильин посещал несколько таких кружков¹. 6 апреля 1910 года философ и публицист Владимир Францевич Эрн встретил Ивана Александровича на вечеринке у Н. А. Бердяева. На следующий день он писал о своих впечатлениях жене Евгении Эрн: «Вчера усталый, с головной болью я пошел к Бердяевым. Нельзя было не пойти. Это была последняя вечеринка у них. А на днях они уезжают... Н<иколай> А<лександрович> сделал нечто вроде философского смотра. Пригласил Степуна, Ильина (у него супруга — сущий Гуссерль², хотя не без симпатичности). Ильин очень талантливый человек, но не творческий, самолюбив и с полдюжиной бесенят. Хвостики так и мелькают в глазах. Улыбка с сарказмом. Все это, молодость и талант, привлекают».

¹ Об одном из философских кружков, в работе которого участвовал И. А. Ильин, написал в своих мемуарах Андрей Белый. См.: *Белый А. Между двумя революциями*. М., 1990. С. 270–271, 276, 279. В статьях, посвященных И. А. Ильину, иногда приводятся высказывания о нем Андрея Белого, хотя ценность их равна нулю. Кроме черной злобы, которой Андрей Белый буквально захлебывался, его писания об Ильине ничего не выражают. Впрочем, Иван Александрович, в свою очередь, сильно недолюбливал Андрея черно-Белого.

² В. Ф. Эрн имел в виду немецкого философа, основателя феноменологии Эдмунда Гуссерля (1859–1938).

В конце января 1911 года¹ И. А. Ильин выехал в научную командировку в Западную Европу. В инструкции, составленной для него П. И. Новгородцевым, говорилось, что «Ильин командирован за границу, с одной стороны, для того, чтобы подготовить диссертацию на избранную им тему „Кризис рационалистической философии права в Германии в XIX веке“, с другой стороны, для того, чтобы ознакомиться с характером и приемами университетского преподавания по предмету его специальности. Для этого г. Ильину рекомендуются занятия в университетах Берлина, Гейдельберга, Фрейбурга, Галле, Геттингена, Марбурга и Парижа. Имея в виду, что тема, избранная г. Ильиным, предполагает знакомство с исторической и современной разработкой теоретико-познавательных и социально-философских проблем, ему рекомендуется обратить внимание, с одной стороны, на общие курсы истории философии и теории познания, с другой — на курсы, специально посвященные философии права и логике общественных наук. В особенности ему следует прослушать Зиммеля и Мюнстенберга в Берлине, Виндельбанда и Ласка в Гейдельберге, Штаммлера в Галле, Когена и Наторпа в Марбурге, Бутру и Бугле в Париже. Принимая во внимание будущую профессорскую деятельность, г. Ильин должен также обратить внимание на приемы преподавания и особенно на постановку практических занятий. Для этого ему особенно рекомендуется посетить практические занятия Виндельбанда и Еллинека в Гейдельберге, Риккерта в Фрейбурге, Штаммлера в Галле, Когена и Наторпа в Марбурге»².

Вместе с Ильиным за границу отправилась и его супруга Наталья Николаевна. Из содержания писем Ивана Александровича из-за гра-

¹ В историко-биографическом очерке, предвещающем первый том 10-томного собрания сочинений И. А. Ильина, говорится, что он уехал за границу в научную командировку в конце 1910 г. (*Лисица Ю. Т. Иван Александрович Ильин // Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 томах. Том 1. М., 1993. С. 11*). Эта же дата отъезда Ильина за границу называется и Д. Цыганковым в статье «...Отличается редкой настойчивостью в труде и величайшей преданностью науке», опубликованной в журнале «Правоведение» (1994. № 2. С. 90–98). Между тем сохранилось письмо Ивана Александровича к Л. Ю. Гуревич от 25 января 1911 г., отправленное предположительно из Москвы и во всяком случае не из-за границы, если принять во внимание его содержание. См.: *Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 37–39. Письмо к тому же адресату, датированное 2 февраля 1911 г., отправлено из Берлина (там же. С. 39–44).*

² «Инструкция Ивану Александровичу Ильину, оставленному при Университете по кафедре истории философии права и энциклопедии права на время заграничной командировки» // РГИА. Фонд 733. Оп. 154. Д. 376. Л. 13–14.

ницы к родственникам видно, что он побывал в Берлине, Мюнхене, Дрездене, Бамберге, Нюрнберге, Болонье, во Флоренции, Риме, Неаполе, Вене, Геттингене, Париже, Бретани, Кельне. «Дорогой папа! Я во Флоренции, — сообщал он отцу 30 марта 1911 года. — В первый раз вижу Италию и воспринимаю старое итальянское искусство во всем его богатстве»¹.

Только в Геттингене, куда Ильин прибыл в начале мая 1911 года, он приступил к научным занятиям, ради которых поехал за границу. В письме к Л. Я. Гуревич, отправленном 14 мая, Иван Александрович сообщал: «Я не писал тебе долго потому, что почти тотчас же по приезде в Геттинген сделал большое внутреннее усилие и ушел в учение. Усилие было нужно тем большее, что за месяц жадного, пьющего зрения душа отвыкла от категорий рационального...»²

Увиденное в городах Западной Европы произвело на Ильина глубокое впечатление. «Целые гнезда выжжены во мне тем, что я видел, главное во Флоренции, — признавался он в письме к двоюродной сестре. — И возвращаясь к этим гнездам, я сам невольно удерживаю дыхание и умолкаю, чтобы не коснуться недостойно этих мест. Что-то постарело за этот месяц во мне, что-то свернулось и ушло в себя. Знание не только радость и боль, знание — старость и молчание. Что-то медленно, но тяжело и бесповоротно перелаживается во мне, и говорить об этом невозможно. Какие-то углы и опоры вышли из равновесия перед тем, как уложиться окончательно и по-новому»³. Однако многое из того, с чем пришлось Ильину столкнуться за границей, вызывало в нем отвращение. Особенно сильно не понравился ему быт немцев. «Германия нам надоела до невыносимости (собственно — немцы, конечно); мечтаем расстаться с ними», — жаловался Иван Александрович в письме к Л. Я. Гуревич, отправленном из Геттингена 11 июля 1911 года. И подобные жалобы содержались почти в каждом его письме отсюда. 30 июля 1911 года: «Мы просидим еще в Геттингене около недели, и до отъезда я напишу тебе. Вот уже месяц, как тут стоит деморализующая жара, духота и томление. Мещанство мелких немцев надоскучило в высокой степени»⁴. 7 августа: «Уезжаем из Гет-

¹ Ильин И. А. Письмо к А. И. Ильину от 30 марта 1911 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 21.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 46–47.

⁴ Там же. С. 50.

тингена завтра утром... Радуюсь отъезду из здешней дыры, порядком мне надоевшей»¹.

Во время пребывания Ильина за границей в Московском университете произошли серьезные перемены. 11 января 1911 года Совет министров издал постановление, резко ограничивавшее автономию университетов. Согласно ему, в стенах высших учебных заведений России запрещалось проводить студенческие собрания и митинги, в случае же, если этот запрет нарушался, градоначальники обязаны были с помощью полиции принимать быстрые и решительные меры для восстановления правопорядка. Предпринимая такую меру, правительство руководствовалось благим намерением воспрепятствовать быстро шедшему процессу политизации университетов, их превращению из учебных заведений в политические клубы. Однако со стороны самих университетов указанное правительственное постановление вызвало резко отрицательное отношение — в нем увидели покушение на университетскую автономию, попытку установить в университетах двоевластие².

В знак протеста против порядков, введенных этим постановлением, ректор Московского университета А. М. Мануилов и проректор М. А. Минаков подали прошение об освобождении их от своих должностных обязанностей. За это они были уволены с постов ректора и проректора, а также с профессорских должностей. Целый ряд профессоров и преподавателей Московского университета сочли себя оскорбленными и подали в начале февраля 1911 года заявления об отставке. В результате из университета ушли 21 профессор и более ста штатных преподавателей и приват-доцентов. Среди них был и научный руководитель И. А. Ильина П. И. Новгородцев.

Пребывая за границей, Ильин внимательно следил за ходом этих событий. Всей душой он был на стороне ушедших из стен Московского университета преподавателей. «Возвращаться в Москву тягостно из-за университета; могут забить его сволочью, — делился он в мае 1911 года своим настроением с Л. Я. Гуревич. — ...Лекции мне обеспечены во всяком случае на женских юрид<ических> курсах. Постараюсь в университете не читать, но могут заставить рано

¹ Ильин И. А. Письмо к А. И. Ильину от 30 марта 1911 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 50.

² Именно такая оценка была дана указанному постановлению правительства Советом Московского университета на заседании, состоявшемся 28 января 1911 г.

или поздно. Уход всеобщий был, кажется, все-таки героической ошибкой...»¹

Спустя два месяца Ильин был еще более пессимистичен в своей оценке происходящего в России и в Москве, о чем свидетельствуют следующие его слова из письма к двоюродной сестре: «Вести из России не радуют. Цинизм последних и готовящихся мероприятий министерства народного просвещения производит впечатление какой-то жажды побить рекорд, выкинуть не виданное даже еще и в России. И я не только боюсь, но отчасти знаю как факт, что атмосфера, создаваемая этими мерами, — деморализует многих. Вспомни хотя бы „боязнь“ профессоров медиц<инского> института ходатайствовать за увольняемых, дабы „не попасть в опалу, в проскрипцию“ и т. д. Из Москвы долетают иногда вести еще более горькие. Внутренне с тревогой оглядываешься и ищешь, где же тот большой и сильный, который сказал бы нужное, необходимое, что обожгло бы общественную душу, потрясло бы ее и остановило бы те расплзающиеся щели и трещины, от которых шатается и осыпается все, без чего трудно дышать... Тягостно возвращаться в Москву. Я даже не могу представить себе, сколь далеко зашла эта противоположная дифференциация на „ушедших“ и „оставшихся“. Знаю только, что появились люди, ругающие ушедших за не-этическую атмосферу, созданную „ушедшими“ в университете за то время, пока они были не у дел. Как покажется тебе такое суждение: „правые (т. е. ликующие свиньи) профессора Моск<овского> унив<ерситета> могут сослаться в оправдание своего поведения на партийность и недостаточную культурность-этичность левых, в бытность их у власти“?... Итак: ты *был* подл; он *стал* подл; молчи на его подлость, ибо ты был сам подл. В воздухе слышится призыв к совокупной, упоенной соборной подлости... Не знаю, как придется жить в атмосфере такого давления»².

В начале мая 1912 года Иван Александрович и Наталья Николаевна возвратились в Россию. До начала июля они безвыездно пребывали в Выропаевке — в родовом имении тещи Ильина Марии Андреевны, которое находилось в Крапивенском уезде Тульской губернии близ станции Лазарево. Затем на короткое время наведались в Москву — по всей видимости, для того, чтобы подыскать себе новую

¹ Ильин И. А. Письмо к Л. Я. Гуревич от 14 мая 1911 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 47.

² Ильин И. А. Письмо к Л. Я. Гуревич от 31 июля 1911 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 53–54.

квартиру. 20 сентября Ильин с женой переехали в Москву. Поселились они на Воздвиженке — в квартире № 36 в доме № 2 по Кресто-воздвиженскому переулку.

С осени 1912 года И. А. Ильин возобновил свою преподавательскую деятельность на юридическом факультете Московского университета. Ему было поручено читать лекционный курс «Введение в философию права» и вести семинарий по общей методологии юридических наук. Одновременно Иван Александрович стал читать лекции по истории философии права и вести семинарий по общей методологии правовых наук на юридическом и историко-филологическом факультете Высших женских юридических курсов В. А. Полторацкой. В дополнение он взялся вести уроки философии в доме профессора Г. Н. Габричевского. Получилось 16 часов в неделю учебных занятий.

Должность декана юридического факультета Московского университета занимал тогда профессор П. В. Гидулянов¹. Иван Александрович вспоминал впоследствии, как Павел Васильевич, встречаясь с ним в профессорской комнате, уговаривал его, молодого приват-доцента, «упрощать» преподавание, не осложнять его «ненужной глубиной и детализацией». Надо «пропускать студентов через университет, не затрудняя их» — «Вы попроще, попроще, видите в чем дело! Примите во внимание — не надо затруднять», — упрашивал он Ильина. И при этом советовал ему скорее защищать диссертацию, поскольку кафедра вакантна. «Припишите к вашему этюду „Понятия права и силы“ листа три, — говорил Гидулянов молодому преподавателю, — и подавайте на магистерскую степень»². Ильин на первый совет ничего не ответил, на второй сказал, что готовит большую работу о Гегеле и менять тему не намерен.

После возвращения Ильина из-за границы разладились его отношения с Новгородцевым. Павел Иванович поверил наветам, которые распространяли о его ученике недоброжелатели последнего и обыкновенные интриганы. Одним из них был Б. А. Кистяковский³.

¹ Павел Васильевич Гидулянов (1874–1937), профессор церковного права в Московском университете, с 1911 г. — директор Лазаревского института восточных языков.

² *Ильин И. А. Встречи и беседы // Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары. М., 1999. С. 335.*

³ Богдан Александрович Кистяковский (1868–1920), приват-доцент Императорского Московского университета по кафедре государственного права в 1910 г., приват-

Во время заграничной командировки Ивану Александровичу довелось дважды встретиться с ним. И оба раза Кистяковский пытался склонить его к объединению с Б. П. Вышеславцевым и Н. Н. Алексеевым с тем, чтобы противодействовать П. И. Новгородцеву. Весной 1912 года перед самым возвращением из-за границы в Россию Ильин получил от Кистяковского длинное письмо, в котором тот опять призывал его объединиться с названными лицами, чтобы устроить фронт против Новгородцева, «показать ему его невысокое место и сломить его власть»¹. Ильин ответил, по его словам, «иронически-негодующим письмом, обличая его интригу и издеваясь над ней»².

Вернувшись в Москву раньше Ильина, Кистяковский напросился на разговор к Новгородцеву и постарался во время его именно Ивана Александровича представить человеком неуживчивым и склочным. При первой же встрече со своим учеником Павел Иванович высказал ему все эти мнения, вложенные в его уши Кистяковским. Ильин вполне мог показать Новгородцеву письмо от интригана и разоблачить его, но, оскорбленный недоверием к себе со стороны своего учителя, не стал делать этого.

Весной 1913 года Ильин поссорился с С. А. Котляревским, который был дружен с Новгородцевым. Сергей Андреевич пытался примирить Ивана Александровича с Павлом Ивановичем, но при этом в качестве главного виновника расхождения между ними представлял Ильина, который якобы проявил неуважение к своему учителю. Ивану Александровичу надоело слышать от Котляревского сентенции о том, как грустно положение тех университетских учителей, против которых восстают их ученики, и он высказал ему однажды открыто все, что думал о нем, о его подлом поступке в феврале 1911 года. Котляревский активно агитировал тогда преподавателей к отставке из Московского университета, но сам в отставку не подал, поскольку узнал на личном приеме у министра народного просвещения Л. А. Кассо, что все заявления преподавателей об отставке будут удовлетворены, даже если их будет целая сотня.

Сам Новгородцев в феврале 1911 года ушел в составе группы преподавателей из Московского университета и преподавал в Коммерче-

доцент Ярославского Демидовского лицея в 1911–1917 гг., профессор Украинского государственного университета в 1918–1920 гг.

¹ Ильин И. А. Встречи и беседы // Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 333.

² Там же.

ском институте. На просьбу приехавшего из-за границы Ильина помочь ему в устройстве на преподавание в этом учебном заведении, Павел Иванович сначала ответил отказом и только год спустя рекомендовал своего ученика в преподаватели Коммерческого института. В данном случае сыграла свою роль беседа Ильина с женой Новгородцева Лидией Антоновной, состоявшаяся на одном из ужинов у знакомых, где они оказались в числе приглашенных. Как бы то ни было, 1 ноября 1913 года Иван Александрович стал сверштатным доцентом Московского коммерческого института по кафедре государственного права.

Доцент Ильин быстро сделался самым популярным среди студентов этого учебного заведения преподавателем. «Просеминарий в Комм<ерческом> Институте давал мне удовлетворение, — вспоминал он позднее о своей работе в этом учебном заведении. — Огромная аудитория (*maximum*). Большая посещаемость (1200 человек нормально, 900 к концу семестра). Высокая кафедра с винтовой лестницей. Живая свободная импровизация, доводящая сущность права и правопереживания во всех его элементах до образной ясности, до очевидности на всю жизнь»¹.

Вместе с Ильиным в Коммерческом институте преподавал также Николай Николаевич Алексеев. На склоне своих лет он вспоминал: «Ильин умел вдолбить в своих студентов сухие элементарные понятия общей теории права — его практические занятия по этому предмету в Коммерческом институте собирали не одну сотню студентов. Нарочитую серьезность своего устного изложения он старался смягчить остротами, которые были рассчитаны на невысокий вкус, но нравились студентам. Про него была сочинена эпиграмма: „Рассеять может всякий сплин доцент из молодых — Ильин“...»².

Двухлетие, предшествовавшее началу Первой мировой войны, было самым благополучным периодом в судьбе И. А. Ильина. Его жизнь стала размеренной и упорядоченной — лекции в учебных заведениях, выступления в научных обществах, работа в библиотеках, писание статей и книг, походы в театры, в гости к знакомым и т. п. Неудивительно, что главные его научные интересы сосредоточились в эти годы на психологии и философии. В духовных явлениях Иван Александрович находил то разнообразие, которого не ви-

¹ Ильин И. А. Встречи и беседы // Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 336.

² Алексеев Н. Н. В бурные годы // Новый журнал. Нью-Йорк. 1958. № 54. С. 162.

дел в окружающей его действительности. «Я живу тихо. Вокруг все кишит человеко-образными. Людей мало. Но зато тем дороже и чудеснее эти человеки», — делился он впечатлениями о своей жизни с Л. Я. Гуревич. «Лекции меня утомляют все меньше и меньше, — продолжал он. — Иногда (по субботам), прочитав 5 часов лекций (от 10 — 1 и от 2 — 4), я прихожу домой и сажусь читать или заниматься. То, о чем я читаю (лекции), постоянно волнует меня. Слушаю, как в душе растут травы и деревья и все крепнет и сбрасывает свою субъективичность — она Сама: Очевидность духовных обстоятельств. Пределы моих интересов за это время: Студия Станиславского и Психиатрическая клиника. Диссертация постепенно движется. Читал в Психологическом обществе доклад „о сущности смысла“»¹.

Среди философов наибольший интерес вызывали у Ильина в рассматриваемое время создатели различных идеалистических систем и индивидуалистических концепций. В 1911 году он опубликовал в журнале «Вопросы философии и психологии»² статью «Идея личности в учении Штирнера: Опыт по истории индивидуализма». В 1912 году в том же издании вышла его статья «Кризис субъекта в наукоучении Фихте Старшего. Опыт систематического анализа»³, написанная во время пребывания за границей, в марте 1911 года. В журнале «Русская мысль» в 1912 году была напечатана статья И. А. Ильина «О любезности: Социально-психологический опыт»⁴.

Однако в качестве главного объекта своих научных исследований и темы магистерской диссертации молодой правовед выбрал философию Г. В. Ф. Гегеля.

Интерес к великому немецкому мыслителю возник у Ильина еще в 1908 году в процессе чтения гегелевской «Феноменологии духа». «Я скоро почувствовал огромный глубокий смысл, честные усилия в поисках истины и ясности, богатство воззрений на духовную

¹ Ильин И. А. Письмо к Л. Я. Гуревич от 5 декабря 1915 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 69–70.

² Вопросы философии и психологии. 1911. № 22. Кн. 106(2). С. 55–93.

³ Там же. 1912. № 23. Кн. 111(2). С. 1–39 и кн. 112(2). С. 290–344. Текст данной статьи приводится в одном из последних томов собрания сочинений Ильина, издаваемого издательством «Русская книга». См.: Ильин И. А. Собрание сочинений: Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том 2: Учение о человеке. М., 2002. С. 373–459.

⁴ Русская мысль. 1912. № 33. Кн. 5. С. 1–36. Переиздание этой статьи см.: Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 томах. Том 6. Кн. 1. М., 1996. С. 7–49.

жизнь и на историю человечества»¹, — так описывал впоследствии Иван Александрович ощущения, которые вызвало в нем произведение Гегеля.

Видимо, уже тогда Ильин задумал создать книгу, раскрывающую смысл гегелевской философии. Это произведение будет завершено им в 1916 году и выйдет в свет спустя два года². Представляя его сокращенный вариант для издания на немецком языке, Ильин писал (приблизительно в конце 1945 г.): «Данное исследование, изданное в 1918 г. в Москве на русском языке (в двух томах), преследует цель отыскать *ключ к философии Гегеля* и предложить его всем тем, кто обладает некоторой толикой доброй воли. Автор посвятил своему исследованию восемь лет жизни, с одной стороны, чтобы полностью овладеть источниками (20 томов, до 8000 страниц текста) и скрупулезным образом обосновать интерпретации, с другой — чтобы добиться предельно убедительной ясности изложения»³.

В предисловии к изданию своей книги о гегелевской философии, вышедшему в Берне в 1946 году на немецком языке⁴, Ильин также признавался в том, что ее создание потребовало от него многолетнего напряженного труда. «Годы прошли в изучении текста, в собирании материала и созерцательном вживании. Мне могли помочь лишь подлинные тексты, такие, которые Гегель собственноручно написал или продиктовал, проверил, нашел зрелыми и при жизни отдал в печать. Все тексты (более 11000 страниц) требовали медленного чтения, духовной „лупы“, концентрированной медитации и полного понимания».

Ильин обратился к произведениям Гегеля в то время, когда философия последнего вновь начала притягивать к себе внимание немецких ученых. Возрождение гегельянства стало заметным фактом интеллектуальной жизни немецкого общества именно в пору пре-

¹ Ильин И. А. Предисловие к немецкому изданию книги «Философия Гегеля как созерцательное учение о Боге» // Ильин И. А. Собрание сочинений: Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том 1: Учение о Боге. М., 2002. С. 404.

² Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том 1: Учение о Боге. Том 2: Учение о человеке. М., 1918.

³ Ильин И. А. Проект книги «Философия Гегеля как созерцательное учение о Боге» // Собрание сочинений: Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том 2. М., 2002. С. 464–465.

⁴ *Ijtin I. A. Die Philosophie Hegels als Kontemplative Gotteslehre. Bern, 1946.*

бывания в Германии молодого русского правоведа¹. Однако выбор Ильиным философии Гегеля в качестве главного объекта научных исследований был продиктован не столько этим фактором, сколько характером самой гегелевской философии. Иван Александрович увидел в ней богатейший клад важнейших истин, способных осветить самые глубокие тайны мироздания.

В тезисах к диссертации Ильин представлял свое исследование основ гегелевской философии в качестве необходимой предпосылки для изучения идей Гегеля о государстве и праве. «Философия Гегеля есть целостное *метафизическое* учение, посвященное *единому* предмету и созданное *единым* методом. Исследование его философии права и государства должно начинаться с усвоения этой единой и общей метафизической основы»². Между тем в предисловии к книге о гегелевской философии (причем в первых же его строках) Иван Александрович придавал своему исследованию более широкое значение. «В преддверии новых исканий и достижений, в борьбе за духовную чистоту, за подлинность опыта и предметность познания философии естественно обращаться к своему прошлому, для того чтобы находить в его лучших созданиях вдохновение и напутствие. Истинно великое и значительное всегда остается очагом духа, способным зажечь новые огни и дающим верный знак о новых грядущих победах. Гениальное создание служит как бы дверью для всякого, отыскивающего доступ к самому предмету, но надо суметь не загородиться этою дверью от предмета, а открыть ее для себя и для других; открыть для того, чтобы начать борьбу за самостоятельный, подлинный опыт и за истинное, предметное знание. В этом — высшая и основная задача истории философии»³.

Ильин считал духовный опыт важнейшим фактором в истории любой нации — явлением, определяющим ее сущность и существование. Гегель же, с его точки зрения, как никто другой из философов Нового времени понимал значение духа в национальной истории и больше кого-либо из них сделал для раскрытия закономерностей духовной

¹ Ильин написал об этом явлении специальную статью. См.: Ильин И. А. О возрождении гегельянства // Русская мысль. 1912. № 33. Кн. 4. С. 35–41. См. также современное переиздание данной статьи: Ильин И. А. Собрание сочинений: Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том 1. С. 387–395.

² Тезисы к диссертации И. А. Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» // Ильин И. А. Собрание сочинений: Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том 1. С. 397.

³ Ильин И. А. Собрание сочинений: Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том 1. С. 9.

жизни. В статье «Философия как духовное делание», опубликованной в 1915 году в журнале «Русская мысль»¹, Ильин писал: «Когда-то Гегель сокрушался о низком уровне той национально-духовной культуры, которая не создала еще своего самостоятельного религиозно-метафизического чувствования и понимания Бога, мира и человека. Он знал, как до него разве один Аристотель, что духовный опыт и философическое созерцание составляют самую глубокую сущность всей национальной жизни; что именно *предметное раскрытие жизни духа* есть то делание, то совершаемое немногими творчество, ради которого в слепоте жили, в слепоте страдали и умирали столь многие; что именно *разумное утверждение духовного Предмета* (метафизика, вырастающая из подлинного религиозного откровения) есть та вершина духовного горения, которая религиозно питает, освещает и завершает культуру народа как живого единства и которая действительно может быть источником подлинной духовной *чистоты и силы*»².

Ильин весьма критически относился к тому, что было написано о гегелевской философии на протяжении XIX – начала XX века. «О Гегеле говорят и пишут, но не знают точно, чему же именно он учил и чего хотел; литература о нем изобилует самыми курьезными суждениями и недоразумениями; по-видимому, никто не замечает, что здесь что-то упущено, что утрачен некоторый заповедный вход, который непременно должен быть вновь отыскан»³. По мнению Ильина, при изучении какой-либо философской системы исследователь должен «овладеть изучаемой системой *изнутри*: принять ее в себя, потерять себя в ней и усвоить ее так, как если бы она была его собственным созданием, — усвоить ее стиль, ее акт и ее содержание»⁴. По его

¹ Русская мысль. 1915. № 36. Кн. 125. С. 112–128.

² Ильин И. А. Философия как духовное делание // Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 томах. Том 3. М., 1994. С. 35–36.

³ Ильин И. А. Собрание сочинений: Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том 1. С. 10. И. А. Ильин полагал, что в учении Гегеля по настоящему не разобрались даже те исследователи XIX в., которых принято называть гегельянами. По его словам, «Маркс, Энгельс и так называемые левые гегельяны *ничего* у Гегеля не поняли; все перепутали и исказили так, что их нельзя даже называть гегельянами. То, что они проделывают с Гегелем, есть чистейший произвол, ополнение, фальсификация и безобразие» (Ильин И. А. Проект книги «Философия Гегеля как созерцательное учение о Боге» // Ильин И. А. Собрание сочинений: Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том 2. С. 465–466).

⁴ Ильин И. А. Собрание сочинений: Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том 1. С. 11.

словам, «понять чужое учение — не значит вложить свое содержание в чужие слова; но значит обрести то самое содержание, которое испытывал изучаемый мыслитель. Для этого необходима прежде всего готовность временно и условно отказаться от „собственного“, устойчивого и негибкого словоразумения, или, вернее, как бы „отложить его в сторону“. Необходимо придать „своим“ „категориям“, своим терминам, своему стилю некоторую мягкую уступчивость, некую улавливающую впечатлительность и приспособляемость: весь аппарат и механизм «личного» словоупотребления должен быть приведен в состояние чуткой готовности следовать за указаниями и за непосредственными проявлениями изучаемого философа»¹.

Все эти действия Ильин рассматривал в качестве предпосылки для разрешения главной задачи — уяснения смысла содержания исследуемого философского учения. Говоря о том, что историк философии должен познавать изучаемую философскую систему изнутри: принимать ее в себя, терять себя в ней, усваивать ее так, как если бы она была его собственным созданием, Ильин в то же время отмечал, что это не означает необходимости принять исследуемое философское учение как «единственно возможное и окончательно истинное и погасить собственный свет»². В понимании Ильина такой способ познаний смысла той или иной философской системы прошлого сродни поиску тех «духовных очков», которыми пользовался ее создатель. «Дело в том, — писал Ильин, — что всякий философ как будто где-то и как-то оставляет нам свои духовные „очки“ и как будто призывает нас найти и водрузить эти очки для того, чтобы повторить его „мировоззрение“ и пережить его совместно с ним»³.

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том 1. С. 12–13. Необходимость применения для понимания смысла философских учений прошлого подобного метода Ильин провозглашал еще в своей статье о философии Фихте. «Понять отжившее — значит не только перевоплотиться в него, но и перевоплотить его в себя; ибо понимание может возникнуть только в результате следующей операции: воспроизведения данной мысли сначала в ее терминах, а потом в терминах „исследующего“» (Ильин И. А. Кризис идеи субъекта в наукоучении Фихте Старшего // Собрание сочинений: Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том 2. С. 427).

² Ильин И. А. Предисловие к немецкому изданию книги «Философия Гегеля как созерцательное учение о Боге» // Ильин И. А. Собрание сочинений: Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том 1. С. 403.

³ Ильин И. А. Предисловие к немецкому изданию книги «Философия Гегеля как созерцательное учение о Боге» // Ильин И. А. Собрание сочинений: Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том 1. С. 403.

Весной 1914 года в публичном заседании юридического факультета Московского университета проходила защита магистерской диссертации П. Б. Струве на тему «Хозяйство и цена: Критическое исследование по теории и истории хозяйственной жизни». Официальными оппонентами были ординарный профессор по кафедре политической экономии и статистики Н. А. Каблуков и экстраординарный профессор по кафедре римского права А. К. Митюков. При поддержке декана факультета Гидулянова они готовились устроить скандал диссертанту, который исповедовал чуждые им либеральные воззрения. Первым выступил с критическими выпадами в сторону Струве Каблуков, но, поскольку говорил он вяло, его критика не произвела большого впечатления на присутствовавших. Митюков в своем выступлении предпринял попытку изобличить Струве в плагиате у русского философа А. А. Потебни, но Петр Бернгардович легко отвел эти обвинения, и скандала не получилось. Ильин заранее предупредил Струве о готовившейся против него акции и вместе с тем открыто поддержал его на защите. Взойдя на трибуну после выступлений официальных оппонентов, он сказал: «Дорогой и глубокочтимый Петр Бернгардович! Я взял слово не для того, чтобы утомлять Вас третьестепенными и четверостепенными возражениями. Я не экономист и не чувствую себя призванным возражать Вам. Но я внимательно продумал методологическую часть Вашей работы и признал ее филологически блестящей и убедительной. И когда Ваш труд появится на иностранных языках, то мы будем им гордиться так, как гордимся им ныне в России»¹.

Спустя некоторое время Ильин должен был ехать в научную командировку за границу. 8 мая — за два дня до отъезда из Москвы — он зашел в канцелярию юридического факультета посмотреть расписание занятий на осень и узнал, что его семинарий по общей методологии юридических наук отменен, а лекционный курс «Введение в философию права» переведен в разряд необязательных².

¹ Ильин И. А. Встречи и беседы // Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). М., 1999. С. 337.

² См.: Обзорение преподавания на юридическом факультете Императорского Московского университета на 1914/15 академический год // ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 463. Ед. хр. 45. Л. 64–71.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Начало Первой мировой войны застало И. А. Ильина и его супругу в Вене. Австрия вступила в войну с Россией немного позднее Германии, и это позволило Ильиным беспрепятственно переехать в Швейцарию, а затем — через Италию, Грецию, Сербию, Болгарию — добраться до Одессы. В спешке Иван Александрович оставил на складе в Вене свои книги, а с ними рукопись его диссертации о философском учении Гегеля. Второй экземпляр этой рукописи остался в одном из венских издательств, которое намеревалось опубликовать ее.

В середине августа 1914 года Ильин с женой были в Крыму. Они остановились в Судаке, в доме Антона Казимировича Лубны-Герцыка и его супруги Евгении Антоновны¹ — тети Натальи Николаевны. Там находились в то время и дочери Антона Казимировича — Аделаида и Евгения.

20 августа Аделаида Казимировна писала из Судака к В. С. Гриневич о своих гостях: «И среди всего Ильины, кот<орые> то сидят у себя в комнате, то приходят ко мне и Жене с бесплодными мучительными разговорами о вещах, на кот<орых> мы все равно сойтись не можем и никогда не пойдем друг друга. Я чувствую, что надо раз навсегда сформулировать коренную разницу *в их и в нашем* религиозном сознании и этим пресечь самую возможность осуждения наших друзей и единомышленников². Впрочем, говорить много об отвлеченном не приходится, — во-первых — он оч<ень> жалок и угнетен — его рукопись Гегеля пропала, затем он ждет призыва на войну (уже

¹ В настоящее время это дом по улице Гагарина, 49.

² Иван Александрович негативно относился к личности и творчеству поэта, теоретика символизма Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949), в которого была влюблена Евгения Казимировна Герцык.

одного знакомого приват-доцента взяли) и физически весь издерган. Главное же, война затопила все, и нет других жгучих тем. С половины дня, когда приходят газеты, до ночи нет других разговоров. Читаем вместе и врозь, волнуемся. И под конец я лежа дочитываю и неизменно плачу над рассказами раненых, над проявлениями героизма, над всем ужасом свершающегося. Иногда кажется, что душа начинает истекать кровью всех этих бесконечных жертв, хочется крикнуть: довольно ужасов, крови, убийств и страданий. Уже искуплена прежняя тьма, уже очищен дух! Кажется, что еще немного — и нельзя будет жить дальше. А временами такое чувство, будто прорезают этот ужас молнийные свету, идущие от самого начала мира, — и что то, что теперь происходит, мы уже давно пережили в духе, и теперь только объективация вовне тех внутренних мистерий, на кот<орых> сгорала душа наша»¹.

Обратившись из Судака в военное ведомство с вопросом, подлежит ли он призыву на военную службу, Иван Александрович получил ответ, что звание магистра и «постоянное» преподавание в университете освобождают его от призыва из запаса в армию. Однако звания магистра у него еще не было, а обязательных для студентов лекций на юридическом факультете Московского университета он был лишен. Послав секретарю Совета факультета С. И. Преображенскому телеграмму с просьбой «уведомить о документе, посланном воинскому начальнику», Ильин получил ответ: «Воинскому начальнику сообщено о необязательном, не подлежащем зачету курсе».

Пробыв три недели в Судаке и восстановив свое пошатнувшееся во время заграничной поездки здоровье, Иван Александрович и Наталья Николаевна покинули 6 сентября Крым. 8-го они были в Выропаевке. 10 сентября Ильин поехал в Москву, оставив жену в имении. Здесь он узнал, что преподавание в Коммерческом институте тоже освобождает его от призыва в армию, однако Новгородцев на его просьбу дать для военного ведомства соответствующее удостоверение ответил отказом. «Видите ли, — пояснил он Ильину, — мы уже устроили по Коммерческому институту Вышеславцева, и Алексева, и еще целый ряд других лиц — и для Вас ничего не можем сделать. Поговорите с Гидуляновым и Любавским».

Тогда Ильин собрал в сумку белье с умывальными принадлежностями и отправился 14 сентября в Бронницы, где он был припи-

¹ Письма А. К. Герцык к родным и близким опубликованы в 1999 г. в пятом номере журнала «Новый мир».

сан к военному ведомству как состоявший в запасе. Зайдя в кабинет к воинскому начальнику, он отрапортовал: «Я приват-доцент Ильин, Московского университета. Только что вернулся из-за границы, узнал о неудовлетворительном документе из университета и явился к отбыванию воинской повинности». Воинский начальник — интеллигентный человек в военном мундире, с бородкой и умными глазами — посмотрел на него и сказал: «Да, я помню Ваш документ. Он неудовлетворителен. Расскажите, пожалуйста, почему Вам выдали его?» Ильин подробно рассказал, ничего не скрыв. «Видите ли, — заявил ему в ответ воинский начальник, — у нас есть инструкция, тайный циркуляр военного министерства, согласно которому следует освобождать от воинской повинности *всю* доцентскую молодежь, не считаясь с формулировкой удостоверений. И я своей властью, распространительным толкованием закона освободил и Вас. Поезжайте спокойно и преподавайте дальше». До начала учебных занятий оставалось еще две недели, Ильин решил, что проведет их с женой в Выропаевке.

В октябре 1914 года князь и профессор Е. Н. Трубецкой организовал в Москве чтение публичных лекций по «идеологии войны». Был приглашен выступить перед московской публикой и приват-доцент И. А. Ильин. Его первая лекция носила многозначительное название — «Духовный смысл войны»¹.

Слушателей было сравнительно немного. Иван Александрович говорил о том, что «величайшее нравственное и духовное разъединение царит в современном обществе. У каждого *своя*, особая цель в жизни, *свой* интерес, отдельный от других; ибо кто же еще, кроме меня, полагает своею главною жизненною целью *мое* личное устройство и благополучие?»², что «война насильственно вдвинула в наши души один *общий* предмет; она противопоставила нашему мелкому повседневному „здесь“ — некое великое „там“ и потрясла нас этим „там“ до корня. То, что было „здесь“, не исчезло после начала войны, но наряду с ним выдвинулось что-то *новое* и, может быть, даже заслонило повседневность. Каждая душа услышала зов, и от каждой протянулась куда-то нить, напряглась и задрожала и связала душу с другими в одном, сразу далеком и близком „там“. Все нити встре-

¹ Позднее текст этой лекции был издан в виде отдельной брошюры. См.: Ильин И. А. Духовный смысл войны. М., 1915.

² Ильин И. А. Духовный смысл войны // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 9–10. М., 1999. С. 7–8.

тились в этом общем пункте и скрепили народ в единство»¹. «Мы, — продолжал свою лекцию Ильин, — говорим друг с другом о войне и не чувствуем ложного стыда — любить наше общее, вместе радоваться его подъему и его высоте, вместе скорбеть об его несовершенствах и неудачах. Эта открытость душ и их совместное горение смягчает сердца; а смягченные сердца уже стоят на пути к восстановлению отмершей доброты. Люди чувствуют себя как бы ветвями и листьями единого дерева; их корни где-то сплелись; их души тянутся к одной и той же, единой цели. Где-то там — мы *одно*. Там *наше* дело, *наша* беда, *наша* опасность, *наше* страдание, *наша* победа, *наше* восстание, *наше* возрождение. И это сознание, что „там“ „мы одно“, научает людей радоваться тому, что у них *единое* солнце, *единый* воздух, *единая* родина. Там я неотделим от других, от тех, кто огнем *любви* своей говорит: „Я русский“. Там нет этого разъединяющего настроения „я, а не другие“. Там — мы; мы — русский народ. И для всех нас сообща — там решается один вопрос: о нашем общем деле, о нашем общем духовном достоянии. Что же это такое, это „мы“? И к чему зовет оно нас? И о каком нашем общем достоянии решается здесь вопрос? Раскрыть это — значит установить *духовный смысл войны*»².

Когда Ильин по окончании второго часа лекции вышел в лекторскую, к нему подошел полупьяный полицейский пристав и сказал: «Знаете, профессор, я уже было хотел прервать и прекратить вашу лекцию там, где коснулись погромов, производимых мобилизованными запасными. Но, — пристав приблизил свое лицо к лицу Ильина и, бодая лбом его лоб, прорычал, — но красноречие ваше меня победило».

После Москвы Е. Н. Трубецкой и Ильин поехали выступать с лекциями в других российских городах. 16 ноября они выступали в Саратове. На следующий день Е. Н. Трубецкой писал М. К. Морозовой: «Милая и дорогая Гармося, пишу тебе из Саратова коротенькую записочку, так как некогда, — сейчас предстоит осмотр города, а потом отъезд. Лекция вчера собрала много народа. Не обошлось без типического „российского“ инцидента. Полиция уже в самом помещении для лекции перед самым началом потребовала от нас подробных конспектов. Мы вынуждены были их тут же на-

¹ Ильин И. А. Духовный смысл войны // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 9–10. М., 1999. С. 9.

² Там же. С. 10.

писать и через это опоздали на $1/2$ часа. Ильин, по-видимому, понравился — его три раза вызывали; а меня встретили аплодисментами и провожали».

В ноябре 1914 года Ильин прочел доклад «Основное нравственное противоречие войны» на заседании Московского Психологического Общества¹. В конце того же года он был опубликован в виде статьи в журнале «Вопросы философии и психологии»². Мысли, которые Иван Александрович выразил в данной статье, заслуживают особого внимания. Позднее он разовьет их в своей книге «О сопротивлении злу силой», изданной в Берлине в 1925 году³.

Война, как правило, сопровождается организованным массовым убийством. Констатируя этот факт, Ильин ставил в своей статье вопрос: «Позволительно ли убивать человека? Может ли человек разрешить себе по совести убийство другого человека?» По его мнению, именно из этого вопроса вытекает основное нравственное противоречие войны.

«В убийстве человека есть нечто последнее и страшное»⁴, — заявлял Ильин. Среди мотивов, заставляющих людей тяготиться всяким убийством, он выделял в первую очередь глубину и таинственность самого процесса жизни и смерти. «Жизнь — это легкое, естественное состояние наше, столь привычное и столь незаметное, пока ничто близкое и острое ему не угрожает, столь простое, что никто из нас не сумел бы даже рассказать, в чем оно состоит и что это мы делаем, чтобы „жить“, как „это“ нам удастся, — жизнь в самой сущности своей, в самом качестве своем неразложима ни на какие составные элементы, но и в начале, и в конце, и во всем течении своем остается перед нами *реальной тайной*, которую легко испытывать, но трудно исследовать, которую можно без конца описывать, которую мы можем разрушить, но которую мы не можем воссоздать»⁵. Отсюда вывод: «в вопросе жизни и смерти человека — человек не властен... *Это*

¹ См.: Ильин И. А. Встречи и беседы // Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 364.

² Ильин И. А. Основное нравственное противоречие войны // Вопросы философии и психологии. 1914. № 25. Кн. 125(5). С. 797–826.

³ См.: Ильин И. А. О сопротивлении злу силой // Собрание сочинений в 10 томах. Том 5. М., 1996. С. 33–220.

⁴ Ильин И. А. Основное нравственное противоречие войны // Собрание сочинений в 10 томах. Том 5. С. 11.

⁵ Там же.

человеку не подчинено, и нет у него полномочия решать, когда кому следует окончить жизнь»¹.

Человекоубийство неприемлемо, с точки зрения Ильина, и потому, что сильнее всего нарушает и разрушает нравственно-духовный строй человеческого общества — ту взаимосвязанность людей друг с другом, благодаря которой это общество только и может существовать. «Убивающий ставит себя к убиваемому в отношении полного нравственного отрыва, такого отрыва, который вообще ни при каких условиях не может состояться между людьми; потому что даже ненависть, доведенная до такой степени, что у человека чернеет в глазах при виде врага и белый свет кажется ему отвратительным от того только, что тот существует, — даже такая ненависть есть лишь выражение огромной трагической связи, спаявшей ненавидящего с его врагом: правда, эта связь выродилась и деградировала, но интенсивность ее только упрочилась и часто за нею скрывается возможность страстной привязанности»².

В качестве третьего мотива, пугающего и угнетающего сознание человека при убийстве им другого человека, Ильин называл полную и безусловную непоправимость происходящего. «Эта непоправимость, — отмечал он, — объективно говоря, выражается в том, что убитый уносит с собою сложный и неповторяемо своеобразный мир, прогрессивное восхождение и одухотворение которого насильственно обрывается актом убийства. Прекращение этого жизненного потока вносит сразу целое опустошение в обставший его социальный круг. Каждый, знавший умершего, чувствует, как в его собственной душе ликвидируется целый сектор живых взаимодействий, чувств и отношений; как угасает живая часть его личности; как образуется пустота и зияние в его мироощущении»³.

Из всего этого закономерно вытекал вывод о пагубности любой войны. «Никто не должен закрывать себе глаза на нравственную природу войны, — констатировал Ильин. — Мучения и убийства, которые люди чинят друг другу в сражении, не станут ни благим, ни праведным, ни святым делом, каким бы целям они ни служили. Но каждый раз, как человек, имея возможность выбирать и решать, совершает нравственно недоброкачественное деяние, он несет на себе

¹ Ильин И. А. Основное нравственное противоречие войны // Собрание сочинений в 10 томах. Том 5. С. 12.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 19.

вину; поэтому война есть наша *общая великая вина*¹. Но что должен делать тот, кто признает это?

В среде русской интеллигенции было в то время распространено воззрение, согласно которому самым эффективным и нравственным способом борьбы со злом является несопротивление ему силой. Это воззрение всегда находило себе авторитетных сторонников в русском обществе. В 40-х годах XVI века его проповедовал, в частности, Московский митрополит Даниил. В начале XX века самым авторитетным проповедником принципа несопротивления нападающему был писатель Л. Н. Толстой. И. А. Ильин выступил в статье «Основное нравственное противоречие войны» противником применения этого принципа в условиях войны.

Прежде всего он отметил, что принцип несопротивления злу силой глубже и шире, чем это кажется на первый взгляд. Данный принцип провозглашает необходимость проявить «максимальную щедрость в отдаче того, чем другой желает завладеть».

Но на что может распространяться щедрость? Очевидно, что только на те блага, которыми владеет тот, кто проявляет щедрость. Ильин не понимал, как возможно не противиться тем, кто стремится лишить наш народ свободной самобытной жизни и насильственно подчинить его чуждым формам бытия. Это, с его точки зрения, было бы уже «не щедростью, а духовным самоубийством»². «Щедрым вообще можно быть только в отдаче того, что принадлежит самому щедрому. Нельзя предоставить сильному угнетать слабого; нельзя быть щедрым в отдаче чужого блага или чужой жизни; нельзя дать поработить себя; нельзя дать истребить свой народ и свое искусство; нельзя отречься от своих убеждений и верований»³.

С этих позиций война представлялась для Ильина крайне противоречивым явлением. По его словам, «участие в войне заставляет душу принять и пережить высшую нравственную *трагедию: осуществить свой, может быть, единственный и лучший, духовный взлет в форме участия в организованном убиении людей*. Дело людей на войне слагается из лучшего и худшего, из высшего и низшего, и в этом трагедия войны; она является зрелым плодом ее нравственной противоречивости. Вот почему мы испытываем войну как злосчастную тьму,

¹ Ильин И. А. Основное нравственное противоречие войны // Собрание сочинений в 10 томах. Том 5. С. 26.

² Там же. С. 27.

³ Там же.

в которой загораются слепящие лучи света. И для того, чтобы *конец войны* был как свет, возгоревшийся над тьмою, но не как тьма, поглотившая свет, необходим *во время войны* тот истинный, духовный, творческий подъем, в котором человек не закрывает себе глаза на виновность своего решения и своего дела, но видит все как есть и мужественно приемлет *виновный подвиг*¹.

Небольшая по объему, но глубокая по своему идейному содержанию и блестящая по стилю статья «Основное нравственное противоречие войны» свидетельствовала, что в России появился великий мыслитель-патриот, сумевший соединить в своей личности, казалось бы, несовместимое — глубокий ум и страстную душу, стойкость убеждений и гибкость мысли. Первая мировая война стала для Ильина-мыслителя первым серьезным испытанием на прочность. И он выдержал это испытание.

В статьях и письмах, написанных в годы Первой мировой войны, И. А. Ильин не скрывал своего отрицательного отношения к любой подобной бойне. Однако при этом он выражал твердое убеждение в том, что в условиях, когда Россия оказалась втянутой в войну, совершенно недопустимым является распространение в русском обществе пораженческих настроений.

Эти настроения были присущи многим представителям российской интеллигенции. Так, правовед Б. А. Кистяковский открыто заявлял в начале войны в частных разговорах со своими коллегами о том, что русские войска должны сдаться немцам². Ф. А. Степун³ говорил в 1915 году И. А. Ильину, что он «с одинаковым отвращением относится как к идее победившей Германии, так и к идее победив-

¹ Ильин И. А. Основное нравственное противоречие войны // Собрание сочинений в 10 томах. Том 5. С. 29–30.

² См.: Ильин И. А. Встречи и беседы // Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 345. В письме к публицисту М. О. Гершензону (1869–1925) от 26 июня 1915 г. Б. А. Кистяковский писал: «Я несколько раз заводил с Короленко разговор о войне. Конечно, никаких новых фактов он не мог привезти с собой; весь интерес разговора в сообщении настроений. На нем можно видеть, как на западе победа над германцами — мысль о ней, желание и стремление к ней заполняет всю душевную жизнь интеллигентных людей. Однако при переезде в Россию настроение меняется — до некоторой степени он был оторван от всей нашей жизни, он не ожидал встретить тех мерзостей, которые здесь творятся. Но ему пришлось, по-видимому, сразу столкнуться с настроениями, похожими на настроения с<оциал>-д<емократической> фракции Государственной Думы» (Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 709).

³ Степун Федор Августович (1884–1965), литературный критик.

шей России»¹. Иван Александрович отвечал на данное высказывание Степуна, что **«непобедившая Россия будет разгромленной, униженной и рабской Россией, лишенной правосознания и разнузданной»**². Эти слова Ильина оказались пророческими — ход событий показал, что после начала Первой мировой войны Россию могла спасти только быстрая победа над Германией. При любом другом течении войны она взрывалась и гибла.

На такой в высшей степени трагический результат для Российской империи военного столкновения с Германией обращал внимание в феврале 1914 года в своей записке, поданной императору Николаю II, член Государственного совета и сенатор П. Н. Дурново. «В случае неудачи, — отмечал он, — возможность которой, при борьбе с таким противником, как Германия, нельзя не предвидеть, — социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна. Как уже было указано, начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победенная армия, лишившаяся, к тому же, за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованною, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишённые действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»³.

Война не прервала работу учебных заведений. Преподавание на юридическом факультете Московского университета, на Высших

¹ Ильин И. А. Встречи и беседы // Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 345. Подобные мысли Степун откровенно высказывал позднее в своих мемуарах «Записки прапорщика-артиллериста» (М., 1918).

² Ильин И. А. Встречи и беседы // Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 345.

³ Записка П. Н. Дурново // Красная новь. 1922. № 6. С. 197.

женских курсах и в Московском коммерческом институте занимало у Ильина в эти годы по 17 часов в неделю. Свободное время он посвящал, в основном, работе над книгой о гегелевской философии¹. В начале 1915 года ему пришлось, правда, на какое-то время отвлечься от этой книги для написания параграфов об общем учении о праве и государстве в учебном пособии для гимназий по курсу «Основы законоведения»². Ильин надеялся, что авторский гонорар сполна вознаградит его за эту жертву.

Рукописей о Гегеле, оставленных в Австрии, Иван Александрович так и не получил. Пришлось восстанавливать утраченные части книги, что сильно задержало окончание диссертации. «Больше всего меня удручает эта задержка потому, — объяснял он в феврале 1915 года двоюродной сестре свое душевное состояние, — что в той духовной борьбе за настоящую философию и за свою независимость, которую я веду сразу на несколько фронтов, все акты критики и отрицания *требуют* положительных, больших работ, дабы превратить посягательство и претензии в естественное и обоснованное дело. Главное во всем этом *метод*, не в смысле абстрактных правил или пустых дистинкций³, а в смысле живого, творческого распоряжения внутренними силами души, могущего превратить „просто душу“ в „духовное достижение объективного предмета“. Философия (логика, этика, эстетика, метафизика) имеет *свой предмет*, столь же объективный, т. е. несравненно более объективный, чем камень, прошибающий голову, или половое влечение, мутящее душу. Это надо не только сказать, а *показать*, так, чтобы обнаружились все вывихи и извращения мнимого философствования и псевдорелигиозного

¹ Ряд положений своей книги о Гегеле Ильин опубликовал в течение 1914–1917 гг. в серии журнальных статей. См.: *Ильин И. А. Учение Гегеля о реальности и всеобщности мысли // Русская мысль. 1914. № 25. Кн. 123 (3). С. 413–476; он же. Проблема оправдания мира в философии Гегеля // Там же. 1916. № 27. Кн. 132–133 (2–3). С. 280–355; он же. Логика Гегеля и ее религиозный смысл // Там же. Кн. 135 (5). С. 513–545; он же. Учение Гегеля о свободе воли // Там же. 1917. № 28. Кн. 137–138 (2–3). С. 165–224; Учение Гегеля о морали и нравственности // Там же. Кн. 139–140 (4–5). С. 151–227.*

² Это учебное пособие вышло в свет в 1915 г. Его авторами были помимо И. А. Ильина правоведа М. Н. Гернег, И. Б. Новицкий, В. М. Устинов. Текст, написанный Ильиным, опубликован в его собрании сочинений. См.: *Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве // Собрание сочинений в десяти томах. Том 4. М., 1994. С. 47–147.*

³ Различий.

словоблудия. Надо указать и показать, *ad oculos*¹, в противовес всем параноидизирующим антропофобиям, истерическим православничаниям, субъективным шатаниям игре в понятия и проблемы, что философия нуждается прежде всего в *честности* и *смирении*, и еще, во что бы то ни стало, в душе, *владеющей* своими эмпирическими недугами, травмами, комплексами и неврастениями. Если этого нет, то — все к черту! Книги — гроб „учения“ — трупы, всеобщее и явное гниение. Надо все *заново*, и к этому я прежде всего зову мою молодежь. И есть такие, которые оставляют все (буквально) и идут, куда надо. А это великая радость»².

Роман Гуль³ поступил летом 1914 года на юридический факультет Московского университета. В 1977 году он вспоминал: «В университете я на „весьма“ сдавал все экзамены. Но юриспруденция как таковая меня не увлекала. Я чувствовал, что я совершенно не „юрист“. Я занимался главным образом в семинарах профессора (тогда приват-доцента) И. А. Ильина, будущего эмигранта, опубликовавшего за рубежом много книг; после Второй мировой войны скончавшегося в Швейцарии. Я слушал у него курс „Введение в философию“ и второй — по „Общей методологии юридических наук“. Высокий, очень худой, красивый, но мефистофельский (хотя и блондин), И[ван] А[лександрович] был блестящим лектором и блестящим ученым. Его я тогда в Москве попросил указать мне книги для систематического занятия философией, ибо сам я сидел на скучнейших, толстенных томах „Истории новой философии“ Куно Фишера. Хорошо помню, какой список первых книг дал мне И[ван] А[лександрович]: Апология Сократа, „Диалоги“ Платона („Парменид“), „Метафизика в Древней Греции“ кн. С. Н. Трубецкого, „Прологомены ко всякой будущей метафизике“ И. Канта, какую-то книгу Гуссерля и какую-то работу З. Фрейда»⁴.

Атмосфера, господствовавшая на юридическом факультете Московского университета и в Коммерческом институте в то время, когда там преподавал Ильин, навевала на него довольно мрачные настроения. В одном из писем к Л. Я. Гуревич Иван Александрович

¹ Открытыми глазами.

² Ильин И. А. Письмо к Л. Я. Гуревич от 19 февраля 1915 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 87.

³ Роман Борисович Гуль (1896–1986) — видный культурный деятель русской послереволюционной эмиграции: писатель и издатель.

⁴ Гуль Р. Я унес Россию // Новый журнал. Нью-Йорк, 1978. № 131. С. 15.

упрекал ее за то, что она порвала с Петром Бернгардовичем Струве и тем лишила себя заработка в его журнале «Русская мысль». «Беспокоит меня твоя заработочная беспочвенность: птицы небесные и то часто присаживаются на землю, за пищей, а ты как-то сама все вырываешь из-под себя опорный минимум», — выговаривал он своей двоюродной сестре и в конце этой тирады заявлял: «Что же бы ты стала делать на *моем* месте **в царстве лукративности¹ и коррупции, именуемом Юрид<ическим> фак<ультетом> Моск<овского> Унив<ерситета>**, или в царстве зложелательного, либерального подхалимства, именуемого Моск<овским> Комм<ерческим> институтом?!»² (выделено мною. — В. Т.).

Душевное состояние Ильина в годы Первой мировой войны хорошо отражают его письма. «Полжизни занято войной, остальное отдано работе. Война угнетает иногда до такой степени, что начинаешь задыхаться. Беспомощно сжимаю кулаки, страдая еще больше от внутренних немцев, чем от внешних»³, — писал он 19 июня 1915 года своей «другине и сестре» Л. Я. Гуревич. Подобное же признание он делал и в письме к историку В. И. Герье от 3 июля того же года: «Жизнь мы ведем очень тихую и совершенно уединенную. Работаем. Угнетает война. Умение русского мужика креститься лишь после того, как грянет гром, опять принесло свои плоды в русской истории. И с беспокойством спрашиваешь себя: теперь-то хоть перекрестимся ли мы как следует? А сколько жизней это стоило... Растерянно смотрит душа на немцев. Что мы все, остальные люди будем делать с этими на *все* способными *героями* собственной жадности и гордости? Когда и чем уймется этот буйный сумасшедший?...»⁴.

Весной 1916 года к Ильину приехал познакомиться толстовец Владимир Григорьевич Чертков, рослый и грузный мужчина 62 лет. Отец Ивана Александровича был толстовец, и Чертков надеялся, что и в сыне найдет себе единомышленника. Около часа просидел он в квартире Ильина и все говорил о том, какие светлые и радостные события происходят на фронте. «Такие отрадные явления! Народ не хочет войны! Он не будет ее вести! Он скоро положит оружие и ра-

¹ От латинского слова «*lucrativus*», означающего «приносящий пользу, дающий прибыль, прибыльный, доходный».

² Ильин И. А. Письмо к Л. Я. Гуревич от 22 февраля 1915 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 89.

³ Там же. С. 90.

⁴ Там же. С. 101.

зойдется по домам!», — с восторгом повторял он. С трудом осознавалось им, что эти восторги совершенно непонятны его собеседнику. Сообщая в своих мемуарах об этом странном визите Черткова, Иван Александрович заметил: «Я тогда не думал, что его предвидения сбываются. Но впечатление *тяжелого и вредного глупца* осталось во мне навсегда»¹.

¹ Ильин И. А. Встречи и беседы // Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 365.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВО ВРЕМЕНА РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

§ 1. И. А. Ильин в 1917 году

Февральскую революцию 1917 года И. А. Ильин воспринял так же, как и большинство русских интеллигентов, — он поначалу увидел в ней акт освобождения русского народа, спасения русского государства от разложения. «Революция, не удавшаяся в 1905 г., стала ныне возможна благодаря всенародному *единению*, — писал он весной 1917 года. — Это единение вызвано войною, которая принесла с собою великую всенародную опасность; угроза и опасность пробудили в душах *древнее чувство родины* и ввели в сознание государственно-народное единство. Воля гражданина перестала сосредотачиваться на особенных, частных интересах отдельного *класса* и опустилась в государственно-народную глубину *общеполитического единства*. Русский народ нашел свою *единую волю: спасти родину от нашествия и осуществить свободное народовластие*»¹.

Ильин принял участие в революционных событиях². «Почти три месяца работал, не щадя живота, организуя и говоря публично. Теперь оторвался и уехал есть и писать. Больше не могу. Да и доктор велел»³, — сообщал он Л. Я. Гуревич о своей жизни в первые месяцы после февральской революции.

¹ Ильин И. А. Партийная программа и максимализм // Собрание сочинений в десяти томах. Том 9–10. С. 77.

² «Когда началась революция, когда каждый из нас признал себя революционером, — говорил Ильин в своей речи на 2-м Московском совещании общественных деятелей 12(25) октября 1917 г., — происходило то, за что можно было держаться и на чем можно было строиться» (Речь И. А. Ильина на 2-м Московском совещании общественных деятелей // Там же. С. 182).

³ Ильин И. А. Письмо к Л. Я. Гуревич от 5 июня 1917 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 92.

В 20-х числах мая — начале июня, находясь в Выропаевке, Иван Александрович написал серию брошюр под общим названием «Задачи момента». В течение лета—осени указанного года они вышли в свет. Первой была издана брошюра «Партийная программа и максимализм», затем была напечатана брошюра «О сроке созыва Учредительного собрания»¹, третьей опубликованной им работой упомянутой серии стала книжечка под названием «Порядок или беспорядок?»², за ней последовали — «Демагогия и провокация»³, и, наконец, брошюра «Почему „не надо продолжать войну“?»⁴. Всего же Ильиным было написано восемь подобных брошюр. Сам Иван Александрович именовал их довольно презрительно — «пасквили для народа»⁵. Писал он их не по заданию какой-либо партии и не только ради заработка⁶. В письме к двоюродной сестре он следующим образом объяснял свою активность и собственную позицию в революционных событиях 1917 года: «Я был при старом режиме буржуазным радикалом и федералистом-демократом (приблизительно) вне партий. Я и сейчас вне партий (не могу отказаться от драгоценного права на глупость!). Но в остальном... Я прежде всего сейчас патриот, стоящий за настоящую аристократию духа». Далее он писал о своей вере в будущее могущество России, добавляя при этом: **«И только этой ве- рою держусь. И потому с непрерывною болью работаю — думая о будущих поколениях нашей чудесной, временно падшей, России»**⁷ (выделено мною. — В. Т.)

И. А. Ильин приветствовал февральскую революцию только потому, что усмотрел в ней благо для России. Ему казалось, что она несет в себе предпосылки благотворного обновления русского общества. Он поддерживал Временное правительство и выступал за созыв Учредительного собрания для оформления нового государственного устройства. Правда, по его мнению, созывать данное собрание

¹ См.: Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 9–10. С. 78–83.

² См.: Там же. С. 84–98.

³ См.: Там же. С. 99–113.

⁴ См.: Там же. С. 114–131.

⁵ Ильин И. А. Письмо к Л. Я. Гуревич от 5 июня 1917 г. // Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы. С. 92.

⁶ За брошюру для народа, выпущенную в свет стотысячным тиражом, летом 1917 г. могли заплатить свыше 1000 рублей за печатный лист.

⁷ Ильин И. А. Письмо к Л. Я. Гуревич от 5 июня 1917 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 93.

было целесообразным только по окончании войны. В брошюре «Порядок или беспорядок» Ильин утверждал, что «русская революция 1917 года была с самого начала *революцией во имя порядка*»¹, она «состоялась быстро, почти безболезненно и успешно потому, что ее создала *общая воля к порядку*. Старое правительство отчасти по неумению, отчасти по злой воле водворило в России, всюду, где только могло, беспорядок, расстройство и дезорганизацию. Чем дальше развивалась война, тем шире и глубже становилось внутреннее расстройство: сначала снаряды, потом амуниция, продовольствие, уголь, железные дороги, сельское хозяйство, наконец, политическое управление — все разлагалось и расстраивалось, медленно, но неуклонно. Наконец, совершенно открыто разложилась *воля верховной власти*: она перестала быть орудием *народного и государственного самосохранения*, и это обнаруживало, что дни ее сочтены... Всем становилось ясно, что России предстоит или погибнуть, или создать новое правительство: *Правительство народного самосохранения*»².

Будучи по натуре человеком необыкновенно страстным, Ильин многое в общественных явлениях воспринимал через призму чувства. Его первоначальное отношение к февральской революции не было результатом здравых размышлений — оно держалось всего лишь на вере и надежде, то есть на весьма шатком основании. Разочарование Ильина в революции оказывалось в этих условиях неизбежным. Оно наметилось уже весной 1917 года.

В мемуарных заметках, писавшихся в 1927 году, Ильин рассказал об одной из бесед, состоявшихся у него с П. Б. Струве приблизительно весной—летом 1917 года. Во время этой беседы Иван Александрович поинтересовался у Петра Бернгардовича, нашла ли следственная комиссия Временного правительства в делах Царской семьи что-либо, позволяющее подозревать или обличать царя и царицу в государственной измене. Услышав в ответ: «Нет, ничего, решительно ничего», Ильин спросил: «На каком же основании Милюков произносил свою пресловутую речь в Думе 1 ноября 1916 года „Глупость или измена“? Ведь этой речи многие поверили в стране и подозрение в измене пало на Царскую семью?» Ответные слова Струве поразили Ильина. «Видите ли... — замылся Петр Бернгардович, — у него тоже не было никаких оснований... Но в то время центральный

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 9–10. С. 91.

² Там же. С. 90.

комитет К<онституционно-> Д<емократической> партии считал, что *в настоящий момент* против Царской семьи *политически показуется инсинуация*. Негодование Ильина было столь велико, что он не мог больше говорить на эту тему и перевел разговор на другое¹.

В статье «Куда идет революционная демократия?», опубликованной 8 октября 1917 года в газете «Утро России», Ильин писал: «Словно бесом, злобным и жадным, слепым и глухим, одержима наша Россия, и пути, по которым бредут народные массы, поощряемые демагогами, суть пути насилия и позора»². Далее он признавался, что еще весной государственно мыслящие люди видели, как «под охраною словоохотливого вождя³ крепнет партия развала»⁴. Через четыре дня в речи на 2-м Московском совещании общественных деятелей Ильин говорил: «Что осталось сейчас от власти? Семь месяцев она совершенствовала линию своего поведения и, наконец, излилась в своего рода словоблудие. Что осталось от революции? Революция превратилась в своекорыстное расхищение государства»⁵.

Окончательное разочарование в февральской революции дало Ильину возможность оценить ее с точки зрения здравого смысла. Его высказывания о революции и революционерах приняли резко критический характер. «Отпадение старой власти создало в революционных кругах уверенность, что властвовать от лица государства уполномочен всякий, кто захочет. Полномочие править и повелевать стало рассматриваться как бесхозная вещь, которая может принадлежать всем и каждому, первому, кто ее подберет и захватит. В воздухе носился разрешающий и успокаивающий возглас «все всем можно»; и **правопорядок держался только инерцией и старым запасом напуганности**»⁶ (выделено мною. — В. Т.) — так писал он о революции в статье «Чего ждать?», опубликованной 21 октября 1917 года в газете «Утро России».

После октябрьского переворота и прихода к власти большевиков оценка Ильиным февральской революции и политики Временного правительства стала предельно жесткой. В статье под названием

¹ Ильин И. А. Встречи и беседы // Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 328.

² Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 9–10. С. 175.

³ Имеется в виду А. Ф. Керенский.

⁴ Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 9–10. С. 176.

⁵ Там же. С. 182.

⁶ Там же. С. 185.

«Кошмар» (газета «Утро России» 10 ноября 1917 г.) он нарек все происходившее в России с февраля и до ноября 1917 года кошмарным сном. «В чем же спасение? Где выход?» — вопрошал он и отвечал сам себе: «Спасение в том, чтобы *все очнулись*. Совсем очнулись; окончательно пришли в себя. Чтобы все поняли: *кошмарное плавание было только кошмаром*; дурной сон кончился. Мы не погибли еще; мы на земле, и под ногами у нас твердая почва. *Мы еще живы*, мы имеем волю, у нас есть еще *силы и любовь к родине*. Выход в том, чтобы *создать единение* во имя родины и свободы, создать *патриотическое единовластие и полновластие*. И для этого прежде всего *всех разбудить*, всех, кто еще бормочет и вскрикивает в кошмаре. *Всем показать правду, всех убедить в неумолимой и трезвой действительности* и в ее роковых *невозможностях*»¹.

Захват власти в России большевиками Ильин воспринял в качестве поворотного пункта не только в судьбе России, но и в своей собственной судьбе. Парадоксально, но это событие, которое представлялось ему в то время самой ужасной во всей русской истории катастрофой, как будто вдохнуло в него новую жизнь. Он был непосредственным свидетелем того, как большевики захватывали власть², он вполне сознавал, какие страшные последствия будет иметь большевистский переворот для судьбы России. Тем не менее, его статьи, написанные сразу после этого переворота, были проникнуты трагизмом и это был возвышенный, даже торжественный, оптимистический трагизм. Вот что писал Ильин в статье «Ушедшим победителям»³, посвященной памяти юнкеров, погибших в Москве во время боев с большевистскими военными отрядами: «Россия должна быть свободна от ига и *будет* свободна от него; от *всякого* ига; ибо русские предатели не лучше иноземцев и толпа не лучше тирана. Вы поняли это, и вы были правы. Вы, не колеблясь, поставили чувство собственного достоинства выше жизни; родину — выше класса; право — выше силы;

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 9–10. С. 188.

² В 1930 г. Ильин вспоминал о боях в конце октября 1917 г. в Москве: «Отстреляли по Москве октябрьские пушки, стихли первые *белые пулеметы*. Перемирие и сдача оружия. Я в анатомическом театре Университета. Он завален трупами, подобранными на улице. Лежат сплошными рядами, на сдвинутых столах и на полу. Как много студенческих тужурок... На лицах застыло как бы недоумение, вопрос — и мука» (Ильин И. А. Русская академическая традиция // Ильин И. А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). С. 350).

³ Данная статья была опубликована в московской газете «Русские ведомости» в № 249 от 14 ноября 1917 г.

свободу — выше смерти. Вы сумели узнать врага народа, укрывшегося за личиною демократа, и врага России, принявшего облик революционера. Вами двигало чувство национальной чести и верное государственное понимание. Вас вдохновляла любовь к родине. Знайте же: вы были глашатаями *нового русского правосознания* и Россия *пойдет за вашим зовом*. В вашем лице русский народ воистину сложил с себя рабское звание и утвердил свою гражданскую свободу. На этих основах, и только на них, возродится истинная мощь нашей чудесной и несчастной родины, создастся ее духовный расцвет»¹.

Трагические события 1917 года в России были крахом не только старой русской государственности. В результате этих событий распались все почти старые формы, в которых протекала жизнь русского общества, — русские люди как будто заново родились. Именно таким — заново родившимся — и сознавал себя Ильин в конце этого рокового для России и русских года.

Приход большевиков к власти первоначально не произвел большого впечатления на русское общество. Это событие, которое впоследствии назовут «эпохальным» и которому присвоят титул «Великой Октябрьской социалистической революции», свершилось как-то по-будничному. Ему не придали сначала большой значимости не только петербургские обыватели, но даже лица, занимавшие различные должности в гражданской администрации и в армии. Офицер для поручений при А. Ф. Керенском поручик Данилевич сообщал вечером 25 октября 1917 года генерал-квартирмейстеру Ставки генералу Дитерихсу: «В общем в Петрограде день прошел спокойно. Была лишь днем незначительная перестрелка на углу Невского и Дворцового[й] площади. Восставшие захватили Государственный Банк, Центральную Телефонную Станцию, Мариинский Дворец... Временное Правительство в полном составе сейчас в Зимнем Дворце и не думает отсюда уходить до ликвидации конфликта...» А Дитерихс отвечал: «Да благодарю Вас, вполне ясно, мы спокойны и уверены, что тяжелое положение пройдет почти само собой, если Вам удастся организовать даже те немногие части, которыми Вы располагаете»². Член Петроградской Городской Думы С. Анненский писал в своих воспоминаниях о настроениях, преобладавших среди горожан в первые дни после большевистского переворота: «Фактически большевики оказа-

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 9–10. С. 194–195.

² Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. VII. Берлин, 1922. С. 295.

лись победителями. В их руках находился весь Петроград со всеми его учреждениями. Правительство заключено было в Петропавловскую крепость, вся военная сила была на стороне большевиков. Тем не менее, никто не верил в окончательную победу тех, кто совершил переворот, и меньше всех в победу верили сами большевики»¹.

И. А. Ильин, живший в дни, когда совершался большевистский переворот, в Москве, вспоминал в восьмую годовщину этого рокового события: «Когда большевики захватили власть, то царило общее убеждение, что это будет короткая авантюра, что у сумасшедших нет перспективы, что бандитизм быстро пожрет сам себя. Краткосрочными, почти обреченными считали себя и сами большевики: и не верили в свои мероприятия... Никто не предвидел, насколько большевики бесстыдны, свирепы и цепки; никто не мог предвидеть, насколько попутен окажется им черный вихрь истории»². Мнение о кратковременности пребывания большевиков во власти разделял поначалу и сам Иван Александрович. Но как бы то ни было: спустя два месяца после захвата власти большевиками у него почти не осталось надежд на скорое падение их диктатуры. Зимой 1918 года Ильин говорил одному из своих знакомых: «Большевизм может быть и должен быть преодолен только духовно, религиозно и государственно»³. Веривший до прихода большевиков к власти в спасительную для России миссию Учредительного собрания, он коренным образом изменил свое отношение к нему после того, как произошел большевистский переворот. Встретив в декабре 1917 года Ф. Ф. Кокошкина и П. И. Новгородцева, избранных депутатами Учредительного Собрания, Иван Александрович воскликнул: «Федор Федорович! Павел Иванович! Вы избраны... Неужели же Вы поедете туда и будете участвовать в этом отвратительном и позорном заведении?!»⁴ Ильин понимал, что борьба с большевизмом будет долгой, что для победы над

¹ Анненский С. После переворота 25-го октября 1917 г. // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. VIII. Берлин, 1923. С. 44. О таких настроениях петроградцев «в дни перехода власти к большевикам» сообщал впоследствии в своих позднейших мемуарах и А. Демьянов: «Торжество большевиков было, однако, не полным. Никто их торжеству всерьез не верил, да и сами большевики не были уверены, что властью они завладели по-настоящему» (там же. Т. VII. С. 34).

² Ильин И. А. Очерки внутренней России // Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М., 2001. С. 328.

³ Ильин И. А. Встречи и беседы // Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 372.

⁴ Там же. С. 328–329.

ним каких-либо учреждений или организаций недостаточно — необходим кропотливый упорный труд по оздоровлению русского общественного сознания.

§ 2. Речь «О патриотизме»: причины русской катастрофы

В феврале 1918 года Ильин выступил в публичном собрании Общества младших преподавателей Московского университета с большой речью на тему патриотизма. В ней Иван Александрович предпринял попытку выявить главные причины революционной катастрофы 1917 года, приведшей к распаду Русского государства. Одновременно он выразил собственное душевное состояние, которое переживал в те чрезвычайно горестные для русского человека времена.

«В наши дни душа живет скорбью и гневом, — начал он свое выступление. — Мы все ходим подавленные, в непрестанной борьбе с чувством *стыда* и *беспомощной растерянности*. Душою овладевает странное и невыносимое чувство, *что нас нет*; то, что мы считали *собой*, *рассыпалось*; распалось; и не стало единого, великого народа; нет его *воли*; умолк его *разум*; извратилось его *чувство*; разложилась его жизнь. Где то, что называлось сотни лет „*русским государством*“? Есть ли в его гражданах *сознание* своего единства? Есть ли *воля* к единению? Где единая, верховная *власть*? Есть ли определенная *территория*? Где основные и неосновные *законы*? Где *армия*? Где *суд*? Где *права* и *обязанности граждан*? А если нет этого всего, то можно ли говорить о русском государстве? — когда все, все, все в разложении, в прахе, в позоре. Наша Россия стала тучею песка или пыли, которую гонит куда-то ураган истории»¹.

Набросав несколькими мазками печальную картину крушения Русской государственности, Ильин задался вопросом: «Что же рассыпало нас? Чем вызвано это разложение и распыление?» Напрашивавшийся в данном случае ответ — «войною и революцией» он назвал общим. Потому что такой ответ вызывал новый вопрос: почему же война породила революцию? И почему революция, целью которой было, по замыслу революционеров, «организовать Россию и спасти

¹ Ильин И. А. О патриотизме // Собрание сочинений: Справедливость или равенство? М., 2006. С. 353.

ее от поражения», разложила страну и обеспечила ее поражение так, как не могли осуществить это никакие усилия старой власти?

Причины русской катастрофы, говорил при ответе на данные вопросы Ильин, нельзя сводить к «хозяйственной и технической отсталости» России. Иначе останется неясным, почему страна разложилась именно тогда, когда влияние этого фактора на ход войны было почти преодолено? Очевидно, что здесь проявились более глубокие дефекты — дефекты не материальные, а духовные. «Беспомощная и ленивая мысль, — продолжал Иван Александрович, — охотно останавливается на чьей-нибудь личной вине или на партийных ошибках. Конечно, было много личных промахов и неспособностей; еще больше было партийных ошибок и преступлений. Но их мало осуждать. Их необходимо опознать и вскрыть. Свести к *общим закономерным увечьям русского духа*. Эти увечья характеризуют русскую душу во всех слоях народа; они характерны не только для простых масс, но и для всей партийной „революционной демократии“. Они более или менее присущи *каждому* русскому человеку, и только единицы, исключения, свободны от них всецело»¹.

После этих слов Ильин вкратце охарактеризовал сущность четырех увечий русского духа, от преодоления которых зависело, по его мнению, будущее России.

Первым недугом им было названо «отсутствие сколько-нибудь сильного и зрелого *правосознания*». «Русские люди, — утверждал Иван Александрович, — *не знают права*; они не понимают, что оно имеет *объективное содержание*; не видят его *объективного значения*; не *признают* его, не уважают, не вменяют себе в обязанность его *добровольное соблюдение*; они не *мотивируют* правом свои поступки, блюдут его только из страха или корысти; не умеют ни жить им, ни творить его, ни *бороться за него*»².

Вторым русским недугом, проявившимся в революционных событиях 1917 года, Ильин объявил в своей речи «*непонимание сущности государства и неумение его строить*». По его словам, русские люди не умели отличить «*государства от государственной власти*, а власть от *лица*, ею облеченного; они привыкли жить в своем государстве, как *больные, призываемые в больницу*»; они не понимали, что «*государство русское — это они сами*, так что оно существует именно

¹ Ильин И. А. О патриотизме // Собрание сочинений: Справедливость или равенство? М., 2006. С. 354.

² Там же. С. 354–355.

в них, через них, в виде их»; они не чувствовали себя «включенными в свое государство» и совершенно не сливали себя с ним; у них не было «ни сознания своего государственного единства, ни воли к его поддержанию, ни способности к его сохранению»; они умели бояться своей государственной власти, когда она была сильной, но не умели ее уважать и укреплять ее, когда она была слабой; они умели «критиковать ее, бранить, подозревать ее, не доверять ей, и, если надо, то подкупать ее взяточкой»; но не умели «ни доверять ей, сколь бы честна и безукоризненна она ни была, ни поддерживать ее повиновением»¹.

Третьим русским недугом Ильин назвал «непонимание сущности демократии и извращенное отношение к народу». «Русские люди, — говорил он, — понимают демократию как систему угождения темной массе; как систему управления, основанную на лести и потакании; как систему уговаривающего безвластия; как словесный турнир партий, подкупающих темную массу неосуществимыми и противогосударственными посулами. Вот почему демократия превратилась у нас в систему подкупа, где революционная демократия подкупала народ посулами и масса валила за тем, кто больше наобещает или даст; и русская революционная интеллигенция превратила демократию в позорную распродажу с молотка русской государственной власти»².

Четвертым русским недугом и самым главным Ильин признал «недостаток истинного патриотизма»³. Раскрытию сущности патриотизма, обоснованию того, что именно «любовь к отечеству лежит в основе и могучего правосознания, и здоровой государственности, и нормальной демократии», он посвятил большую часть своей речи.

«Родина, — говорил он, — есть духовное единство моего народа. Она остается — несмотря на гибель субъектов и поколений. Она — единое для многих: для каждого „моя“ — для всех „наша“, и все правы — общая для всех»⁴. Любить родину значит любить ее дух — не просто душу народа, его национальный характер, но «духовность его национального характера и национальный характер его духа»⁵. В этом свойстве патриотизма Ильин видел отличие его от простого инстинкта

¹ Ильин И. А. О патриотизме // Собрание сочинений: Справедливость или равенство? М., 2006. С. 355.

² Там же. С. 356–357.

³ Там же. С. 357.

⁴ Там же. С. 366.

⁵ Там же. С. 369.

группового и национального самосохранения. Дух имеет сверхнациональную, общечеловеческую сущность, поэтому истинный патриот, по словам русского мыслителя, «не умеет ненавидеть и презирать другие народы — ибо он видит их духовную силу и их духовные достижения. И потому он дорожит каждым народом, как уже реальным и возможным хранилищем духа. Он любит в них *духовность их национального характера*, хотя *национальный характер их духа может быть ему чужд*. И эта любовь к чужому духу — не мешает ему любить *свою родину*». Отсюда Ильин делал вывод, что «*любить свою родину умеет только тот, кто не умеет ненавидеть и презирать другие народы*»¹.

Разворачивая данный тезис, Иван Александрович говорил далее:

«Истинный патриот любит в своем отечестве то, что *должны* любить и *будут* любить, когда узнают — и *все* другие народы; но за то и он любит у других народов то, что составляет истинный источник их величия и славы.

Истинный патриот не только не слеп к духовным достижениям других народов, но стремится *постигнуть* и *усвоить* их, *ввести их в духовное творчество своей родины*, чтобы обогатить ее жизнь, углубить ее путь и исцелить возможную неполноту ее достижений»².

«Только тот умеет любить свою родину, кто хоть раз испытал, что вселенная действительно может быть отечеством мудреца. Кто способен почувствовать, что Шекспир и Бетховен *наши, общие, всемирные*. Кто способен понять, почему русский крестьянин уверен, что *Христос был русским*.

И обратно: только тот может нелицемерно говорить о „братстве народов“, кто сумел найти свою родину, усвоить ее дух и слить с нею свою судьбу. В устах же приبلудшего интернационалиста эти слова будут всегда *кощунством и предательством*»³. Последняя из приведенных фраз была явным выпадом против большевиков, прибывших в Россию из-за границы.

Любовь к родине Ильин соединял с верой в нее. Истинный патриот, утверждал он, не может сомневаться в грядущем расцвете своей родины, что бы ни случилось с его народом; «он знает живым опытом и победами прошлого, верою и ведением, и предметною очевид-

¹ Ильин И. А. О патриотизме // Собрание сочинений: Справедливость или равенство? М., 2006. С. 369.

² Там же. С. 369–370.

³ Там же. С. 370.

ностью, что *его народ не покинут Богом, что дни падения преходящи, а духовные достижения вечны*, что тяжкий молот истории неизбежно выкует из его отечества булат могучий и победный. **Нельзя любить родину и не верить в нее.** Ибо родина есть живая духовная сила, в которую нельзя не верить. Но верить в нее может лишь тот, кто живет *ею, вместе с нею и ради нее*, кто соединил с нею истоки своей творческой мысли и своего духовного самочувствия»¹.

Основываясь на этом понимании сущности патриотизма, Ильин делал в заключительной части своей речи оптимистический вывод о будущем России. «Только близорукие и малодушные могут думать, что Россия погибает, — заявлял он. — Нет, не погибает и не погибнет. Тому порукою не „политика больного человека“², а немнимое величие русского духа и его прошлых достижений. Но русские люди получают жестокий исторический урок, заслуженный ими и взывающий к глубокому пересмотру и переустройству всей внутренней жизни. Урок не первый — и, наверное, не последний: вот уже четвертое столетие подряд история России начинается с громового удара и потрясения. И первый раз за все это время Россия обладает интеллигентными силами, способными отозваться на исторический призыв — *критическим всесторонним пересмотром и обновлением.*

Завершая речь «О патриотизме», русский мыслитель говорил: «На наших плечах лежит великое бремя: научно понять, духовно осмыслить и творчески преодолеть переживаемый Россией кризис. И вслед за тем *заставить* простой народ внять этому голосу разума, подчиниться ему и выполнить его волю и его предначертание. *Таково патриотическое задание русской интеллигенции.* Она должна с ним справиться, и она разрешит его, ибо Россия не погибает и не погибнет. Вопрос только в сроке и в размерах предстоящего страдания; но и эти оба условия зависят, прежде всего, от *честности* мысли и *энергичности* действующей воли. И я глубоко верю, что мы, преподаватели русских университетов, будем и впредь служить нашей России на этих основах *живого духовного патриотизма*»³.

Понимание большевизма как явления, имевшего свои корни в мировоззрении и психологии русского общества, а значит, не могущего

¹ Ильин И. А. О патриотизме // Собрание сочинений: Справедливость или равенство? М., 2006. С. 367.

² Ильин подразумевал под этим человеком В. И. Ленина.

³ Ильин И. А. О патриотизме // Собрание сочинений: Справедливость или равенство? С. 373–374.

однажды самопроизвольно исчезнуть без следа, было присуще и другим русским мыслителям того времени — например, правоведа Николаю Николаевичу Алексееву. Сходясь в своих оценках большевизма, а также во мнении о том, что с этим явлением, разрушающим русскую цивилизацию, необходимо бороться, И. А. Ильин и Н. Н. Алексеев тем не менее выбрали для себя различные линии поведения в условиях, сложившихся в России в результате прихода большевиков к власти.

«Летом 1918 г. у меня созрело убеждение в необходимости покинуть Советскую Россию, — писал о своем выборе Н. Н. Алексеев. — Я не принадлежал к числу людей, полагавших, что русский большевизм есть случайный и кратковременный эпизод русской истории. Это сознание длительности большевистского процесса при внутренней невозможности примириться с большевиками должно было толкать к попыткам устройства жизни вне Советороссии. Но помимо этого обывательского соображения в душе моей я питал еще одну мысль, которая властно толкала меня к выезду: это была идея вооруженной борьбы с большевиками. Многие в настоящее время найдут, что она стоит в явном противоречии с сознанием длительности большевистского процесса — и, может быть, действительно здесь есть некоторое противоречие. Однако, если оно и было, то я склонен считать его и жизненно, и нравственно необходимым. При полном сознании этой длительности я был убежден, что есть только один способ ускорить этот процесс, именно, способ хирургически-оперативный. „Если организм захватывает злая болезнь, то нужно отрубить большую часть“, — так рассуждал тогда я. Ясно, что операция может и не удасться, однако, трудно было думать, что она не удастся ни при каких условиях»¹.

И. А. Ильин в подобных условиях мыслил по-другому. «Был некий здоровый, органический инстинкт, который говорил нам, что надо не уходить, а принять борьбу на месте, цепко отстаивая русскую жизнь и русскую культуру шаг за шагом от надвигающегося разрушения, — объяснял он свой выбор. — **Когда на родину идет стихийная беда в виде телесной или духовной заразы, то нельзя оставлять свою страну и спасать себя или даже живой „кусочек“ родины в своем лице.** Было когда-то, до революции, общее здоровье и им мы пользовались на месте, совместно и сообща; пришла об-

¹ Алексеев Н. Н. Из воспоминаний // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. XVII. Берлин, 1926. С. 170.

шая беда, и ее мы должны принять на месте, совместно с нашим народом и сообщая с ним. Или мы — кочевники, меняющие зараженное и обглоданное пастбище на другое, нетронутое? Или мы — зайцы, робко бегущие прочь, как только злой охотник спустит на нас злых собак? Или наша Россия есть дикое поле, на котором селится и властвует первая вторгшаяся шайка разбойников, не встречая ни протеста, ни противодействия?.. Пусть наши белые, свергающие, — свергают и свергнут; и те из нас, кто душою безоговорочно с ними, сумеют найти формы тайного содействия им. **Но нужны еще отстаивающие и охраняющие внутри, ведущие цепкую, стойкую, черную работу, направленную на то, чтобы не выдать злодеям нашу Россию и сберечь от нее все, что возможно...** И как уклониться от этой общей беды, когда она почти всеми поголовно испытывалась как общая вина. Об этой своей вине люди говорили редко и неохотно, но чувствовали ее все, все, для кого революция не была „достижением“ и „праздником“. Чего-то недоделали, недолюбили, недоумели; чего-то недооценили; что-то выдали, не отстояли, предали; чему-то попускали; в чем-то заблуждались... И вот — последствия. Сквозь все личные тревоги, заботы и опасности, на всех неискаженных лицах, во всех неожиданных и неизолгавшихся глазах — читалось это сознание своей вины; иногда даже у меньшевиков и эсеров... И это чувство вины одних вело в белые ряды, других приковывало к месту: наше дело, наша беда, наша вина, нам и расхлебывать. Сколько раз мы выговаривали и это вслух: „Смотри, казись, изживай, учись, — хотя бы ценою утраты всего, что любишь, здоровья и жизни...“

Уходят ли от постели больной матери? Да еще с чувством виновности в ее болезни? Да, уходят — разве только за врачом и лекарством. Но уходя за лекарством и врачом, оставляют кого-нибудь у ее изголовья. И вот — у этого изголовья мы и остались»¹ (выделено мною. — В. Т.).

Эти размышления Ильин изложил в статье «Очерки внутренней России», которая была опубликована 24 и 25 октября 1925 года в белградской газете «Новое время»². Говоря о себе, Иван Александрович отмечал, что если бы его не изгнали и не расстреляли, то он, вероятно, и теперь все еще был бы в Советской России. «Знаю, — заявлял он в самом конце статьи, — что под напором большевиков, из года

¹ Ильин И. А. Очерки внутренней России // Ильин И. А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). С. 330–332.

² Новое время. Белград. 1925. № 1347. С. 2–3; № 1348. С. 2–3.

в год, обороняемое достояние России отчасти суживалось в объеме, отчасти углублялось в содержании. И ныне там остались храмы, библиотеки, музеи, памятники старины, живой состав русского народа, железные дороги, леса и недра. И, главное, духовно: русская душа, русская вера, русский характер, русский уклад. И в материальном и в духовном есть невосстановимое. Огради его, Господи!»¹

В Советской России остался и брат Ивана Александровича Игорь Александрович Ильин. Профессия адвоката (присяжного поверенного), которой он посвятил себя после окончания юридического факультета Московского университета, была до революции весьма престижной и обеспечивала ее обладателю сносное материальное существование. В условиях же большевистского правления в цене были обвинители, адвокатство стало презренной профессией, но Игорю Александровичу удалось каким-то образом найти себе место в новом обществе. В 1937 году он был арестован, обвинен в антисоветской пропаганде и расстрелян. Родным же его сообщили после войны, что он погиб на фронте в 1943 году². Еще один брат Ивана Александровича Александр Александрович Ильин покинул Россию еще до революции 1917 года и пропал где-то в Америке.

Учебные заведения, как и многие другие учреждения, некоторое время после захвата власти большевиками продолжали работать так, как и прежде. Описывая обстановку, сложившуюся в России в конце 1917 – начале 1918 года, В. А. Ауэрбах³ отмечал: «Вообще можно сказать, что в первое время после переворота большевики вели себя вяло, и действия их отличались большой осторожностью и нерешительностью. В общих чертах порядки оставались теми же, как и при Временном Правительстве, и казалось, что произошел не переворот, а смена кабинета»⁴. И. А. Ильин продолжал преподавать на юридическом факультете Московского университета. Одновременно он, как и ранее, читал лекционные курсы в Коммерческом институте, на Высших женских юридических и историко-филологических курсах, учрежденных В. А. Полторацкой, и в Народном университете имени

¹ Ильин И. А. Очерки внутренней России // Ильин И. А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). С. 334.

² См.: Лисица Ю. Т. Иван Ильин и Россия. С. 55.

³ Общественный и промышленный деятель того времени, принадлежавший, как он сам о себе писал, к кругу лиц, «близких к Временному Правительству».

⁴ Революционное общество по личным воспоминаниям В. А. Ауэрбаха // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. XVI. Берлин, 1925. С. 53.

Шаняевского. «Коммунисты не сразу принялись за нас, — вспоминал он впоследствии, — целый год им было не до Университета. Было только две попытки „заманить“; две ставки на продажность. Одна — в „Обществе младших преподавателей“¹; где небольшая группа большевиков, человека три, буйно требовала „классовой“ борьбы с профессорами и „демократической реформы“ Университета, суля от имени власти позорные прибавки к жалованью; буйство встретило должный отпор. Другая — в Совете профессоров: коммунисты хотели „признания“ и „сотрудничества“ и предлагали „новые ставки“ (инфляция была в полном ходу). Помню негодующие, презрительные речи профессоров: „Будем голодать, — говорил один, ныне покойный, — но не примем тушинских пожалований от воров!“²

§ 3. Книга «О сущности правосознания»

Главной темой научных занятий И. А. Ильина с 1916 года стала проблема сущности правосознания. 5 июня 1917 года он писал Л. Я. Гуревич: «Кончаю книгу „О сущности правосознания“ (выйдет осенью)»³. Однако в действительности данная книга была в то время лишь набрана и к лету 1918 года подготовлена к печати, но так и не вышла тогда в свет. По каким причинам она не была опубликована в Советской России — можно догадаться. Но любопытно, что Иван Александрович не стал публиковать свою книгу о правосознании и за границей. Хотя мысль о ее публикации у него неоднократно возникала. «В течение ближайших месяцев я буду печатать мои книги, написанные и выношенные в сатанинской плавильне, — о Сущности Правосознания и о Монархии»⁴, — сообщал Ильин генералу П. Н. Врангелю в письме от 5 апреля 1923 года.

Р. М. Зиле, познакомившийся с Ильиным в 1928 году и все последующие годы состоявший с ним в переписке, говорил в 1955 году в речи, посвященной его памяти: «В 1919 г. ИЛЬИН заканчивает ис-

¹ И. А. Ильин занимал в этом обществе должность председателя правления.

² *Ильин И. А.* Русская академическая традиция // Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). С. 351.

³ *Ильин И. А.* Письмо к Л. Я. Гуревич от 5 июня 1917 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 92.

⁴ Письмо И. А. Ильина к П. Н. Врангелю от 5 апреля 1923 года // Бортневский В. Г. Избранные труды. Л., 1999. С. 134.

следование о сущности правосознания¹; оно читалось в виде курса лекций в московских высших учебных заведениях, обсуждалось не раз в заседаниях Московского Юридического Общества и в частных собраниях московской доцентуры и профессуры. Однако эта книга, под названием: „Учение о правосознании“, до сих пор не увидела света. Между тем это не просто только ценнейший вклад в юридическую литературу, но подлинно новое, живое слово о той духовной атмосфере, в которой нуждается право и государство для своего процветания»².

Книга Ильина «О сущности правосознания» была впервые издана только в 1956 году, спустя два года после смерти ученого³, причем издана по верстке, сделанной в первой половине 1918 года. Во всяком случае, сравнение текста изданной книги с текстом верстки показывает полную их идентичность.

Обозначение этого произведения названием «О сущности правосознания» не вполне точно передает его содержание. Оно вполне могло быть наименовано также книгой о сущности права и государства.

В современной юридической литературе под правосознанием понимают, как правило, совокупность знаний, идей, взглядов, представлений, чувств и настроений, относящихся к праву⁴. И. А. Ильин связывал правосознание не только с правом, но и со всей вообще жизнью общества. «Жить — значит для человека жить правосознанием, в его функции и в его терминах: ибо оно остается всегда одною из великих и необходимых форм человеческой жизни»⁵, — отмечал он.

Вместе с тем правосознание рассматривалось им в качестве «духовной основы государственного бытия». Разрушение в той или иной

¹ На самом деле И. А. Ильин завершил написание всего текста книги «О сущности правосознания» до конца 1917 г.

² Сообщение, посвященное памяти профессора Ивана Александровича ИЛЬИНА, сделанное 1-го мая 1955 г. на собрании чинов Русского Обще-Воинского Союза в г. Казабланка Романом Маргъиновичем ЗИЛЕ // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 2. Кн. 2. М., 1993. С. 416.

³ Ильин И. А. О сущности правосознания. Мюнхен, 1956. Современное издание этой книги вышло в свет в 2003 и 2008 гг. в сборнике работ И. А. Ильина о праве и государстве (см.: Ильин И. А. Теория права и государства / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2003, 2008 (серия «Русское юридическое наследие»).

⁴ См., напр.: Теория государства и права. Учебник / Под ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало, 2009. С. 798.

⁵ Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 томах. Том 4 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 1994. С. 155.

стране правосознания Ильин считал фактором, который неизбежно ведет ее к политической катастрофе — к гибели существующего в ней государства. «Революция зарождается в стране не в момент уличных движений, но в тот момент, когда в душах начинает колебаться доверие к власти»¹, — констатировал он. Сущность же доверия к власти ученый видел в признании ее правотворческой компетентности, правовой воли и благонамеренной силы, а недоверие к власти расценивал как непризнание, отвержение государственного авторитета. Соответственно распространение презрения к государственной власти он рассматривал в качестве процесса, неминуемо влекущего за собой разложение правосознания. «Когда народ теряет уважение к своей власти или начинает питать к ней даже презрение, — отмечал Ильин, — то это означает, что его настигло глубокое духовное бедствие. Презрение к государственной власти есть начало всеобщего духовного развенчания и совлечения; за отрицанием публичных обязанностей идет отрицание всяких связей: презрение к государственному авторитету разлагает правосознание, разложение правосознания неминуемо захватывает честь и совесть, убивает чувство меры и справедливости, угашает веру и религию. Народ становится жертвою *духовного нигилизма*. Поэтому **тот, кто облечен властью, имеет священную обязанность поддерживать уважение к ней. „Престиж“ власти и „авторитет“ власти составляют драгоценное достояние народа, его духовное богатство, залог его силы и расцвета: это есть накопленное веками уважение народа к самому себе и к своему национальному духу**»².

По мнению Ильина, правосознание не просто сопутствует праву: оно в прямом смысле жизненно необходимо для права, составляя действительную жизнь права. «Право только тогда осуществит свое назначение, — подчеркивал он, — когда правосознание примет его, наполнится его содержанием и позволит новому знанию влиять на жизнь души, определять ее решения и направлять поведение человека. Тогда *право* станет *силой во внутренней жизни* человека, а через это и в его *внешней жизни*»³.

Такому представлению о правосознании соответствовало вполне определенное понимание сущности права, его роли в общественной

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 томах. Том 4. М., 1994. С. 374.

² Там же. С. 381–382.

³ Там же. С. 180.

жизни. «Духовное назначение права, — утверждал Ильин, — состоит в том, чтобы *жить в душах людей*, «наполняя» своим содержанием их переживания и слагая, таким образом, в их сознании внутренние *побуждения*, воздействуя на их жизнь и на их внешний образ действий. **Задача права в том, чтобы *создавать в душе человека мотивы для лучшего поведения***»¹.

Проводя эту мысль, Ильин особо подчеркивал, что «право по существу своему предписывает и воспрещает *только внешние* деяния людей»², что оно «не может и не стремится регулировать своими предписаниями душевно-духовную жизнь человека и сосредоточивает свое внимание на том, что внешне-уловимо и вовне-проявлено»³, что «право есть *внешний* порядок жизни»⁴. По его мнению, именно в силу такого своего характера право нуждается в правосознании. «Творить *внешний порядок* жизни право может только через *внутреннюю упорядоченность души*, т. е. через правосознание»⁵.

Государство И. А. Ильин понимал в качестве явления, которое имеет не только материальное, но и духовное содержание, проникнутое «государственным правосознанием». Выражая этот взгляд, он подчеркивал: «Государственный образ мыслей, государственное настроение чувств, государственное волеуправление — все это вместе составляет необходимую и реальную основу всякого живого государства или вернее, — *подлинную ткань его жизни*. Это как бы тот воздух, которым оно дышит и без которого оно задыхается и гибнет. Где этого нет, там нет государства, а есть только его пустая видимость, и первые же серьезные затруднения не замедлят обнаружить это»⁶. Такое понимание сущности государства Ильин считал главным условием проведения успешной государственной политики. При этом русский мыслитель отмечал, что если государственная политика строится на основе воззрения на государство лишь как на внешнюю силу, оторванную от правосознания, то она неизбежно сосредотачивается на актах, выражающих интересы узкого круга правящих лиц. Государство в этом случае уводится из подлинной

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 томах. Том 4. М., 1994. С. 180.

² Там же. С. 407.

³ Там же. С. 407–408.

⁴ Там же. С. 408.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 262–263.

стихии народной жизни и превращается для его граждан «в чуждую им и неосмысленную систему мертвящего принуждения. Государственная принадлежность начинает переживаться как ненавистная кандалная цепь, а правители кажутся чуть ли не бессменными тюремщиками»¹.

Одним из главных проявлений «государственного правосознания» русский мыслитель считал *патриотизм*. В книге «О сущности правосознания» он посвятил ему специальную главу². «Истинный патриотизм, — утверждал в ней И. А. Ильин, — рождается из того же источника, как и нормальное правосознание: из *духовной природы человека* и из *воли к духу*. Любовь патриота посвящена тому же предмету, которому служит право: духовной жизни, ее устройению к расцвету»³. Любить родину значило для Ильина **«любить ее дух и через него все остальное, не просто „душу народа“, т. е. его национальный характер, но именно духовность его национального характера и национальный характер его духа»**⁴. Иметь родину значило для него «иметь особый, самостоятельный естественно-правовой союз, не совпадающий со всемирной, общечеловеческой общиной, и отдавать ему преимущество в деле любви и служения»⁵. Увязывая понятие родины с понятием государства, Ильин тем не менее вполне четко различал их между собой. «Государство, — писал он в главе «О государственном правосознании», — определяется именно тем, что оно есть *положительно-правовая форма родины*, а родина есть его *творческое, духовное содержание»*⁶.

§ 4. Диссертация «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». Аресты

К весне 1918 года Ильин завершил свой многолетний труд над диссертацией «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» и стал искать издателя для нее. После ряда неудачных

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 259.

² Там же. С. 240–258.

³ Там же. С. 242.

⁴ Там же. С. 255.

⁵ Там же. С. 242.

⁶ Там же. С. 258.

попыток напечатать ее Иван Александрович обратился к Г. А. Леману-Абрикосову, который согласился помочь ему. В своих неопубликованных воспоминаниях, рукописный текст которых хранится в настоящее время в Российской государственной библиотеке, Георгий Адольфович писал об этой истории следующее: «Я не могу вспомнить, где и как мы с ним познакомились. Но как-то он явился ко мне как к издателю — впоследствии он меня называл своим «эдитером» — с просьбой издать его работу о Гегеле. В это время его работа была уже закончена и какой-то его знакомый еврей дал ему деньги на ее печатание. Однако это печатание почему-то не шло на лад, и его просьба состояла в том, чтобы продолжить это неудавшееся печатание и довести его до конца. Я с полным удовольствием взялся за это дело и действительно благополучно довел его до конца. Благополучие, в частности, состояло в том, что он должен был через некоторое время защищать свою работу в качестве магистерской диссертации и очень просил меня суметь ко дню защиты напечатать второй том. Это мне удалось»¹.

Защита И. А. Ильиным диссертационного сочинения по философии Гегеля была назначена на 19 мая 1918 года. Но за месяц с небольшим до этой даты случилось событие, из-за которого она могла вообще не состояться. 15 апреля Иван Александрович был арестован на основании ордера, выданного ВЧК, и заключен под стражу². Повод к аресту Ильина дали показания поручика Д. А. Громова, задержанного по делу о контрреволюционной организации, содействовавшей формированию «Добровольческой армии». Эта организация была создана в конце 1917 года группой лиц во главе с графиней А. Н. Ланской и имела отделения в ряде крупных городов России, в том числе в Москве и Петрограде. К весне 1918 года она сумела отправить в полки атамана Каледина и генерала Корни-

¹ ОР РГБ. Фонд 218. К. 1272. Ед. хр. 5. Л. 2.

² См.: Документы ВЧК-ГПУ-НКВД // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 373–374. В газете «Заря России» (№ 3. С. 3) 20 апреля 1918 г. появилось следующее сообщение о данном событии: «В ночь на вчера в своей квартире, в Крестовоздвиженском пер., арестован прив.-доцент Московского университета И. А. Ильин. В одиннадцатом часу к нему явился отряд вооруженных латышских стрелков, которые, предъявив ордер от комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, произвели обыск, длившийся до 4 часов утра. После обыска, по телефонному распоряжению комиссии, был арестован и отправлен в помещение комиссии на Лубянке, где и оставался в течение всего вчерашнего дня».

лова более 2000 добровольцев, десятки вагонов с обмундированием и оружием.

Накануне ареста Ильина в Москве был задержан один из руководителей указанной организации, гражданин США инженер В. А. Бари. На допросе 14 апреля он говорил об Ильине: «Приват-доцента Ильина я лично знаю, но какое отношение он имеет к организации графини Ланской, мне неизвестно. Знаю только, Ильин стоял во главе тех, которые желали продолжения войны с Германией, т. е. принадлежал к союзнической организации»¹. Ничего не сказали на допросах в ВЧК о принадлежности Ильина к контрреволюционной организации и другие лица, арестованные по этому делу, — В. В. Кривошеин и К. М. Халафов. Однако в найденном чекистами среди бумаг Бари приходном счете в графе расходов было обозначено рукою Ильина «8000. — Ив. А. И. 30 ноября». Эта запись дала основание следователям полагать, что Ильин получал от Бари денежные суммы для передачи в распоряжение офицеров, направлявшихся на Дон.

На допросе в ВЧК 21 апреля 1918 года Ильин отрицал свое знакомство с Громовым, соглашался с тем, что знаком с инженером В. А. Бари и с графиней Ланской, и напрочь отказывался признать свою принадлежность к какой-либо контрреволюционной организации. «Присовокупляю, — говорил он следователю, — что никогда и ни к какой политической партии не принадлежал, никогда и ни в каких политических организациях не работал. Помимо общей несклонности к политической организации и работе, я не способен к этому по состоянию здоровья и по чрезмерной занятости лекционной работой (20 недельных часов) и по интенсивной литературной работе: в ближайшее время я выпускаю три книги². Всякие мандаты в общественные организации я отклонял; так, весной я не принял мандат в советы общественных организаций от академического союза, а осенью — мандат в совет трудовой интеллигенции от Общества младших преподавателей»³.

На следующий день после ареста Ильина — 16 апреля 1918 года — в ВЧК обратилось с ходатайством о его освобождении из-под ареста

¹ Цит. по: *Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938)*. С. 583.

² Ильин имел здесь в виду свою работу по философии Гегеля, которую первоначально намеревался опубликовать в трех книгах, но выпустил затем в двух книгах.

³ *Документы ВЧК–ГПУ–НКВД // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938)*. С. 377.

Правление Общества младших преподавателей Московского университета. В этом ходатайстве говорилось, в частности, что Правление Общества считает «крайне необходимым освобождение из заключения» председателя правления профессиональной организации младших преподавателей Московского университета Ивана Александровича Ильина: «во 1) в виду его болезненного состояния (катар левого легкого и носоглотки)¹, которое может сильно ухудшиться и осложниться и 2) в виду важности его преподавательской и научной работы в университете и других высших учебных заведениях г. Москвы»². В конце своего ходатайства Правление Общества заявляло о своей готовности взять приват-доцента Ильина на поруки. 18 и 19 апреля с ходатайствами об освобождении Ильина из-под ареста в ВЧК обратились руководители Высших женских юридических и историко-филологических курсов Н. Д. Виноградов, Н. Н. Полянский, Д. Н. Ушаков (знаменитый русский языковед, впоследствии составитель «Толкового словаря русского языка») и член Правления театра Московского Совета рабочих депутатов А. Б. Левинсон.

Эти ходатайства возымели силу: 24 апреля 1918 года Ильин был освобожден из заключения и отдан на поруки Правлению Общества младших преподавателей. При этом с него была взята подписка о явке к следователю по первому же требованию.

Через три дня — 27 апреля — дело, по которому проходил Ильин, было передано в Революционный трибунал. В обвинительном заключении, составленном 30 апреля 1918 года, констатировалось, что Ильин причастен к деятельности контрреволюционной организации, а потому является виновным «в заговоре против Российской Советской Республики». Такой же вывод делался и в отношении В. А. Бари, В. В. Кривошеина, К. М. Халафова. На заседании Следственной комиссии при Московском Революционном трибунале, состоявшемся в тот же день, было принято решение удовлетворить ходатайства защитников Кривошеина и Халафова об освобождении этих обвиняемых из-под стражи. Присутствовавший на данном заседании вице-консул США Дж. Лерс также обратился с просьбой об освобождении под его поручительство гражданина США В. А. Бари, ходатайствуя при этом о предоставлении последнему «тех прав, кои предусмотрены декретом Рев. Трибунала в отношении всех граждан Россий-

¹ Ильин заболел этой болезнью в 1916 г.

² Документы ВЧК-ГПУ-НКВД // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 374.

ской республики»¹. Одновременно с этим и защитники, и американский вице-консул обратились к Следственной комиссии с просьбой о признании материала по рассматриваемому делу лишь дознанием, а не предварительным следствием. Соответственно они ходатайствовали о производстве данного следствия. Рассмотрев эти ходатайства, Следственная комиссия постановила «передать дело для доследования в Политический отдел Следственной комиссии при Московском Революционном трибунале»².

Так закончилась история с первым арестом И. А. Ильина. Иван Александрович получил возможность защитить свою диссертацию.

В день защиты вышел в свет второй том его книги «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», представленной на диспут. Издатель Г. А. Леман-Абрикосов принес несколько экземпляров этого тома прямо на защиту.

Одним из оппонентов Ильина был П. И. Новгородцев. За сутки до защиты Ивану Александровичу стало известно о том, что его учитель-оппонент может быть подвергнут аресту. Он немедленно сообщил ему об этом и уговорил побережться и не ночевать дома. Утром 19 мая стало известно, что ночью в квартире у Новгородцевых шел обыск и что для ареста Павла Ивановича там оставлена засада. В два часа дня совет юридического факультета собрался для диспута по диссертации Ильина — Новгородцев отсутствовал. При одном же оппоненте — им был профессор Е. Н. Трубецкой — диспут состояться не мог. Но спустя полчаса прибыл-таки Павел Иванович, и диспут начался. Он длился четыре часа. Выступавшие на диспуте высоко оценили труд Ильина. В результате — за свой первый том работы о философии Гегеля («Учение о Боге») Ильин был удостоен магистерской степени, а за второй том («Учение о человеке») — степени доктора государственных наук. Такой успех в то время был огромной редкостью.

Ильин в свою очередь отдал должное высококонравственному поступку своего учителя. Вспоминая об этом диспуте спустя шесть лет, Иван Александрович напишет в статье, посвященной памяти П. И. Новгородцева: «Его самообладание, его духовная сила — были изумительны. Тревожно простился я с ним, уходящим; я знал уже, что такое подвал на Лубянке.

¹ Документы ВЧК-ГПУ-НКВД // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 384.

² Там же.

— Поберегите себя, Павел Иванович! Они будут искать вас...

— Помните ли вы, — сказал он, — слова Сократа, что с человеком, исполняющим свой долг, не может случиться зла ни в жизни, ни по смерти?..

Это было указание на Божию волю и принятие ее.

С тех пор я с ним не виделся...»¹

В течение лета 1918 года продолжалось следствие по делу о контрреволюционной организации, содействовавшей формированию «Добровольческой армии». 23 июля Ильину на адрес его московской квартиры была послана повестка с требованием прибыть 27 июля в Следственную комиссию при Революционном трибунале, располагающуюся в доме № 1 по улице Солянка, для допроса в качестве обвиняемого в контрреволюционной деятельности. Иван Александрович находился в это время вместе с женой в подмосковном имении своего друга Балена близ станции Воскресенск и в назначенное время на допрос не явился. 30 июля ему еще раз направили подобную повестку, но он снова не прибыл на допрос. Тогда 10 августа был выписан ордер на арест Ильина. И на следующий день Ивана Александровича арестовали². Из документов ВЧК видно, что на этот раз ему пришлось провести в заточении в Таганской тюрьме более двух месяцев³. Только

¹ Ильин И. А. Памяти П. И. Новгородцева // Русская мысль. Прага. 1923/24. Кн. IX–XII. С. 372.

² Документы ВЧК–ГПУ–НКВД // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 384–386.

³ В Центральном архиве ФСБ сохранилось датированное 12 октября 1918 г. предписание Следственной комиссии при Московском революционном трибунале начальнику Таганской тюрьмы о доставке заключенного Ивана Александровича Ильина в Комиссию по адресу «Солянка № 1» (там же. С. 403–404). Однако в письме к Н. Н. Крамарж от 23 апреля 1935 г. Ильин писал, вспоминая о своем втором аресте, что его выпустили на свободу через три дня. Согласно его рассказу, после покушения на Ленина он получил условную телеграмму о необходимости как можно быстрее скрыться. Иван Александрович пребывал тогда с женой в имении Балена. Подождав до ночи, он бросился на ближайший полустанок. В три часа здесь остановился на одну минуту поезд дальнего следования, состоявший из товарных вагонов, переполненных людьми. Иван Александрович бегал от вагона к вагону, прося пассажиров позволить ему хоть как-нибудь втиснуться, но в каждом вагоне наталкивался на глухую, мрачную, злобную стену людей. Когда поезд тронулся, он схватился за поручни и повис на руках. Поезд набирал ход — ветер раздувал пальто Ильина, и он, стиснув зубы, молился про себя, чтобы ему не стало дурно и не шиб его придорожный столб. Все это видела Наталья Николаевна, провожавшая своего мужа, — можно представить, что она пережила. Десять минут провисел Иван Александрович в таком положении, пока поезд не пришел на следующую станцию. Кондуктор смилостивился и пустил его за 20 рублей в слу-

17 октября 1918 года — в день, когда завершилось следствие (или несколько дней спустя), Ильин был освобожден из-под ареста. Из содержания ряда документов видно, что в 20-х числах октября доктор государственного права И. А. Ильин вел занятия в московских учебных заведениях. Так, в Народном университете имени А. Л. Шанявского он читал курс «общей теории государства и права» и вел практические занятия по государственному праву¹, на Высших женских юридических и историко-филологических курсах он читал лекции по таким дисциплинам, как «введение в философию», «логика», «история философия права»². Вместе с тем Ильин продолжал свою преподавательскую деятельность в Коммерческом институте, где его лекции слушали 2500 студентов³, и в Московском университете.

Об этом периоде времени Иван Александрович впоследствии вспоминал: «Осенью нас настигла „первая реформа“⁴: все „трехлетние“ приват-доценты были переименованы в „профессоров“. „Реформа“ была встречена молчаливым презрением: ведь еще Хлестаков сказал: „пусть называются“... Но атака уже готовилась по всей линии. И уже попадались на университетском дворе подозрительные фигуры, которые, сильно грассируя, спрашивали: „товарищ, где здесь записывают в красные профессора?“; и уже поговаривали о рабфаке, а в Совете профессоров стали появляться какие-то темные личности „с мандатами“; и уже бывали случаи, что арестованные профессора — в чеке или Бутырках — принимали зачеты у арестованных студентов и давали им указания по „литературе предмета“...»⁵

жебное отделение (Ильин И. А. Письмо к Н. Н. Крамарж от 23 апреля 1935 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 311). Покушение на Ленина случилось 30 августа — выходит Ильин в то время был на свободе?

- ¹ См.: Документы ВЧК–ГПУ–НКВД // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 406.
- ² Там же. С. 417.
- ³ Там же. С. 416–417. См. также: Российский архив. Вып. V. М., 1994. С. 532.
- ⁴ Имеются в виду изменения в организацию государственных учебных заведений, введенные Декретом СНК от 9 октября 1918 г.
- ⁵ Ильин И. А. Русская академическая традиция // Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). С. 351. О подобном факте упоминает в своих мемуарах М. М. Новиков, сообщая, как арестованный «профессор-юрист Н. А. Каблуков экзаменовал своего студента. Свободного времени у студента в тюрьме было много, и он блестяще подготовился к экзамену» (Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Нью-Йорк, 1952. С. 291–292).

3 ноября 1918 года И. А. Ильин снова был подвергнут аресту¹. И опять по тому же самому делу о контрреволюционной организации, содействовавшей формированию «Добровольческой армии». Но на этот раз чекисты, которые вели это дело, были настроены значительно более решительно. Следователь Воздвиженский² в своем заключении по указанному делу, датированном 28 ноября 1918 года, после краткого изложения фактов, позволявших подозревать Ильина в причастности к контрреволюционной организации, делал следующий вывод: «Ввиду всего изложенного нахожу, что ИЛЬИНА Ивана Александровича следует заключить в **концентрационный лагерь**»³ (выделено мною. — В. Т.).

Однако незадолго до суда Ильин был все же выпущен на свободу. Некоторую роль в таком повороте событий сыграли, по-видимому, ходатайства учебных заведений, в которых преподавал Ильин, об освобождении его под поручительство. В частности, 13 ноября 1918 года в Комиссариат Народного Просвещения обратился с просьбой оказать содействие «в деле освобождения профессора Ильина» и. о. ректора Коммерческого института⁴. 15 августа с ходатайством «об освобождении на поруки Ивана Александровича Ильина, незаменимого преподавателя курсов» обратился в ВЧК Совет старост Высших женских юридических курсов⁵. 28 ноября Правление Московского коммерческого института обратилось с просьбой оказать содействие в благоприятном разрешении дела Ильина, «имеющего большое значение для института», к С. Н. Аралову, занимавшему в то время крупный пост в Наркомате по военным и морским делам⁶.

19 декабря Ильин был вызван повесткой на заседание Революционного Трибунала, которое было назначено на 26 декабря, но состо-

¹ Документы ВЧК–ГПУ–НКВД // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 410.

² Любопытное совпадение: Ильин в рассматриваемое время проживал в доме, который находился в **Крестовоздвиженском** переулке, и фамилия следователя, занимавшегося его делом, была — **Воздвиженский**.

³ Заключение следователя Воздвиженского Отдела по борьбе с контр-революцией Всероссийской Чрезвычайной Комиссии при Совете Народных Комиссаров от 28 ноября 1918 г. // Иван Ильин и Россия. Неопубликованные фотографии и архивные материалы. С. 72.

⁴ Документы ВЧК–ГПУ–НКВД // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 415–416.

⁵ Там же. С. 414.

⁶ Российский архив. Вып. V. С. 532.

ялось лишь через день — 28 числа. На этом заседании он был полностью оправдан. Трибунал постановил: «признать участие гражд. Ильина в контрреволюционной организации не доказанным, объяснения его об отношении с Бари и Ланской заслуживающими доверия, а самого его для революции не опасным. Дело об Ильине в порядке постановления VI Съезда Советов об амнистии прекратить навсегда»¹.

Иной приговор был вынесен в отношении других лиц, привлекавшихся в качестве обвиняемых по указанному делу В. А. Бари, В. В. Кривошеина и К. М. Халафова. Им удалось благополучно бежать из Москвы, поэтому их дело рассматривалось в заочном порядке. Признав их «участие в организации контрреволюции в Сов. России» доказанным, Революционный трибунал приговорил: «1) гражд. В. В. Кривошеина и 2) К. М. Халафова, скрывшихся от суда и вероломно обманувших своих поручителей, — объявить врагами народа и в случае их поимки по удостоверению личности *расстрелять*. 3) Скрывающегося от суда американ. гражд. В. А. Бари объявить врагом всего трудящегося человечества, лишенным защиты Рабочее-Крестьянской власти, и в случае выдачи или поимки его по удостоверению личности *расстрелять*». К этому решению было сделано любопытное примечание, в полной мере соответствовавшее возвышенно-кровавому духу русской революции: «Расстрелять Бари должен всякий встретивший его на земном шаре гражданин, кому дорого освобождение человечества»².

Что спасло Ильина от расстрела в то время, когда расстрелы подозрительных с точки зрения большевистской власти русских людей были массовым явлением? Думается, в данной ситуации ему благоприятствовало удачное стечение целого ряда обстоятельств.

Во-первых, даже для следователей было очевидно, что обвинение в причастности Ильина к деятельности контрреволюционной организации базировалось на очень шатком основании. Именно поэтому следователь Воздвиженский высказывал мнение о том, что его подсудственного необходимо заключить в концентрационный лагерь. Такие учреждения создавались большевиками специально для лиц,

¹ Постановление Московского Революционного трибунала от 28 декабря 1918 г. // Лисица Ю. Т. Иван Ильин и Россия. Неопубликованные фотографии и архивные материалы. С. 73.

² Документы ВЧК–ГПУ–НКВД // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 423.

подозревавшихся в контрреволюционных настроениях. Председатель Революционного Трибунала, рассматривавшего дело Ильина, также признал, что серьезных оснований для предъявленного обвинения нет. Из содержания протокола заседания Трибунала от 28 декабря 1918 года складывается впечатление, что собрался он не для того, чтобы осудить Ильина, но чтобы выслушать его объяснения¹.

Во-вторых, весьма удачно выступил перед судьями защитник Ильина М. Ю. Гольдман. Он не ограничился в своей защитительной речи констатацией недоказанности факта причастности Ильина к контрреволюционной организации, но постарался убедить судей также в том, что его подзащитный не опасен для революции. Гольдман сказал, в частности, что «в течение 1918 г. И. А. Ильин осуществлял в самой широкой степени свою преподавательскую деятельность... он читал курсы лекций по философии, по логике, по истории политических учений и все те, которые бы действительно хотели знать, как думает и мыслит И. А. Ильин, имели самую широкую возможность в этом убедиться. Я уверен, что среди его многочисленных слушателей имеются коммунисты и лица, которые не за страх, а за совесть поддерживают Советскую власть. И если действительно в его деятельности замечались элементы противосоветские, то все те, кому ведать надлежит, могли иметь для этого достаточно материала»².

Однако главным фактором, обусловившим столь удачный для Ильина исход дела о его причастности к контрреволюционной организации, стало скорее всего письмо Председателю Совета народных комиссаров В. И. Ленину, направленное 24 августа 1918 года историком А. И. Яковлевым. Отец последнего — известный чувашский просветитель И. Я. Яковлев — являлся в свое время другом отца Ленина. Естественно, что Владимир Ильич и Алексей Иванович были хорошо знакомы. В упомянутом письме А. И. Яковлев сообщал Ленину: «В Московском Революционном Трибунале производится так называемое дело Бари и К°. Одним из подсудимых по этому делу яв-

¹ В начале заседания председатель трибунала А. М. Дяконов сказал буквально следующее: «Как известно товарищам заседателям, что единственное основание для обвинения И. А. Ильина было показание свидетеля Громова, который теперь отказался от своего показания, говоря, что он не помнит. Так что товарищи заседатели выслушают объяснения Ильина и решат, можно верить его словам или нет» (Документы ВЧК-ГПУ-НКВД // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 418).

² Там же. С. 419.

ляется мой товарищ, профессор по кафедре философии права Иван Александрович Ильин. В виду того, что состояние И. А. Ильина под судом по настоящему делу является, по моему убеждению, плодом какого-то недоразумения, а между тем влечет за собою весьма значительные неприятности для него, я решаюсь обратиться к Вам с настоящим письмом и довести до Вашего сведения то, что при естественном производстве дела, вероятно, Вас минует»¹. Далее Яковлев объяснял Ленину, что из аргументов, которые выдвинуты обвинением против Ильина, некоторый вес имеет только ссылка на найденную у Бари запись о выдаче Ильину 8000 руб. Однако, продолжал Яковлев, Ильину было не совсем удобно говорить следователю, что деньги эти действительно были получены им, но как личное одолжение со стороны Бари для напечатания Ильиным работы, защищенной им в минувшем мае месяце в качестве диссертации. К этому объяснению Алексей Иванович добавлял, что И. А. Ильин является «одним из самых ценных преподавателей нашей высшей школы», что «его работа о Гегеле обратила на себя всеобщее внимание»², что Ильин «человек с очень некрепким здоровьем» и заключение в тюрьму отражается на нем «очень печально»³. «К чему Советской власти, — вопрошал Яковлев, — повторяя ошибки недоброй памяти министерства Кассо и др. деятелей доброго старого времени, вести борьбу с безобидными деятелями высшей школы, погруженными в свой мирный труд, не имеющий ничего общего с политикой (Ильин сейчас занят печатанием новой большой работы) и вполне безвредный для какой бы то либо власти». Алексей Иванович заверял Ленина в том, что Ильин «никакого отношения к политике никогда не имел, ею не занимался, не собирается заниматься и может быть без всякого риска предоставлен своей участи и вычерчиванию своих геометрических кругов на зыбучем песке умозрительной философии»⁴. В заключение своего письма к Ленину Яковлев писал: «Не страшись я отнять у Вас и без того расхвтанное время, я бы стал просить у Вас полчаса-час, чтобы поговорить об Ильине, просить Вас прекратить его дело и заодно задать Вам несколько интересующих меня вопросов относительно развертывающейся те-

¹ Документы ВЧК–ГПУ–НКВД // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 401.

² Там же.

³ Там же. С. 402.

⁴ Там же.

перь исторической драмы, в которой Вы являетесь главным действующим лицом»¹.

В. И. Ленин удовлетворил просьбу А. И. Яковлева² и пригласил его к себе на разговор. В результате копия вышеприведенного письма Яковлева была еще 29 августа 1918 года передана Управляющим делами СНК В. Бонч-Бруевичем в Московский Революционный Трибунал «для приобщения к делу о Бари к сведению». Еще одна копия указанного письма поступила тогда же в Отдел высших учебных заведений Народного Комиссариата Народного Просвещения. В сентябре месяце из указанного Отдела в ВЧК поступила бумага, в которой сообщалось о письме А. И. Яковлева. При этом специально подчеркивалось, что «против Ильина, как утверждает автор письма, никаких определенных улик нет». Отдел высших учебных заведений просил ВЧК принять меры к выяснению степени виновности Ильина и в случае отсутствия таковой «прекратить производством дело Бари и К^о в части, касающейся Ильина»³.

Приобщенная к делу И. А. Ильина копия письма А. И. Яковлева к В. И. Ленину, в котором были высказаны мнения об И. А. Ильине, безусловно, повлияла на Председателя Трибунала и входивших в его состав заседателей.

Благоприятный для Ильина приговор Московского Революционного Трибунала был в значительной степени предопределен и тем, что он являлся автором фундаментального труда по философии Гегеля. Этой философией был увлечен В. И. Ленин, поэтому «гегельянство» Ильина оказывалось в глазах большевиков чуть ли не главным свидетельством его благонадежности. А. И. Яковлев, хорошо знакомый с Лениным, знал об этом. И можно не сомневаться, именно поэтому дважды упомянул в своем письме к нему о работе Ильина по философии Гегеля. Первый раз он сделал это как бы косвенно, объясняя компрометирующий Ильина факт получения им денег от контрреволюционера Бари тем, что деньги брались Ильиным не более

¹ Документы ВЧК–ГПУ–НКВД // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 402.

² Интересно, как поступил бы Ленин в данном случае, если бы знал о разгромной рецензии И. А. Ильина «Критические заметки об одной реакционной философии» на его книгу «Материализм и эмпириокритицизм», опубликованной в 1909 г. в «Русских ведомостях» (№ 222).

³ Документы ВЧК–ГПУ–НКВД // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 403.

как на напечатание им данной своей работы. А второй раз Алексей Иванович специально завел речь об этой работе Ильина, чтобы отметить, что она обратила на себя всеобщее внимание.

В свою очередь и сам Ильин, обращаясь 28 октября 1918 года в Президиум Московского Революционного Трибунала с ходатайством о возвращении своего дела к доследованию в Следственную комиссию, привлекал внимание Президиума к своей книге о Гегеле. Он писал о том, что деньги были получены им от гражданина Бари не на контрреволюционные цели, а на издание именно этой книги¹. При этом Иван Александрович заявлял, что представляет экземпляр ее в Трибунал, и подчеркивал, что она не только не имеет контрреволюционного характера, но куплена недавно «в большом количестве экземпляров В. Д. Бонч-Бруевичем для книжных магазинов Совета Рабочих Депутатов»².

Книга о Гегеле спасла Ильина от расстрела еще раз спустя год с небольшим после описанных событий. 24 февраля 1920 года он снова был подвергнут аресту³ — на этот раз по делу о так называемом «Тактическом центре», политическом объединении, созданном для координации деятельности антибольшевистских организаций в г. Москве. Однако 26 февраля, после короткого допроса, Ильина, к большой его неожиданности, освободили. В его судьбу опять вмешался Ленин, публиковавший когда-то свои работы под псевдонимом Н. Ильин («Что делать?», «Развитие капитализма в России» и др.).

О том, как вождь большевиков помог в 1920 году арестованному Ильину выйти на свободу, рассказал в своих воспоминаниях и В. Д. Бонч-Бруевич. В Управление делами Совнаркома, где он работал, поступило однажды заявление о том, что находящийся под арестом профессор Ильин болен и очень трудно переносит тюремное заключение. К этому заявлению была приложена книга Ильина

¹ В своих мемуарах издатель книги Ильина о Гегеле Г. А. Леман-Абрикосов сообщил, что до встречи с ним деньги на издание ее давал Ильину «какой-то его знакомый еврей» (ОР РГБ. Фонд 218. К. 1272. Ед. хр. 5. Л. 2). Но был ли этим «евреем» В. А. Бари? — Вот в чем вопрос!

² Документы ВЧК–ГПУ–НКВД // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 408.

³ См. ордер на производство ареста и обыска Ильина Ивана Александровича, датированный 24 февраля 1920 г., протокол обыска у гр. Ильина под той же датой и квитанцию о принятии арестованного И. А. Ильина на содержание под стражей: Документы ВЧК–ГПУ–НКВД // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 426–427.

«Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». Бонч-Бруевич немедленно доложил о деле Ильина Ленину, передав ему текст заявления, книгу и собранные справки. По словам Бонч-Бруевича, «Владимир Ильич обратил серьезное внимание на это дело, лично сейчас же звонил тов. Дзержинскому, разузнавал, в чем дело, и принял все меры к облегчению участи, а потом и к освобождению этого ученого — пленника революции. И вот эти-то книги, которые раньше ему не попадались в руки, он тщательно, с карандашом в руках штудировал». Потом Ленин говорил Бонч-Бруевичу, что хотя точка зрения Ильина «не наша», но его книги «все-таки хорошие»¹.

Вместе с Ильиным по делу о «Тактическом центре» был арестован и его друг правовед М. С. Фельдштейн. После своего освобождения Иван Александрович зашел в гости к его матери — Р. М. Гольдовской с надеждой узнать кое-что о судьбе Михаила Соломоновича. «У Гольдовских, — вспоминал он годы спустя, — мне рассказали следующее. Радек² был у Ленина, когда Ленину сообщили, что среди вновь арестованных значится проф. И. А. Ильин. Радек передавал, что узнав об этом, Ленин рассердился, немедленно позвонил в Чеку и сказал Агранову, ведущему это дело: «Вы опять арестовали профессора Ильина? Это общественный скандал! Немедленно допросите его, освободите и оставьте его впредь совсем в покое!» Выслушав этот рассказ о себе, Иван Александрович спросил в изумлении: «Что я ему? Чего это он?» На это ему отвечали, что Ленин читал его труд о Гегеле и высоко его ценит.

В своих мемуарах Ильин привел и другие, не менее удивительные, факты на сей счет. «Потом „ручные“ коммунисты (а такие были) говорили мне, что у меня есть хорошая отметка в Гепеу: меня считают „гегельянцем“. Я обычно отвечал, что это недоразумение: я *никогда* не был гегельянцем и что Маркс ничего общего с Гегелем не имеет; ...Мне отвечали: „Молчите и не возражайте! Когда мы исчезнем, тогда вы и заявите, что вы не гегельянец; а до тех — это ваша заручка“. Позднее, в эмиграции, мой друг Андрей Иванович Бунге говорил мне, что в советском журнале „Огонек“ он видел воспоминания о Ленине, составленные его учениками. Там рассказывалось, что Ленин говаривал своим ученикам: „Напишите о Марксе так, как Ильин написал о Гегеле! Почему вы не пишете так? А потому, что *не можете!*...“

¹ Огонек. 1929. № 3 (303). 20 января. С. 2.

² Радек (Карл Бернгардович Собельсон) (1893–1938), соратник Ленина, член РКП (б).

Этих воспоминаний я никогда не видал и передаю со слов Бунге. Однако это подтвердило мне, что Радек, по-видимому, не врал»¹.

О том, что Радек действительно «не врал», свидетельствуют и сохранившиеся документы. Так, в Центральном архиве ФСБ РФ находится «Талон № 356», поручающий начальнику внутренней тюрьмы немедленно освободить «из-под стражи Ильина Ивана Александровича № 451». Выдан этот талон на основании справки Агранова 26 февраля 1920 года².

Сохранился и протокол допроса Ильина, состоявшегося в указанный день во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Из текста его видно, что на вопрос о своей партийности Иван Александрович отвечал: «Всегда был и емь беспартийный». А о своих политических убеждениях сообщал следующее: **«Сочувствую всякой государственной власти, воспитывающей в народе нормальное правосознание»**³.

Осенью 1921 года все преподаватели философских дисциплин, не являвшиеся членами коммунистической партии, были уволены с факультета общественных наук⁴ Московского университета и зачислены в штат созданного при университете Философского института. Среди них был и профессор И. А. Ильин. Впоследствии он писал в своих мемуарах об этом событии: «Осенний и весенний семестры 1921–1922 были моими последними семестрами в Московском Университете. Я объявил два „семинария“ в Философском Институте: 1. „Философия Гегеля“ и 2. „О методе философии“. Семинарии были предназначены для студентов и студенток, кончающих филологический факультет по философскому отделению. Их было около 60 человек... Я знал, что им тут *все* будет странно, ново, опрокидывающе. Это были сплошь молодые, но уже закоренелые рассудочники-диалектики, воображавшие, что для философии достаточно кое-что прочесть и бойко о прочтенном рассуждать. Опыт духа, чувства, сердца — они просмотрели. Вложение в философский опыт *всего* человека казалось им неслыханной претензией; об ответственности этого делания им, по-видимому,

¹ Ильин И. А. Встречи и беседы // Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 351.

² Документы ВЧК–ГПУ–НКВД // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 428.

³ Там же. С. 427.

⁴ Так стал именоваться с 1919 г. юридический факультет Московского университета.

никто не говорил; о нравственном и религиозном смысле философствования они сначала не хотели и думать. Постепенно, однако, атмосфера устанавливалась... Ко второму семестру атмосфера была превосходная. Аудитория загорелась, и занятия давали мне большое удовлетворение»¹.

Профессор Ильин был не просто преподавателем, он был *преподавателем-проповедником*. Он передавал своим слушателям не только знания, но также чувства и мировоззрение. Он передавал им свои взгляды на общественную жизнь, свою увлеченность духовной стороной общественного бытия. Семинаристы его последних московских «семинариев» создали осенью 1922 года секцию по философии религии и на ее заседаниях продолжали изучать и обсуждать те проблемы, которые ставил перед ними на своих занятиях профессор Ильин². Все это происходило в то время, когда большевистская власть осуществляла жестокие гонения на церковь, массовые расправы с религиозными служителями.

Учебные занятия со студентами, приносившие Ильину небольшой материальный доход и дававшие ему, как он сам признавался, большое душевное удовлетворение, не могли отвлечь его от мрачных мыслей о своем будущем и о судьбе России. Сознывая прежде с полной ясностью, что большевики воцарились в России надолго, он все же носил в себе надежду, пусть и хрупкую, на то, что в русском народе найдутся силы, способные победить это зло. В течение 1918, 1919, 1920 годов — в результате перемен в ходе гражданской войны — эта надежда то оставляла его, то опять в нем появлялась. Окончательное поражение Белой Гвардии в войне с большевиками, ставшее несомненным фактом к началу 1921 года, лишило Ильина каких-либо надежд на скорое избавление России от большевиков.

В ноябре 1921 года умер Александр Иванович Ильин. «Папа ушел с большою простотою и духовной красотой, — писал Иван Александрович 24 декабря сестре отца Любови Ивановне Гуревич. — Я застал его уже без сознания, и даже руку мою он уже не пожал. Он лежал потом спокойный, величавый, сочетая тихую, ясную доброту верхней половины лица с чрезвычайною волевою силою и победительностью

¹ Ильин И. А. Встречи и беседы // Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 377.

² В 1923 г. И. А. Ильин, пребывавший в то время в Берлине, получил письмо от членов данной секции, в котором они просили Ивана Александровича дать совет, как им «вести работу, что читать; что делать дальше» (там же. С. 379–380).

в нижней половине. Когда мы уже прощались с ним — ни тени тления. А еще за три дня он на очереди подметал парадную лестницу своего дома и шутил со всеми соседями... Я не могу не выразить Вам этого: я гордился им последние годы и любовался. Я с тихой нежностью преклонился перед ним в его смерти. Какая простота, какое достоинство, почти не сознающее себя величие — в терпении, в отречении и в *прощении*. Мы положили его, как мне хотелось, в его старом дворянском мундире, только с черным воротником и с черными пуговицами. Мамино горе было бесконечно нежное и такое тихое, достойное и религиозно-послушное. Тут все — в этом событии проникнуто благородной красотой... Я ощутил в его уходе — не смерть, а „ныне отпускаешь“ — молитву, которую я тихо читал над ним во время его последних, глубоких и беспомощных, вздохов. Это была не смерть, это было освобождение созревшего духа, — „безболезненное, непостыдное, мирное“; духа — переболевшего и победившего всю свою сильную и непокорную земную страстность. Было поистине что-то больше чем человеческое в тех простых и сдержанных слезах, с которыми он говорил последние годы о полянских крестьянах¹. У меня есть старый вопрос: не умирает ли человек вообще тем безболезненнее, чем более дух его при жизни очистился и созрел для мудрого, божественного бесстрастия?»² Рассказывая далее о чувствах, охвативших его после смерти отца, Ильин признался: «Меня посетила минута малодушия; я думал с *завистью* о нем, ушедшем; жизнь стала так бесконечно страшнее и противоестественнее смерти, что смерть иногда кажется освобождающим покоем. Я *никогда* не думаю о самоубийстве и считаю его постыдным бегством; но в минуту малодушия душа иногда просит: „Отзови! Освободи!“ ... Если бы не любовь к родине, не чувство призвания и не жена моя — я бы давно разорвался от горя и отвращения...»³.

Помимо преподавания в различных учебных заведениях Москвы профессор Ильин читал в начале 20-х годов лекции по философии религии в Психологическом обществе, председателем которого он был избран в 1920 году⁴. В сороковой день с момента кончины сво-

¹ Имеются в виду крестьяне бывшего имения отца И. А. Ильина.

² *Ильин И. А.* Письмо к Л. И. Гуревич от 24 декабря 1921 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 95–96.

³ Там же. С. 97.

⁴ После смерти прежнего председателя философа и психолога Л. М. Лопатина (1855–1920).

его отца Иван Александрович выступал на заседании этого общества с докладом на тему: «Религиозный смысл искренности». Среди слушателей присутствовала и его мать Екатерина Юльевна. «Вечер был очень хороший: напряженное, сосредоточенное настроение большой аудитории, на три четверти из молодежи, истовые, вдумчивые прения, почти ни одной фальшивой ноты»¹, — писал Иван Александрович в письме к Л. И. Гуревич.

Впоследствии материал указанного доклада составит 19-ю главу его книги «Аксиомы религиозного опыта». Эта глава так и будет называться «О религиозной искренности». Ильин придавал данному явлению особое значение. «Без религиозной искренности, — говорил он в лекции, — все общение людей становится призрачным недоразумением, явлением пошлости, греха и обмана. *Без нее нет нравственной силы, нет дружбы, нет брака, заключенного в небесах, нет семьи, нет школы, нет академии; нет государственно-патриотического единения людей; нет ни совместной молитвы, ни церкви.* Все становится иллюзией, самообманом и обманом. Все рассыпается в прах»².

В письме к Л. И. Гуревич, написанном после выступления с докладом «Религиозный смысл искренности», Иван Александрович следующим образом объяснял свое обращение к этой теме: «Кризис наш — не только наш; это *мировой* кризис религиозности. Живое, жизне-строительное отношение к божественному заглохло, замерло в народах. Это кризис христианства (не учения Христа, а того, что из него сделали два тысячелетия). Я пытаюсь восстановить глубокую, цельную, *кристаллическую* и в то же время *страстную* природу религии; показываю, что религия — не обряд, не догма, не конфессия, а цельно-искренняя и духовно-страстная преданность (любовь-на-смерть) тем божественным лучам, которыми пронизан мир и пребывание в которых только и может открыть человеку подлинное бытие Божие. Это не реформа „понятия“ религии; а первый камень новой религиозной реформации; не той реформации, которая позволяет самим „читать Библию“, но той, которая зовет к дерзающему и радостному новому Богу-увидению. Наши дни ставят человека на распутьи: или в бесстыдную пошлую жадность через ложь и насилие; или к новому Бого-узрению, через очищение, тоску по божествен-

¹ Ильин И. А. Письмо к Л. И. Гуревич от 24 декабря 1921 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 98.

² Ильин И. А. Собрание сочинений: Аксиомы религиозного опыта. Том 2. М., 2003. С. 109.

ному и любовь. Период лицемерного христианства, гуманных слов и жадных дел, приличной лжи и нецельной религиозности — идет к концу. Я вижу на небе далекую зарю религиозного обновления, мечтаю о нем и всеми силами пытаюсь начать навстречу ей „вразрез Его нивы“»¹.

Г. А. Леман-Абрикосов, слушавший доклад Ильина «Религиозный смысл искренности», писал позднее в своих мемуарах: «Особенно яркое воспоминание осталось у меня от его выступления в большой аудитории Психологического Института во дворе так называемого нового университета. Он выступал все с тем же материалом, какой я уже слышал от него на его семинарах. Интересна была сама манера его выступлений. Она была в какой-то степени театральна, но отнюдь не в том смысле, чтобы он «рисовался». Нет, в глубочайшей искренности, даже непосредственности Ильина я твердо убежден. Но таков был самый, так сказать, стиль его личности. Высокого роста, очень худой, какой-то изможденный, похожий на блондинистого Мефистофеля, кажется, он страдал туберкулезом, он гордо и как бы свысока оглядывал аудиторию, затем вынимал из портфеля маленький, легко умещавшийся в портфеле, совсем простой работы, пультак, ставил его перед собой, клал на него рукопись и начинал читать; всегда читал, а не говорил; как-то сказал мне, что он что-нибудь пишет только, когда у него в голове все до последнего слова готово; положить на бумагу — было уже делом чисто механическим»².

§ 5. Речь И. А. Ильина «Основные задачи правоповедения в России (весна 1922 г.)

В 1921 году профессор Ильин стал членом правления Московского Юридического общества. В 1917 году оно фактически прекратило свою деятельность. На первом после пятилетнего перерыва заседании этой организации, состоявшемся весной 1922 года, И. А. Ильин произнес речь «Основные задачи правоповедения в России»³. Мысли,

¹ Ильин И. А. Письмо к Л. И. Гуревич от 24 декабря 1921 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 98.

² ОР РГБ. Фонд 218. К. 1272. Ед. хр. 5. Л. 6.

³ В том же году текст этой речи был опубликован в журнале «Русская мысль», выходившем в Праге и Париже под редакцией П. Б. Струве. См.: Ильин И. А. Основ-

которые были высказаны в ней, и сейчас — спустя восемьдесят лет — в высшей степени современны.

В самом начале своего выступления в Юридическом обществе Ильин заявил, что силою вещей ему приходится принять на себя «бремя почти непосильное — формулировать здесь те общие задачи, которые воздвигнуты историческими событиями перед русским правоведением»¹. Это бремя, говорил он далее, должны поднять именно те русские правоведы, которые переживали выпавшую на долю России историческую трагедию в самой России — те, кто стоял в самом смерче и, изнемогая от скорби и стыда, созерцал это беспрецедентное бедствие, кто все видел, все перенес, все изболел и осмыслил, кто приобрел «тот *духовный опыт*, который будет потом светить нашим потомкам в поколениях»², кто видел «и старое со всеми его недугами и во всей его государственной силе, и безмерное испытание войны, и упадок инстинкта национального самосохранения, и неистовство аграрного и имущественного передела, и деспотию интернационалистов, и трехлетнюю гражданскую войну, и психоз жадности, и безволие лени, и хозяйственную опустошительность коммунизма, и разрушение национальной школы, и террор, и голод, и людоедство, и смерть...»³.

Конечно, отмечал Ильин, опыт, приобретенный русскими правоведами, не только правовой и политической — он одновременно и нравственный, и религиозный, исторический и духовный вообще, «но прежде всего это есть новый опыт *в праве и в государстве*»⁴. По его мнению, основная задача русского национального правоведения, и призвание его, и обязанность заключается в том, чтобы осмыслить этот опыт. «Мы должны понять, и запомнить, и научить наших детей: этот опыт и эта мудрость куплены ценою великих национальных страданий; это одно из драгоценнейших достояний русской духовной культуры, добытое мукой и гибелью; а понести его, и соблюсти, и раскрыть должна *русская юридическая наука*»⁵, — писал он.

ные задачи правоведения в России // Русская мысль. Прага, 1922. Кн. VIII–XII. С. 162–188.

¹ Ильин И. А. Основные задачи правоведения в России // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9–10. С. 201.

² Там же. С. 202.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Для решения этой основной задачи Ильин считал необходимым, чтобы каждый русский правовед, живший в России «в эпоху величайшего правового и государственного разложения», попытался установить «*органически-причинную*» и в то же время «*духовно-символическую*» связь между своим собственным правосознанием и всем тем, что произошло в России. «Эти события, — пояснял он, — с такою свирепою силою катились через наши души, что каждый из нас не только может найти *их в себе*, но должен, обязан *найти себя в них*»¹. По его словам, «политическое событие есть всегда объективировавшийся сгусток множества *личных* душевных состояний и напряжений; ритм исторического процесса вырастает всегда из множества *индивидуально-духовных*, хотя и взаимодействующих, ритмов. Из действия миллиона *здоровых* правосознаний *не* возникнет общественно больное явление; а миллион *разлагающихся правосознаний* в их взаимодействии и сотрудничестве что даст кроме государственной гибели? И потому каждый русский человек обязан найти в *своем правосознании символ* национально-государственного распада, именуемого *революцией*, а в революции — химерически увеличенный образ своего правосознания»².

Ильин подчеркивал, что причина кризиса, вылившегося в русскую революцию, носит духовный характер, она таится в свойствах русского правосознания — общего, публичного и частного. «Задача русской интеллигенции — понять это и познать дефекты и недуги своего и общенационального правосознания, — писал он. — *Задача русского правоведения — прийти в этом на помощь интеллигенции и всему народу*: юристы должны осуществить это самопознание прежде всех и глубже всех и повести по этому пути за собой интеллигенцию и народ. Это и будет основой государственного обновления»³.

В качестве дальнейших задач, выполнение которых должна взять на себя «русская интеллигенция во главе с русскими юристами», Ильин называл «историко-объяснительную», «философско-научную» и «жизненно-государственную».

«Историко-объяснительная» задача состоит, считал он, «в том, чтобы усмотреть *историческую необходимость революции*, ее корен-

¹ Ильин И. А. Основные задачи правоведения в России // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9–10. С. 203.

² Там же. С. 204.

³ Там же.

ные причины в прошлом»¹. По его мнению, русскую революцию не следует воспринимать в качестве некоей, никем не подготовленной и непредвиденной катастрофы — в виде события, выдуманного и организованного группой крайних коммунистов. «Нет, причина прежде всего — в стихии, а потом только и между прочим — в ее проводнике и разрядителе»². Чтобы понять революционные события, недостаточно определить особенности климата и почвы в России или констатировать ее хозяйственную и техническую отсталость. Необходимо «*вскрыть те духовные основы* (чувствования, верования, навыки, склонности, слабости, воззрения, способы действия), *которые слагались и вынашивались в течение ряда веков в России, передаваясь из поколения в поколение, и которые сделали возможным великое разложение*»³. Они питали собою дефекты дореволюционного строя и, в свою очередь, поддерживались и закреплялись им. Он был до известной степени комбинацией этих духовных основ, их оформлением, не преодолевшим их отрицанием. Революция развязала отрицательные силы, узаконила их и сама стала их новой комбинацией. Она есть «*порождение русского национального правосознания в его крайних вывихах и в его средней низине*»⁴. «Как бы неожиданна, как бы резка ни была смена лиц у кормила и смена направлений по компасу, — историческое разумение не может и не должно ослепляться этой видимостью; совершилось только то, что могло совершиться и не могло не совершиться, и притом потому, что скрыто, потенциально уже имелось налицо; неожиданность крушения свидетельствует только о подслеповатости не ожидавших, но не разрешает им пребывать в наивности бессмысленного удивления»⁵.

Далее Ильин указывал на те «недуги и дефекты русского национального правосознания», которые, веками слагаясь и зрея, привели русское общество к катастрофе. В их числе он называл прежде всего «слабое, поврежденное чувство собственного духовного достоинства» в русском человеке, отсутствие в нем способности «к внутренней духовно-волевой самодисциплине и к внешнему общественно-политическому самоуправлению». Автономное правосознание —

¹ Ильин И. А. Основные задачи правопведения в России // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9–10. С. 205.

² Там же. С. 206.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 207.

в вопросах имущества, обязательства, чести, долга, лояльности, служения — или совсем не жило в душе русского человека, полагал Ильин, или пульсировало слабо и неверно; «в нем не выросли и в него не вросли те *внутренние грани государственного разума и правовой мотивации*, без которых свобода есть разнузданность, власть — доходное место, государство — общественный пирог, а выборы — подкуп слабого обманщиком»¹. Поэтому государство, делал вывод Ильин, строилось в России «не по типу корпорации, а по типу *учреждения* и тем закреплялись гетерономные мотивы русского правосознания и не воспитывались автономные».

На почве такого «исконно дефективного» правосознания сложилась, по мнению Ильина, слабость «*национально-государственной скрепы*» — недоценка взаимного уважения и взаимного доверия гражданина к гражданину, класса к классу, граждан к власти и власти к гражданам. Вместо этого: «господство *системы взаимного подозрения*, исключения, враждования, презрения — системы, насыщающей историческую атмосферу *скрытою гражданскою войною*. Индивид является органически не-вросшим в ткань родной страны до отождествления с нею; напротив, он тяготеет к *атомизации*, к *распылению*, к уходу в ложную, мнимую самобытность обреченного на беспомощность существа. Столетиями власть *держала в покорности* индивидуумов, и классы, и инородческие окраины, но *не врачивала* их в государственную ткань на основе *свободно ощущенной и благодарно принятой солидарности*... Бремя государственности было исторически велико и сурово, а духовным противовесом служила *не духовная энергия здорового и патриотического правосознания*, а санкционированная религиею *пассивная терпеливость темного и покорного создания*»². В этих условиях верхние слои русского общества «длительно и традиционно злоупотребляли своим преобладанием, *обоснованным* их культурностью, но *не обоснованным* или недостаточно оправдывавшимся их *волеуправлением* и их социально-политическим *образом действий*»³. Тем самым «в русском национальном правосознании подрывалось здоровое, общественно необходимое, государственно обоснованное и духовно освященное чувство *социального неравенства*, функционального *ранга*, публично-правового во-главе-стояния»⁴. В связи с этим

¹ Ильин И. А. Основные задачи правоповедения в России // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9–10. С. 209.

² Там же. С. 210.

³ Там же. С. 211.

⁴ Там же.

«необходимая привилегированность высшего служения и духовной культурности дискредитировалась и превращалась в *непредметную*, а потому несправедливую привилегию. Необходимое, полное практической серьезности, *государственное принуждение* дискредитировалось и превращалось в *насилие класса над классом*. Это вскармливало *завистливую химеру равенства снизу и покаянную химеру равенства сверху*»¹.

В качестве другого серьезного недуга русского исторического правосознания Ильин выделял «*больное восприятие собственности и хозяйственного процесса*», проявлявшееся наиболее ярко в неверии в «труды праведные», в склонности считать более доходным «*напор не на природу, а на имущество соседа*». По словам Ильина, русское простонародное правосознание «ценит в собственности не воплощение своих предков и себя, не творчество, не качество, не *fidem*² и не *justum titulum*³, но количество, объем, власть, почет и возможность разнудания своих страстей; и потому оно почти всегда готово отдать и *fides*, и *titulus*, и правовую крепость, и даже *tempus*⁴, за *nudum corpus*⁵ захваченного блага. «Что взято — то свято», жизнь коротка, «умрешь — с собой ничего не возьмешь», а богатство само купит себе и правовой титул и спасение души — и вот *detentio*⁶ ценится в народном сознании выше *proprietas*⁷, ненасытный *animus*⁸ пренебрегает этико-правовую форму имущества и *furtum*⁹ почти приравнивается к *acquisitio naturalis*»¹⁰.

¹ Ильин И. А. Основные задачи правоведения в России // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9–10. С. 211.

² Доверие.

³ Правовой титул, дающий юридическое основание для обладания тем или иным имуществом.

⁴ Срок (в данном случае термин *tempus* употребляется в смысле условия для приобретения права собственности на имущество).

⁵ Досл.: голое тело (в данном случае словосочетание *nudum corpus* обозначает вещь, лишенную правового титула, которую невозможно защищать юридическими средствами).

⁶ Держание (фактическое обладание вещью).

⁷ Права собственности.

⁸ Намерение владеть вещью, отношение к той или иной вещи как к своей — субъективный, волевой элемент в институте владения по праву Древнего Рима.

⁹ Кража.

¹⁰ Досл.: естественное приобретение (в данном случае словосочетание *acquisitio naturalis* означает приобретение вещи посредством простого захвата, без получения надлежащего правового титула).

Для объяснения причин разрушительной русской революции историку-правоведу придется, считал Ильин, исследовать «историю русской национально-духовной культуры». По его словам, в этом исследовании историк права увидит, что «в России *еще не изжит частно-правовой подход к государству, а публично-правовой еще не воспитан*; что *размеры национально-государственной задачи* — и по объему, и по сложности, и по глубине — *были не по плечу исторически отсталому и шаткому русскому правосознанию*; что эти задачи требуют от персонального субстрата России той высокой, *солидаристически-корпоративной и патриотически-сознательной* спайки, которая не присуща массам, выросшим под опекою деспотического учреждения, что дореволюционный государственный строй своими традиционными заблуждениями и ошибками *сам породил и вскормил* своего антипода во всей его буреломно-отрицательной силе»¹. И многое другое, надеялся Ильин, осмыслится и объяснится в исследовании русскими правоведами истории русской «национально-духовной культуры»: и шаткость русского патриотизма, с его способностью «предать дело публичного спасения за частный прибыль; ...и русские идеологические заблуждения XIX в.; ...и политическая безвольная немощь русского либерализма; и политическое бессилие православной церкви за последние двести лет; ...и неудачи русской политики в национальном вопросе; и возникновение идеи «внутреннего врага»... Но главное — тогда только обнаружатся, познаются и утвердятся те *здоровые* и глубокие *основы русского правосознания*, на которых вопреки всему выросло *государственное и духовное величие нашей родины* в ее недоосознанной еще другими народами самобытности, мудрости и славе»².

В качестве главной философско-научной задачи русского правоведения Ильин выдвигал поиск и изучение **нормального правосознания**. С его точки зрения, «нормальное правосознание — это то, которое соответствует *норме*, которое в своей основе, в своем строении, в мотивации и в силе — *верно*»³. Проблема нормального правосознания является проблемой древней, как мир. Две основных характеристики его достаточно ясно выражаются в наставлениях Библии, Конфуция, «Законов Ману» и других подобных древних кни-

¹ Ильин И. А. Основные задачи правоведения в России // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9–10. С. 214.

² Там же. С. 214–215.

³ Там же. С. 216.

гах. Во-первых, это убеждение в том, что нормальное правосознание есть *«здоровое, сильное и творчески-зигдущее правосознание»* и, во-вторых, что корни нормального правосознания *«связаны с нравственной добродетелью и с религиозностью»*¹.

«Нормальность правосознания, — утверждал Ильин, — есть *главная основа государственной организации и огражденной ею духовной культуры»*². *«Строить право — не значит придумывать новые законы и подавлять беспорядки; но значит воспитывать верное и все углубляющее и крепнущее правосознание.*

Строить государство — не значит завоевывать территории и ради этого изнурять платежеспособность населения; но это не значит и вливать политически незрелую массу в правительство, предоставляя ей удостовериться в своей политической немощи путем погубления духовной культуры и персонального субстрата страны.

Но это значит *воспитывать в народе государственный образ мыслей, государственное настроение чувства, государственное направление воли»*³.

В связи с этим настоящей целью права и государства И. А. Ильин объявлял устройство и ограждение *«национального и тем самым именно через это осуществляющегося общечеловеческого духовного расцвета»*. *«Расцвет национальной духовной культуры и ее коллективного субъекта как такового, — продолжал свою мысль Ильин, — есть расцвет родины.* Так что законы и государство образуют положительно-правовую форму родины; а родина — т. е. национальная духовная культура и ее живой и природный субстрат, составляет *содержание и цель государства и права.*

Субъект права, который *не любит* свою родину, не будет блюсти и не может блюсти ее интереса; ему не по пути с его собственным государством; начав постепенно действовать, он его тотчас *предаст* и быстро *погубит»*⁴. Отсюда следующий вывод Ильина: *«приятие родины, права, государства и власти лично любовью, уважением, доверием, волею и мыслью — составляет самую основную сущность нормального правосознания и государственного национально-духовного рас-*

¹ Ильин И. А. Основные задачи правоведения в России // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9–10. С. 218.

² Там же. С. 219.

³ Там же. С. 221.

⁴ Там же. С. 223.

цвета. *Заставить* любить и желать *нельзя*; но *воспитывать* волю, но *взрачивать* любовь, но *образовывать* мысль можно и должно»¹.

В заключение своей речи «Основные задачи правоведения в России» И. А. Ильин говорил о том, что «юридическая наука должна строиться не просто как наука о „праве“, но как наука о „праве в нормальном правосознании“: ибо мало думать о праве, надо его испытывать и видеть»². Иначе говоря, он призывал поставить юриспруденцию на прочное основание настоящего правового опыта. Глубокий дефект современной юриспруденции, не только русской, но и вообще мировой, Ильин видел в том, что она «не сознает своей опытной природы и не сознает природы своего опыта; и потому она — или наблюдает и описывает внешние явления (поверхностные отражения правовых событий), или размышляет одним умом над отвлеченными различениями, комбинируя их то ради классификации, то ради профессионального злоупотребления»³.

России необходимо, — заканчивал свою речь Ильин, — «поколение прозревших и перевоспитавших себя правоведов, которые сумели бы начертать и осуществить систему верного социального воспитания — воспитания в массе нормального субъекта права. Это поколение не будет уже беспочвенно мечтать о химерической утопии и подетски требовать немедленного осуществления любимой химеры. Оно сумеет *предохранить* свою родину от *повторения* злосчастных ошибок прошлого — и в то же время оно сумеет *усвоить* верную мудрость старого.

Россия нуждается в том, чтобы ее правоведы и вожди постоянно воспитывали в самих себе *художников естественной правоты*»⁴.

§ 6. Высылка из России

4 сентября 1922 года И. А. Ильин был вновь арестован⁵. Но этот арест отличался от всех предыдущих. Весной указанного года большевистские власти начали готовить широкомасштабную акцию по

¹ Ильин И. А. Основные задачи правоведения в России // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9–10. С. 224.

² Там же. С. 227.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 229–230.

⁵ Ордер на этот арест был выдан ГПУ НКВД более чем за две недели до этого — 16 августа (см.: Документы ВЧК–ГРУ–НКВД // Ильин И. А. Собрание сочинений:

высылке из России за границу тех представителей интеллигенции, которых считали потенциальными противниками своему политическому курсу. 19 мая 1922 года В. И. Ленин обратился к Ф. Э. Дзержинскому со следующим письмом: «Т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим. Прошу обсудить такие меры подготовки. Собрать совещание Мессинга, Манцева¹ и еще кое-кого в Москве. Обязать членов Политбюро уделять 2–3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, проверяя исполнение, требуя письменных отзывов и добываясь присылки в Москву без проволочки всех некоммунистических изданий. Добавить отзывы ряда литераторов-коммунистов (Стеклова, Ольминского, Скворцова, Бухарина и т.д.). Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей. Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ. Мои отзывы о питерских двух изданиях: «Новая Россия», № 2 закрыта питерскими товарищами. Не рано ли закрыта? Надо разослать ее членам Политбюро и обсудить внимательнее. Кто такой ее редактор Лежнев? Из «Дня»? Нельзя ли о нем собрать сведения? Конечно, не все сотрудники этого журнала кандидаты на высылку за границу. Вот другое дело питерский журнал «Экономист», изд. XI отдела Русского технического общества. Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 (только третьем!!! это *nota bene!*) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все – законнейшие кандидаты на высылку за границу. Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу. Прошу показать это секретно, не размножая, членам Политбюро, с возвратом

Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 429). Однако сотрудник оперативного отдела ГПУ, на которого было возложено производство ареста, не застал Ильина в его московской обители – в квартире, находившейся в одном из домов Крестовоздвиженского переулка. Иван Александрович пребывал летом 1922 г. в деревне Большие Поляны или в имении художника М. В. Нестерова (1862–1942), который писал его портрет (см. сообщение Ильина о поездке к Нестерovu: *Ильин И. А. Встречи и беседы // Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 359).*

¹ С. А. Мессинг и В. Н. Манцев – члены коллегии Государственного политического управления при НКВД РСФСР.

Вам и мне, и сообщить мне их отзывы и Ваше заключение»¹. Третья сессия ВЦИК, проходившая 12–26 мая 1922 года, утвердила Уголовный кодекс, в котором в числе наказаний и других мер социальной защиты предусматривалось «изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно»². Статья 70 данного кодекса устанавливала: «Пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии, указанной в ст. 57, карается изгнанием из пределов РСФСР или лишением свободы на срок не ниже трех лет». В соответствии же со статьей 71 самовольное возвращение в пределы РСФСР после такого изгнания каралось высшей мерой наказания³.

Вскоре после этого в Государственном политическом управлении стали составляться списки кандидатов на высылку за границу. Профессор Ильин оказался в списке «активной антисоветской интеллигенции» Москвы среди профессоров разных учебных заведений, подлежащих высылке «за границу или в определенные пункты Р.С.Ф.С.Р»⁴. В «Характеристике высылаемых лиц», которая прилагалась к этому списку, об Ильине говорилось: «Настроен определенно антисоветски. Весною сего года посещал нелегальные собрания на квартире профессора Авинова, где читались рефераты и доклады контр-революционного характера». К этим словам добавлялась резолюция — «арестовать, выслать за границу. Главпрофобр за высылку»⁵.

10 августа 1922 года список «активной антисоветской интеллигенции» был утвержден на заседании Политбюро Центрального комитета Российской коммунистической партии.

В Центральном архиве ФСБ сохранился протокол допроса арестованного Ильина, произведенного в указанный день помощником начальника IV отделения Секретного отдела ГПУ Бахвало-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Том 54. С. 266.

² Собрание узаконений и распоряжений Рабочее-крестьянского правительства, издаваемое народным комиссаром юстиции. 1 июня 1922 г. Отдел первый. М., 1922. С. 205.

³ Там же. С. 211.

⁴ См.: Документы из Секретного архива ЦК ВКП (б) // Ильин И. А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). С. 484. В конце данного списка, оригинал которого хранится ныне в архиве РЦХИДНИ, стоят подписи «Д. Каменева», «Д. Курского» и «Уншлихта», а также дата — «31/VII-22 года».

⁵ Документы из Секретного архива ЦК ВКП (б). С. 488.

вым¹. Иван Александрович отвечал на задававшиеся ему вопросы довольно откровенно. «Скажите, гр-н Ильин, ваши взгляды на структуру советской власти и на систему пролетарского государства», — спрашивал Бахвалов. «*Считаю советскую власть, — отвечал Ильин, — исторически неизбежным оформлением великого общественно-духовного недуга, назревавшего в России в течение нескольких сот лет*»². «Ваши взгляды на задачи интеллигенции и так называемой общественности», — задавал новый вопрос Бахвалов. «*Задача интеллигенции — воспитать в себе новое мировоззрение и правосознание и научить ему других; задача старой русской общественности — понять свою несостоятельность и начать быть по-новому*»³, — говорил Ильин в ответ. «Ваши взгляды на политические партии вообще и на РКП, в частности», — продолжал спрашивать Ильина Бахвалов. И Ильин отвечал ему: «*Политическая партия строит государство только тогда и только постольку, поскольку она искренно служит сверхклассовой солидарности; я глубоко убежден в том, что РКП, пренебрегая этим началом, вредит себе, своему делу, своей власти и России*»⁴.

По окончании допроса Ильин дал подписку в том, что принимает на себя обязанность никуда не выезжать из Москвы без разрешения IV отделения ГПУ и что обязуется явиться в стены данного учреждения 5 сентября не позднее 12 часов. После этого он был отпущен домой.

Когда на следующий день Ильин явился в ГПУ, ему было предъявлено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого в том, что «он с момента октябрьского переворота и до настоящего времени не только не примирился с существующей в России Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в момент внешних затруднений для РСФСР свою контрреволюционную деятельность усиливал»⁵. Ильин был заключен под стражу, и с него взяли подписку в том, что он обязуется: «1. Выехать за границу согласно Коллегии ГПУ за свой счет, 2. В течение 7 дней после освобождения ликвидировать все

¹ См.: *Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938)*. С. 432–434.

² Там же. С. 433.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Там же. С. 435.

свои личные и служебные дела и получить необходимые для выезда за границу документы». По истечении семи дней Ильин должен был явиться в Секретный отдел IV отделения ГПУ. Подписка заканчивалась следующими словами: «Мне объявлено, что неявка в указанный срок будет рассматриваться как побег из-под стражи со всеми вытекающими последствиями, в чем и подписуюсь»¹. Наряду с этим Ильин дал подписку и в том, что обязуется «не возвращаться на территорию РСФСР без разрешения органов Советской власти» и что статья 71-я Уголовного кодекса РСФСР, «карающая за самовольное возвращение в пределы РСФСР высшей мерой наказания», ему объявлена².

11 сентября Иван Александрович был освобожден «для устройства личных и служебных дел на 7 дней с обязательством по истечении указанного срока явиться в ГПУ и немедленно выехать за границу»³.

26 сентября 1922 года И. А. Ильин взшел вместе со своей супругой Н. Н. Вокач-Ильиной на пароход «*Oberbürgermeister Haker*», отправлявшийся из Петроградского порта в германский город Штеттин.

За день до этого он, отъезжая из Москвы в Петроград, простился со своей матерью. Студенты, провожавшие любимого профессора, рассказывали впоследствии о трогательной сцене этого прощания — на вокзальном перроне стояли «высокий-высокий Ильин и маленькая Екатерина Юльевна, вся в слезах, осеняющие друг друга крестным знамением»⁴. Мать и сын хорошо понимали, что больше они в этой жизни друг с другом не увидятся... Так и случилось на самом деле. Редкие письма, без подписи, без имен, переправляемые через границу с помощью нарочных, стали с тех пор для них единственным способом общения друг с другом⁵.

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 435.

² Там же. С. 434.

³ Там же. С. 436.

⁴ Цит. по: Иван Ильин и Россия. Документы из Секретного архива ЦК ВКП (б). С. 55.

⁵ Екатерина Юльевна проживет после высылки сына за границу двадцать лет. Она умрет 13 июня 1942 г.

ГЛАВА ПЯТАЯ

И. А. ИЛЬИН В ГЕРМАНИИ

§ 1. Русские эмигранты в Берлине. Второй съезд русских юристов

1 октября 1922 года супруги Ильины прибыли в Берлин¹. К этому времени здесь уже обосновалась целая группа эмигрантов из России. Как ни странно, именно Берлин стал политическим и культурным центром русской эмиграции в 20-е годы XX века. В этом городе — в столице страны, которая выступала главным противником России в только что окончившейся мировой войне, — обосновались многие видные русские писатели², философы³, историки⁴, генералы и офицеры.

Большая часть выходцев из России поселилась в западном районе Берлина, называвшемся Шарлоттенбург. «Говорят, в Шарлоттенбурге из 300 тысяч русских, живущих в Берлине, находятся 200 тысяч, — писал в своем дневнике представитель барона Врангеля в Германии генерал-майор А. А. Лампе⁵. — Если это так, то

¹ Из содержания заметок «Наши местонахождения и путешествия», которые Ильин вел во время своего пребывания за границей, видно, что до 10 декабря 1922 г. супруги Ильины проживали в пансионе «Хольц-Штрелоу» на Baugreuther str., 12 (см.: *Ильин И. А. Собрание сочинений: Мир перед пропастью. Часть III: Аналитические записки и публицистика (1928–1941)*. М., 2001. С. 514).

² А. Белый, Б. Зайцев, В. Набоков, Н. Петровская, А. Ремизов, Вл. Ходасевич и др.

³ В 1922–1924 гг. в Берлине жили такие известные русские философы, как Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, Л. П. Карсавин, в 1922–1937 гг. здесь работал С. Л. Франк и др.

⁴ С. П. Мельгунов, В. А. Мякотин, Б. И. Николаевский.

⁵ Алексей Александрович Лампе (1885–1967) — с конца 1922 г. русский военный представитель в Германии, руководитель берлинского отдела Российского общевойскового союза.

три четверти из них — жида¹. Русская речь слышна всюду, и немудрено, что немцы раздражаются и завидуют русским предприятиям, порой закрывая их. В Берлине одних русских ресторанов 35, сортов водочных заводов 3, книжных издательств и магазинов масса... можно продолжать дело губернатора Берлина Суворова»². В одном только Шарлоттенбурге было 20 русских книжных магазинов, несколько десятков издательств³, 6 банков, основанных беженцами из России. Не случайно, русские эмигранты называли этот район Берлина Петербургом или на свой манер Шарлоттенградом. Здесь можно было жить вообще не зная немецкого языка. Писатель Владимир Набоков признавался в своих мемуарах: «За пятнадцать лет жизни в Германии я не познакомился близко ни с одним немцем, не прочел ни одной немецкой газеты или книги, и никогда не почувствовал ни малейшего неудобства от незнания немецкого языка»⁴.

Тем не менее, для большинства русских эмигрантов Германия оказалась временным пристанищем. Пожив здесь год-два, они перебирались в другие страны — Францию⁵, Чехословакию, Латвию⁶,

¹ В этих словах нет большого преувеличения — евреев-беженцев из России было в Берлине и в самом деле довольно много. В 1920 г. здесь был создан даже «Союз русских евреев в Германии» (председатель — Я. Л. Тейтель). Он просуществовал приблизительно до 1932 г. Его главной задачей было оказание помощи еврейским беженцам из России и других стран, оказавшимся на территории Германии. См. документы этой общественной организации в ГАРФ. Фонд Р-5774. Оп. 2.

² ГАРФ. Фонд Р-5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 24. Дневник А. А. Лампе охватывает годы с 1919-го по 1943-й г.

³ Точное число русских издательств в Берлине назвать невозможно, поскольку они то открывались, то закрывались. По некоторым данным, их было в столице Германии в первой половине 20-х гг. XX в. от 30 до 87. См.: *Старцев А. В.* «Русский Берлин» в 1921–1923 гг. // Культурная миссия российского зарубежья: История и современность. М., 1999. С. 79.

⁴ *Набоков В. В.* Собрание сочинений в четырех томах. М., 1990. Том 4. С. 284.

⁵ В Париж переселились из Берлина в середине 20-х гг. философы Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, в 1930 г. уехал во Францию Л. П. Карсавин, в 1937 г. туда перебрался из фашистской Германии С. Л. Франк. Из правоведов-эмигрантов, работавших в Германии, во Франции обосновались во второй половине 20-х гг. Г. Д. Гурвич, М. А. Таубе. В 1936 г. переселился во Францию из Германии И. В. Гессен.

⁶ В Латвию перебрался, например, А. И. Каминка.

Литву¹, Швейцарию². Кое-кто возвращался обратно в Россию, как, например, писатель А. Н. Толстой или правовед Ю. В. Ключников. К 1925 году численность русских эмигрантов в Берлине сократилась в несколько раз. А вместе с этим стали рушиться русские издательства, периодические издания, театры и другие культурные центры, созданные в Германии эмигрантами из России. Экономический кризис, сопровождавшийся распадом финансовой системы страны, быстрым обесцениванием денег, сделал жизнь русских эмигрантов в Германии слишком тяжелой³. Русские все чаще стали ощущать, что Германия для них совершенно чужая и чуждая страна.

Среди эмигрантов из России, поселившихся в Берлине, было немало и правоведов. Здесь жили и работали в 20–30-е годы Н. Н. Алексеев, Б. Л. Гершун, И. В. Гессен, Г. Д. Гурвич, С. К. Гогель, А. И. Каминка, М. А. Таубе, Я. Л. Тейтель, Н. Н. Чебышев, А. С. Яценко, Н. С. Тимашев и др.

В 1920 году эмигрировавшие из России адвокаты создали в Берлине «Союз русской присяжной адвокатуры в Германии»⁴. Первым председателем правления «Союза» был избран И. М. Рабинович. С 1921 года эту должность стал занимать Б. Л. Гершун. В начале 1922 года указанный «Союз» выступил с инициативой проведения Съезда русских юристов и образовал для его подготовки специальную комиссию. Заседания съезда, который был назван его участниками

¹ В Литву переехал в конце концов (уже из Парижа) философ Л. П. Карсавин. Осенью 1924 г. переселился в Каунас А. С. Яценко. Он занял должность заведующего кафедрой международного права юридического факультета Каунасского университета.

² В Швейцарии оказался в конце концов философ и правовед Н. Н. Алексеев, работавший в 20–30-е гг. одновременно и в Берлине и в Праге.

³ «Жизнь здесь многотрудная всячески. Во-первых, снег... Во-вторых, канкан цен. Сегодня 100, завтра 200, а через неделю оно уже 1 000... Конечно, заработок не поспевает за танцем... В-третьих, люди... Все политики, нетерпимые к тому же», — писала зимой 1923 г. в письме к своей подруге сотрудница берлинской газеты «Накануне» литератор Н. И. Петровская. В июле того же года Петровская жаловалась: «Жизнь здесь за два последних месяца совсем обезумела. Стали уже нужны, как в России «лимоны» (т.е. миллионы. — В. Т.). Работать в Берлине совсем невозможно» (Жизнь и смерть Нины Петровской // Минувшее. Исторический альманах. М., 1992. № 8. С. 48).

⁴ См. документы этой организации: ГАРФ. Фонд Р-5890. Оп. 1.

«Вторым съездом русских юристов»¹, открылись в Берлине в тот самый день, когда И. А. Ильин прибыл в этот город, то есть 1 октября 1922 года. Работал съезд четыре дня.

Среди вопросов, обсуждавшихся на его заседаниях, главным стала проблема правового статуса русских эмигрантов. Обсуждению ее было посвящено наибольшее количество выступлений². В соответствии с нормами международного права к эмигрантам, не ставшим гражданами той страны, на территории которой они поселились, могло в целом ряде случаев применяться право того государства, к которому они принадлежали. Однако в ситуации с эмигрантами из России возникала проблема: какое право должно было применяться к ним на территории иностранных государств — то, которое действовало в России до захвата власти большевиками, или же то, которое стало создаваться после этого события? О том, к какому выводу пришли участники Второго съезда русских юристов в результате обсуждения указанной проблемы, писал 11 октября 1922 года в берлинской русской газете «Руль» правовец Н. С. Тимашев: «На этот вопрос съезд прямо и определенно ответил в первом смысле. Он признал, что наша эмиграция органически вытекла из факта неприятия огромной частью русского народа и особенно его интеллигенции той власти, которая вот скоро уже пять лет, как держится в Кремле, и навязываемых этой властью населению порядков. Считать, что такая эмиграция приносит с собою в Европу эти самые порядки, значило бы совершить неслыханное насилие не только над этическим чувством миллионов покинувших родину людей, но и над здравым смыслом. А раз это так, то только и остается признать за национальное право эмиграции, в подлежащих случаях долженствующее быть применяемым иностранными судами, то право, которое действовало в России до 25 октября 1917 года, и это совершенно независимо от того, идет ли дело о стране, которая протянула больше-

¹ Первый съезд русских юристов проходил в Москве в мае 1875 г. См. сборник статей: Первый съезд русских юристов в Москве в 1875 году. М., 1882.

² Этот вопрос был поднят уже в первом докладе, который делал правовец барон Б. Э. Нольде. О правовом положении русских эмигрантов говорили в своих речах на съезде и правовец С. К. Гогель, А. Н. Мандельштам, А. А. Пиленко, Б. Е. Шацкий и др. См. протоколы заседаний съезда русских юристов за границей в Берлине 1–4 октября 1922 г. и тезисы докладов в ГАРФ. Фонд Р-5890. Оп. 2, а также публикацию: Съезд русских юристов за границей 1–4 октября 1922 г. Стенографические протоколы. Берлин, 1922.

викам руку, или о стране, которая продолжает отрицать их юридическое бытие»¹.

Участники съезда пришли к мнению о том, что для русских эмигрантов должен быть или сохранен прежний правовой статус, или создан новый, особый правовой статус на все то время, пока в России государственная власть будет находиться в руках большевиков. Кроме того, съезд высказался за то, чтобы при создании правовых норм, определяющих положение российских граждан-эмигрантов, было «решительно и точно» оговорено право эмигрантов, не признавших советской власти, на политическое убежище. Наконец, Второй съезд русских юристов принял решение о создании постоянно действующего органа — «Комитета съездов русских юристов за границей». Это решение было выполнено спустя неделю после завершения работы съезда — 11 октября 1922 года. Председателем Центрального бюро данного Комитета был избран Б. Э. Нольде. Председателем Берлинского отделения Комитета стал Б. Л. Гершун. В задачи «Комитета съездов русских юристов за границей» входили: созыв новых съездов, содействие в защите прав русских эмигрантов в различных странах, организация издания трудов съездов.

Среди российских эмигрантов, поселившихся в то время в Берлине, было немало желающих забыть Россию как кошмарный сон — онемечиться, укорениться в Германии. И германские власти старались всемерно помочь таким людям — быстро выдавали им необходимые документы, предоставляли жилье, даровали налоговые льготы, приглашали на высокооплачиваемые должности преподавателей в немецкие университеты. Благо, почти все русские интеллигенты-эмигранты хорошо владели немецким языком.

Однако большинство русских, занесенных злосчастной судьбой в эту страну, еще совсем недавно воевавшую с Россией, было проникнуто стремлением сохранить на чужой и чуждой им земле свою русскость. Разлучение с Россией они не считали отлучением от Отечества. Выступая 14 ноября 1922 года в Берлине перед русскими профессорами-изнанниками, Ильин говорил: «...Разлука существует только с географическим и этнологическим субстратом, но никак — не с Отечеством. Где бы я ни был и что бы я ни делал, мое Отечество всегда *во мне* как духовная сущность моей души, меня самого. У патриота вся жизнь пропитана Отечеством; ход его мыслей, ритм его

¹ Рувль. Берлин, 1922. № 568. С. 2.

воли, огонь его страстей — все связано с Отечеством по его душевному складу и устремлениям. Невозможно лишить Родины человека духовного; невозможно заставить его жить без нее. С нею разлучить его может только смерть, потому что, опять же, Родина стóит того. Вот и мы, неся с собою и в себе свою Отчизну в превозданных глубинах своего духа, перенесли ее и сюда, оставив дома духовно больной, ослабевший, вконец запутавшийся субъективно субстрат. И тем не менее, преодолевая жесточайшую боль, разделенные пространством, но единые духом, мы все равно считаем высшим счастьем иметь Родину и то, что она у нас есть»¹.

§ 2. И. А. Ильин — профессор Русского научного института

Вскоре после своего приезда в Берлин Ильин получил приглашение занять место профессора в учебном заведении под названием «Русский Юридический факультет», созданном русской эмигрантской интеллигенцией в Праге. Деканом факультета являлся в то время учитель Ильина профессор П. И. Новгородцев. Преподавание в этом учебном заведении могло дать Ильину стабильный и вполне достаточный для безбедной жизни доход. Однако он отказался от работы и жизни в Праге, предпочтя жизнь в разоренной войной Германии и преподавание в только создававшемся еще Русском Научном институте в Берлине. В письме к П. Б. Струве от 3 ноября 1922 года Иван Александрович следующим образом объяснял свой выбор: «Я полагаю, что мне и нам (Франку, Бердяеву, Кизеветтеру) вернее, правильнее осесть в Берлине, где русского духовно-культурного очага еще нет, где его *надо* создать, где для этого *уже* открыты и разработаны *все* пути и возможности и где *мы уже* *каптивированы* целым рядом переговоров и соглашений. Здесь уже открывается нами *философско-религиозная академия* на средства американско-христианского союза»²

¹ Ильин И. А. Речь (на торжественном вечере немецкого Красного Креста и общества по изучению Восточной Европы) перед русскими профессорами-изгнанниками 14 ноября 1922 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9–10. С. 233–234.

² Под «Американско-христианским союзом» Ильин имеет в виду YMCA (*Young Men's Christian Association*), учрежденную в 1855 г. в Париже на первой международной конференции YMCA. Целью организации по замыслу ее основателей является соз-

и *русский институт* на средства голландско-христианского союза; последний институт *научный* и *популяризаторский*. При таком положении вещей набиваться всем в Прагу, где дело уже поставлено, было бы просто духовно-ошибочным шагом, не вызываемым никакими объективно-верными мотивами. Конечно — твердая валюта приятнее; конечно — легче там, где все уже налажено; конечно — студенческий материал в Праге лучше; конечно — профессура в Праге квалифицированнее, деньги обеспеченнее... Все это — не говоря о сердечном влечении к друзьям. Но — это все не главные весомые в вопросах духовного строительства»¹. Далее Ильин сообщал Петру Бернгардовичу о том, что немцы всемерно идут навстречу русским профессорам, изгнанным из России: они поставили изгнанников в особые условия (паспортные, налоговые, жилищные, академические) и приглашают их читать «экстра оплачиваемые» лекционные курсы в немецких университетах. «Таким условиями было бы непозволительно пренебречь, — замечал он, — здесь веет совсем не личным, а национальным русским делом; и оставлять Русский Научный Институт Берлина в руках Прокоповичей и Мякотиных, предоставляя им демагогировать и облыжно дурачить русскую двухтысячную студенческую массу, было бы столько же предосудительно, сколько превращать Прокоповича в научного порт-пароля² русской науки и русской экономики в общении со здоровой Германией. Учтите же все это, дорогой друг, и согласитесь, что пражский научный бутерброд обойдется пока без нашего немецко-советского идейного маргарина»³.

В приведенном письме к П. Б. Струве Иван Александрович описал и душевное состояние, в котором пребывал, находясь в Советской России и в первое время по приезде из нее в Германию: «Мы выехали из России столь же бодрые и духовно-напряженные, сколь сидели там. Эти пять лет я считаю для себя не меньшею милостью Божиею, чем завершительное „изведение“ из темницы. Я жил там, на родине, совсем не потому, что „нельзя было выехать“, а потому, что Наталья Николаевна и я считали это единственно верным, духовно

дание «царства Божьего» на Земле, т.е. общества, живущего в соответствии с заповедями Иисуса Христа.

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 115–116.

² Франц.: рупор.

³ Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 117.

необходимым, хотя и *очень* опасным для жизни. Мы бы *сами и теперь* не уехали бы, ибо Россия в своем основной массиве — *там; там* она болеет, *там же* находит и найдет путь к исцелению. От постели больной матери, лежащей в беспамятстве и судорогах, — *sua sponte*¹ не уезжают; разве только — оторванные и выброшенные. Если Вы думаете, что там у нас был духовный застой, — то Вы глубоко ошибаетесь. Нет, там была огромная адская кузница духа; молот сатаны отбирал драгоценные камни от шлака и уцелевшие под его ударами получали новый луч — *черный*, в своем первоначальном, белом сверкании. Без этого *черного луча* — все души бессильны бороться с сатаной. Я каждый день благодарю Бога за то, что он приобщил меня этому трагическому процессу, этой сатанинской плавильне, исполненной мистериозно-космического значения. Это духовный опыт *ohne seines gleichen*². И по приезде сюда мы чувствуем себя не заморенными обывателями, потерявшими пять лет жизни, а (страшно сказать) миссионерами, прошедшими через чистилище и обремененными великою и, может быть, непосильною ответственностью. Может быть — мы малы, слабы, не справимся, но *данное* нам, *взятое* нами и *заданное* нам — исключительно по своей значительности. И с болью смотрели мы оттуда, недоумевая, — почему так идейно пустынна и бесплодна русская эмиграция... Будущее покажет, чем кто из нас бременеет; но „порожним“ выехал только тот, кто при всяких условиях был бы не способен к духовному зачатию»³.

«Религиозно-философская академия», о которой Ильин упоминал в письме к П. Б. Струве, была создана в конце 1922 года⁴ при активном участии Н. А. Бердяева, но ее деятельность развернулась с 1924 года во Франции. Русский Научный институт функционировал в Берлине до осени 1937 года. С этим учреждением был связан почти весь берлинский период жизни И. А. Ильина.

Официальное открытие Русского Научного института состоялось 17 февраля 1923 года. Он объединил три факультета: юридический, коммерческий, историко-филологический. Первым директором института избрали профессора В. И. Ясинского (1884–1933).

¹ Лат.: по своему желанию.

² Нем.: не имеющий себе равных.

³ Ильин И. А. Письмо к П. Б. Струве от 3 декабря 1922 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 116–117.

⁴ И. А. Ильин сообщал об открытии этой академии и о начале лекций при ней в письме к П. Б. Струве от 6 декабря 1922 г. См.: Там же. С. 118.

И. А. Ильин стал членом организационного комитета, в который вошли, помимо него, такие известные представители российской интеллигенции, оказавшиеся в эмиграции, как Ю. И. Айхенвальд, Н. А. Бердяев, С. К. Гогель, Г. Д. Гурвич, А. И. Каминка, Л. П. Карсавин, А. А. Кизеветтер, Н. О. Лосский, М. А. Таубе, С. Л. Франк и др. Основную массу студентов должны были составить, по замыслу И. А. Ильина, учащиеся русских юнкерских училищ¹, созданных Главным Командованием Русской армией², расположившейся после своего отступления из Крыма лагерем на Балканах.

Преподавание наук и в том числе юриспруденции в рамках Русского Научного института было запланировано вести, в основном, по программам дореволюционных российских университетов. И. А. Ильин взял на себя чтение лекций по курсам энциклопедии права и истории философии права, истории этических учений, причем на двух языках — русском и немецком. В 1923–1924 годах он занимал должность декана юридического факультета Русского Научного института.

4 апреля 1923 года Иван Александрович сообщал П. Б. Струве: «Научный Институт работает. Атмосфера прояснилась и окрепла; твердый и волевой элемент провел грани и ничего нежелательного нет даже и на горизонте. Очень хотелось бы, чтобы Ваши лекции состоялись. Савицкий³ расскажет Вам об аудитории; много серьезных экономистов. С Балкан началось прибытие отбираемого студенчества. С Главным Командованием солидарная работа рука об руку. Финансов хватит пока до сентября. Совет послов⁴ сначала опасался от нас немецкой ориентации, но потом, получив доказательства, что у нас одна ориентация — русско-патриотическая и что мы ни копейки у немцев не брали, не просили и не собираемся брать, — прислал нам сочувствия и обещал немножко средств»⁵.

¹ «Я сейчас работаю вместе с представителями Главного Командования и финансистами над устройством в Берлине 300 человек белоармейской молодежи из балканских юнк<ерских> училищ, распускаемых Командованием», — писал Ильин П. Б. Струве 5 февраля 1923 г. См.: Там же. С. 120.

² Во главе этого органа стоял генерал-лейтенант П. Н. Врангель.

³ Петр Николаевич Савицкий (1895–1968) — русский эмигрант, философ и экономист, идеолог евразийства.

⁴ Объединение дипломатов Временного правительства.

⁵ *Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938).* С. 123.

§ 3. Речь «Проблема современного правосознания»

Открытие Русского Научного института ознаменовалось публичной речью И. А. Ильина на тему «Проблема современного правосознания». Ее содержание было составлено им на основе первой главы неизданной книги «О сущности правосознания». Некоторое время спустя речь была опубликована в виде отдельной брошюры объемом в 32 страницы¹.

Обращение И. А. Ильина к теме современного правосознания было продиктовано его пониманием сущности грандиозных исторических событий, произошедших в первые десятилетия XX века. Свою речь Иван Александрович начал со следующего утверждения: «Историческая эпоха, ныне переживаемая народами, должна быть осмыслена как эпоха великого *духовного разоблачения и пересмотра*»². Далее он постарался обосновать эту мысль. По мнению Ильина, «мировая война и революционное брожение, потрясающие всю жизнь народов до самого корня, являются по существу своему явлениями стихийными»³. Всюду же где вспыхивает стихия, где люди оказываются бессильными перед ее слепым и сокрушающим порывом, — «всюду вскрывается несовершенство, или незрелость, или вырождение *духовной культуры* человека»⁴. «Как бы ни было велико значение материального фактора в истории, с какою бы силою потребности тела ни приковывали к себе интерес и внимание человеческой души — *дух* человека никогда не превращается и не превратится в пассивную, недействующую среду, покорную материальным влияниям и телесным зовам»⁵. «Войны и революции наших дней свидетельствуют с очевидностью о том, что духовная жизнь современного человечества слагалась неверно, что все стороны ее находятся в состоянии глубокого и тяжелого кризиса. Человечество заблудилось в своих духовных путях, оно *утратило живое, цельное и искреннее отношение к высшим предметам и целям жизни*; оно *религиозно оскудело и растерялось*. И вследствие этого в нем расшата-

¹ См.: Ильин И. А. Проблема современного правосознания. Берлин, 1923. Ильин общал П. Б. Струве о выходе в свет этой брошюры в письме от 4 апреля 1923 г.

² Ильин И. А. Проблема современного правосознания // Ильин И. А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). С. 445.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 445–446.

лись воспитывавшиеся в нем веками *глубокие основы мирозозерцания и характера*»¹.

Ильин считал, что русские правоведы должны начать «духовный пересмотр с того способа жить правом и подходить к государству, который усвоен современным человечеством»². Это означает, по его мнению, что «современное правосознание должно быть поставлено в фокус научного внимания, анализа и диагноза»³.

Вторую часть своей речи профессор Ильин посвятил раскрытию идеи о том, что «всегда и во все времена правосознание является *реальной и священной основой общества и государства*»⁴.

В третьей части своего выступления Ильин обратился к истокам современного правового кризиса. Он отметил, что «этот кризис исторически связан с процессом *секуляризации* всей духовной культуры, с процессом отмирания в ней религиозного духа»⁵. Утратив религиозность, правосознание стало, по словам Ильина, «в высшем смысле бессмысленным и беспочвенным, оно обмелело, утратило свою благородную направленность, растеряло свои принципы и, естественно, подчинилось духу *противоположному*»⁶.

Безрелигиозное правосознание, говорил Ильин в четвертой части своей речи, «переродило самую *обращенность* человека к человеку, а вместе с нею самую *скрепу* государственного бытия, весь живой *ритм* политического тела... Самый способ воспринимать право и государство стал иным. Правосознание мало-помалу стало жертвою политического *релятивизма* и государственной *беспринципности* и, далее, духовного *нигилизма* и прямой *порочности*»⁷. Этот дух жил и креп, отмечал Ильин, не только в массах и не только бессознательно — он не раз находил себе «*идеологов* и *апологетов*, с тем чтобы в начале двадцатого века найти себе свирепых и последовательных в своей порочности *осуществителей*»⁸.

¹ Ильин И. А. Проблема современного правосознания // Ильин И. А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). С. 447.

² Там же. С. 448.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 450.

⁶ Там же. С. 453–454.

⁷ Там же. С. 454.

⁸ Там же.

Небывалый кризис правосознания, проявившийся в самых жестоких формах в веке двадцатом, был подготовлен, по мнению Ильина, в течение девятнадцатого века. Этот век выдвинул целый ряд глубокомысленных обоснований права и государства, но он не возродил вместе с ними и через них «здоровых глубин правопереживания. Этот век явил «невиданный расцвет отвлеченной юридической науки», посредством которой была сформулирована основа нового, секуляризованного и противорелигиозного правосознания. Суть последнего заключается, отмечал Ильин, в представлениях о том, что *«государство есть условное механическое равновесие равных человеческих атомов, ...разделяющихся по имущественному принципу на классы, борющиеся друг с другом, класс против класса, на жизнь и на смерть за обладание земными благами, и влекущихся через угашение духовно и хозяйственно-самобытной личности к свободному от всяких неравенств к потребительскому благополучию»*¹. «Это новейшее правосознание, — подчеркивал Ильин, — слепо по существу, преступно по форме и неможно по силе»². Следствием такого правосознания является то, что в наши дни «государственный строй насыщается духом гражданской войны, политика становится чуть ли не синонимом обмана и подкупа, а патриотизму противопоставляется, как высшее, классовый и личный интерес». «Осуществляемое и руководимое таким правосознанием, чем же может стать современное государство, — восклицал Ильин, — как не орудием массовых страстей и личных интриг, как не орудием классовой злобы и разрушения, т. е. орудием зла и гибели?»³

Пятая часть речи Ильина была посвящена характеристике основных этапов кризиса современного правосознания. Венцом этого кризиса он объявил революцию. По его словам, «революция явила в невиданных еще человечеством формах и размерах *разложение духа и правосознания»*⁴.

В заключительной, шестой части своей речи Ильин сделал вывод: «Разложение современного правосознания так велико, и коренится оно столь глубоко, что продолжение этого процесса грозит всей ци-

¹ Ильин И. А. Проблема современного правосознания // Ильин И. А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). С. 454.

² Там же. С. 455.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 459.

визации и всей культуре реальной гибелью»¹. По его мнению, русские правоведы, приехавшие из России, должны осмыслить и передать свой трагический духовный опыт молодым поколениям России и «вместе с ними приступить к осознанию новых задач юриспруденции и правотворчества»².

Главные идеи речи «Проблема современного правосознания», произнесенной при открытии Русского Научного института в Берлине, И. А. Ильин положил в основу статьи «Большевизм и кризис современного правосознания», которая была опубликована в 1926 году в одном из немецких журналов³. Кроме того, некоторые мысли, высказанные в ней, были воспроизведены Иваном Александровичем в лекциях на тему «Мировые причины русской революции», прочитанных им в Берлине зимой и весной 1928 года⁴.

§ 4. Разработка И. А. Ильиным проблемы соотношения монархии и республики

Все эти публикации свидетельствуют, что тема правосознания стала главной в творчестве И. А. Ильина. Она затрагивалась им и при разработке проблемы соотношения монархии и республики. Его исследования данной проблемы должны были вылиться в большую книгу, состоящую, по предварительному замыслу автора, из введения, 12 глав и заключения. К сожалению, Ильин не смог завершить этого труда. Он успел написать лишь введение и первые семь глав⁵. Во введении

¹ Ильин И. А. Проблема современного правосознания // Ильин И. А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). С. 462.

² Там же. С. 463.

³ *Ijlin I. A. Der Bolschewismus und die Krise des modernen Rechtsbewußtseins / Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie. Berlin-Grünewald, 1925/1926. Band XIX. S. 26–44.* В 2001 г. статья русского правоведа была напечатана в журнале «Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie» (Band. 87. Heft 1. S. 61–71), созданном в качестве правопреемника вышеназванного издания. В переводе на русский язык указанная статья Ильина вышла в свет в 1998 г. См.: Ильин И. А. Большевик и кризис современного правосознания // Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 7. М., 1998. С. 7–26.

⁴ Ильин И. А. Мировые причины русской революции // Ильин И. А. Собрание сочинений: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. М., 2001. С. 190–216.

⁵ Их текст был опубликован биографом И. А. Ильина Н. П. Полторацким, сначала в журнале, а затем отдельной книгой. См.: Ильин И. А. О монархии // Русское Воз-

Ильин писал о затруднениях, с которыми ему пришлось столкнуться в процессе исследования монархии. Задача установить сущность монархического строя в отличие от республиканского трудна, отмечал он, «потому, что сущность монархии, как и сама сущность права, — имеет природу *сверх-юридическую*. Это означает, что для разрешения вопроса об отличии монархии от республики необходимо, *не выходя из пределов науки, выйти за пределы юриспруденции*. Надо, не порывая с научным материалом государственных законов, политических явлений и исторических фактов, *проникнуть в их философский, религиозный, нравственный и художественный смысл* и постигнуть их как состояния человеческой души и человеческого духа»¹.

В первой главе своей книги «О монархии» Ильин показывал бесплодность попыток современной юриспруденции отличить монархию от республики по правовому положению верховного государственного органа. По его словам, «при тщательном историческом изучении отличие монархии от республики растворяется в целом множестве неуловимых переходов и нахождение единого и определенного формального критерия представляется неосуществимым»². Этот свой вывод он подтверждает ссылками на многочисленные исторические факты³.

Подлинное отличие монархии от республики Ильин обнаруживал главным образом в сфере правосознания. После кратких рассуждений о сущности правосознания как такового Ильин приходил к заключению, что «постигнуть жизнь и смысл *государственной формы* невозможно помимо правосознания. Ибо всякая государственная форма есть прежде всего „порождение“ или „произведение“ правосознания, — конечно, не личного, но множества сходно живущих, сходно „построенных“ и долго общающихся личных правосознаний»⁴. Из этого положения Ильин выводил мысль о том, что «сущность монархического строя, в отличие от республиканского, должна исследоваться не только через изучение юридических норм и внешних

рождение. Нью-Йорк, 1978. № 1–4; Ильин И. А. О монархии и республике. Нью-Йорк, 1979. См. современное издание: Ильин И. А. О монархии и республике // Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 4. С. 415–544.

¹ Ильин И. А. О монархии и республике // Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 4. С. 417–418.

² Там же. С. 425.

³ См.: там же. С. 425–443.

⁴ Там же. С. 450–451.

политических событий. Но прежде всего через изучение *народного правосознания и его строения*»¹.

Сравнивая монархическое правосознание с республиканским, Ильин проводил следующие различия:

1. Монархическое правосознание, по его словам, «тяготеет к олицетворению государственной власти и всенародного коллектива»; республиканское же «тянет к растворению личного и единоличного начала, а также и самой государственной власти в коллективе»².

2. Для монархического правосознания характерно рассматривать государство в качестве семьи, а носителя верховной государственной власти как отца, главы этой семьи. «Для республиканского же правосознания патриархально-семейственное восприятие государства и верховной власти чуждо или даже неприемлемо... Республиканское правосознание постепенно теряет идею родовой принадлежности, чувство кровной связи через общего предка. Оно несет с собой идею кровнонесвязанной совокупности, идею множества „рядом жителей“, человеческих „атомов“, которым должны быть обеспечены прежде всего „свобода“, потом „равенство“ и наконец столько „братства“, сколько его останется после расщепляющей свободы и после всеснижающего равенства»³.

3. Монархическое правосознание «склонно культивировать *ранг в ущерб равенству*, а республиканское правосознание склонно культивировать *равенство в ущерб рангу*»⁴.

4. Монархическому правосознанию присущ культ традиции, оно консервативно, не склонно «к скорому и легкому *новаторству*»; «оно неохотно решается на радикальные реформы и, во всяком случае, берется за них только тогда, когда они *назрели*». По мнению Ильина, «эта склонность *беречь наличное*, опасаться неизвестного нового, взвешивать его всесторонне и отклонять его» обусловлена «*религиозными, родовыми и ранговыми* основами монархического правосознания». «Напротив, республиканскому правосознанию, не связанному ни религиозными, ни родовыми, ни сословными, ни ранговыми мерами, всякая реформа, благоприятствующая „свободе“, уравниению и удовлетворению действительных или мнимых вожеланий про-

¹ Ильин И. А. О монархии и республике // Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 4. С. 454.

² Там же. С. 461.

³ Там же. С. 479–480.

⁴ Там же. С. 487.

стого народа, кажется естественной, подобающей и только напрасно задерживаемой „реакционерами“. Новое не отпугивает республиканцев, а привлекает... Слова „прогресс“, „гуманность“, „свобода“, „равенство“ переживаются так, как если бы каждое из них выражало некую неоспоримую „аксиому“ „добра“ и „света“»¹.

Из двух форм правления — монархии и республики — Ильин явное предпочтение отдавал первой. Однако, как ни странно, его вряд ли можно назвать монархистом в строгом смысле этого слова.

Приверженность к монархическим идеалам не мешала Ильину весьма критически отзываться о русских монархистах и их организациях, негативно оценивать поступки русских царей. Так, быстрое и неожиданное крушение в России монархии он объяснял помимо прочего тем, что «настоящего, крепкого монархического правосознания в стране не было. В трудный, решающий час истории верные, убежденные монархисты оказались вдали от Государя, не сплоченными, рассеянными и бессильными, а бутафорский „многомиллионный Союз Русского Народа“, в стойкости которого крайне-правые вожаки ложно уверяли Государя, оказался существующим лишь на бумаге»². По мнению Ильина, русская катастрофа 1917 года разразилась во многом по вине двух последних царей — Николая II и его брата Михаила. «Царствующая русская Династия, — писал Ильин, — покинула свой престол тогда, в 1917 г., *не вступая в борьбу за него*; а борьба за него была бы борьбой за спасение национальной России»³. «В действительности дело обстояло так, что и Государь и Великий Князь отреклись не просто от „права“ на престол, но от своей, религиозно освященной, монархической и династической *обязанности* блюсти престол, властно править, спасти свой народ в час величайшей опасности и возвращать его на путь верности, ответственности и повиновения своему законному Государю... Все это есть не осуждение и не обвинение; но лишь признание юридической, исторической и религиозной правды. Народ был освобожден от присяги и предоставлен на волю своих соблазнительей»⁴.

¹ Ильин И. А. О монархии и республике // Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 4. С. 488.

² Ильин И. А. Почему сокрушился в России монархический строй? // Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 2. Кн. 2. С. 103.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 105, 107.

Ильина привлекала не сама по себе монархическая форма правления, но создаваемая ею возможность иметь в качестве главы государства лицо, не связанное с какими-либо классами и политическими группировками. Идеалом Ильина являлась не просто монархия, но правление царя, стоящего вне партий, классов и сословий. Выступая в апреле 1926 года на проходившем в Париже Российском Зарубежном съезде, он говорил: «Не здесь и не сейчас разворачивать мне красоту и глубину — религиозную, художественную и политическую силу подлинной царской идеи; но основного я не могу не коснуться здесь. Царь вне партий, классов и сословий. Широко его сердце — всей стране есть в нем место. Он не царь большинства, и не царь меньшинства, — а царь вся страны, всего народа»¹.

В лекционном курсе «Понятия монархии и республики», читавшемся в 1929/1930 учебном году в Русском Научном институте, Ильин проводил мысль о том, что царь существует для страны, для нации, а не страна для царя. «Власть монарха не высшая, не самодовлеющая цель; служение и верность ему тем более не являются самодовлеющей целью», — подчеркивал он и далее делал совершенно крамольное для истинного монархиста заявление: «Монархизм, предпочитающий царя родине, при неизбежности выбора — не есть политическая добродетель; он столь же нелеп, как тезис ожесточенного демократа — пусть страна моя станет демократией, хотя бы ценою собственной гибели... Царь, извращающий, роняющий, унижающий собственное звание — нуждается со стороны подданных не в повиновении, а в *воспитывающем его неповиновении*»².

Высоко оценивая монархическую форму правления, Ильин тем не менее не считал правильным навязывать ее России ни в настоящем, ни в будущем³. Он выступал против того, чтобы России вообще что-либо навязывалось. В одной из своих статей он писал: «Помышляя о грядущей России и подготавливая ее в мыслях, мы должны исходить из

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии. (1906–1954). С. 465.

² Ильин И. А. Из лекций «Понятия монархии и республики» // Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 4. С. 567.

³ В статье «Республика—монархия», опубликованной в газете «Возрождение» 9 мая 1926 г. (№ 341), Ильин писал: «Кровью можно пресечь, но нельзя создать и построить, а терзать Россию новою гражданскою войною во имя водворения ложной, партийной монархии на крови честных, но иначе мыслящих русских патриотов — это надо предоставить героям правой стенки...» (Ильин И. А. Собрание сочинений: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. М., 2001. С. 438).

ее исторических, национальных, религиозных, культурных и державных основ и интересов. Мы не смеем, — ни торговать ими, ни разбазаривать наше общерусское, общенародное достояние. Мы не смеем обещать от лица России — *никому, ничего*. Мы должны помнить ее, и только ее. Мы должны быть верны ей, и только ей. Поколение русских людей, которое поведет себя иначе, будет обозначено в истории России, как поколение дряблое и предательское»¹.

На склоне своих лет Ильин прямо заявлял, что после событий, произошедших в России и в мире в течение первой половины XX века, лозунги «демократии», «федерации», «республики», «монархии» и т. п. «сами по себе *ничего не означают*». «Прошло то время, когда русская интеллигенция воображала, будто ей стоит только заимствовать готовую государственную форму у Запада и перенести в Россию — и все будет хорошо. Ныне Россия в *беспримерном* историческом положении: она *ничего и ни у кого не может* и не должна „заимствовать“. Она должна *сама создать* и выковать свое общественное и государственное обличие, такое, которое ей в *этот* момент исторически будет *необходимо*, которое будет подходить *только для нее* и будет спасительно *именно для нее*; и она должна сделать это, не испрашивая разрешения ни у каких нянек и ни у каких соблазнительей или покупателей»².

§ 5. Книга «О сопротивлении злу силою»

В письме к бывшему Главнокомандующему Вооруженными силами Юга России барону генерал-лейтенанту П. Н. Врангелю, написанном 4 октября 1924 года, И. А. Ильин сообщал: «В настоящее время я заканчиваю новую, сравнительно небольшую работу (листов 8 печатных) „О сопротивлении злу“. Она посвящена искоренению всякого „непротивленчества“ и обоснованию праведного меча, подъемлемого на злодея. Это не политический памфлет, а философский трактат, написанный в преудказанном мною самим духе („на этих решениях и подвигах мы построим новую русскую этику“); но по замыслу и выполнению он будет доступен всем. Я думаю, что мне удастся выпустить ее еще в течение ближайших месяцев. Хотел бы выпустить ее с

¹ Ильин И. А. Очертания будущей России // Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 2. Кн. 1. М., 1993. С. 440–441.

² Там же. С. 443.

посвящением: „Русской белой армии и ее вождям“. Считаю правильным испросить предварительно Ваше согласие на это»¹. 12 октября Петр Николаевич ответил, что не видит для этого препятствий, а напротив, будет рад.

В июне 1925 года книга И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою» была напечатана в берлинской типографии «Прессе» в количестве 2000 экземпляров за счет денег, выделенных бароном Борисом Густавовичем фон Кеппенем. В ней подвергались критике и пересмотру ложные основы, заблуждения и предрассудки, на которых строилась идеология прежней русской интеллигенции. «На этих основах нельзя было строить Россию, — заявлял автор в предисловии к книге, — эти заблуждения и предрассудки вели ее к разложению и гибели»².

Содержание книги представляло собой ответ на два взаимосвязанных между собой вопроса, которым в новых условиях потребовалась новая постановка и новое разрешение: «Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий Его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою?»

По мнению Ильина, русская катастрофа 1917 года показала воочию, что злу удалось освободиться от всяких внутренних раздвоенностей и внешних препон, открыть себя во всей полноте, собрать свои силы и открыто выступить со своей идеологией. В последние годы зло «открыто узаконило себя», сформулировало свои догматы и каноны, «восхвалило свою, нескрытую более природу и явило миру свое духовное естество». «Ничего равносильного и равнопорочного этому человеческая история еще не видала или, во всяком случае, не помнит. Столь подлинное зло впервые дано человеческому духу с такою откровенностью», — констатировал Ильин и делал отсюда вывод о том, что «при свете этой новой данности многие проблемы духовной культуры и философии, особенно те, которые имеют непосредственное отношение к идеям добра и зла, наполняются новым содержанием, получают новое значение, по-новому освещаются и требуют предметного пересмотра. И прежде всего — с виду морально-практический, а по существу глубокий, религиозно-метафизический

¹ Письмо И. А. Ильина к П. Н. Врангелю от 4 октября 1924 года // *Бортневский В. Г. Избранные труды.* Л., 1999. С. 148.

² *Ильин И. А. О сопротивлении злу силою* // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 5. М., 1996. С. 33.

вопрос о сопротивлении злу, о верных, необходимых и достойных путях этого сопротивления»¹.

Уже в самом названии книги «О сопротивлении злу силою» таилось противопоставление ее содержания толстовскому учению о добре и зле. Во введении к ней Ильин заявлял о необходимости навсегда отрешиться от той постановки вопроса о сопротивлении злу, которую «с такой слепой настойчивостью вдвигали и постепенно вдвинули в философски неискушенные души граф Л. Н. Толстой, его сподвижники и ученики», и вскрывал главные пороки толстовского учения о добре и зле. Критикуя толстовское учение, мыслитель писал: «Отправляясь от чисто личного, предметно не углубленного и непроверенного опыта „любви“ и „зла“, предрешая этим и глубину, и ширину самого вопроса, урезывая свободу своего нравственного видения чисто личными отвращениями и предпочтениями, не подвергая внимательному анализу ни одного из обсуждаемых духовных содержаний (напр.: „насилие“, „зло“, „религиозность“), умалчивая о первоосновах и торопясь с категорическим ответом, эта группа морализующих публицистов неверно поставила вопрос и неверно разрешила его; затем со страстностью, нередко доходившей до озлобления, отстаивала свое неверное решение неверного вопроса как Богооткровенную истину. И так как материал истории, биологии, психологии, этики, политики и всей духовной культуры не укладывался в рассудочные схемы и формулы, а схемы и формулы претендовали на всеобщее значение и не мирились с исключениями, то естественно начался отбор „подходящего“ материала и отвержение „неподходящего“, причем недостаток первого восполнялся художественно „убедительными“ построениями. Проповедовался наивно-идиллический взгляд на человеческое существо, а черные бездны истории и души обходились и замалчивались. Производилось неверное межевание добра и зла: герои относились к злодеям; натуры безвольные, робкие, ипохондрические, патриотически мертвенные, противогражданственные — превозносились как добродетельные. Искренние наивности чередовались с нарочитыми парадоксами, возражения отводились как софизмы; несогласные и непокорные объявлялись людьми — порочными, подкупными, своекорыстными, лицемерами. Вся сила личного дара вождя и вся фанатическая ограниченность его последователей обращалась на то, чтобы духовно навязать другим собственную

¹ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 5. М., 1996. С. 33–34.

ошибку и распространить в душах собственное заблуждение. И естественно, что учение, узаконивающее слабость, возвеличивающее эгоцентризм, потакающее безволию, снимающее с души общественные и гражданские обязанности и, что гораздо больше, *трагическое время мироздания*, должно было иметь успех среди людей особенно неумных, безвольных, малообразованных и склонных к упрощающему, наивно-идиллическому мирозерцанию»¹.

Называя главные пороки толстовского учения, Ильин иллюстрировал их конкретными примерами — выдержками из произведений Л. Н. Толстого. Опасность данного учения Иван Александрович видел в том, что оно, привлекая к себе слабых и простодушных людей и придавая себе ложную видимость согласия с духом Христова учения, «отравляло русскую религиозную и политическую культуру». Поэтому Ильин считал задачей настоящей русской философии «вскрыть все это незаметно внедрившееся в души гнездо опытных и идейных ошибок и постараться раз навсегда удалить отсюда все неясности и наивности, всякое малодушие и пристрастие. В этом ее религиозное, научное и патриотическое призвание: помочь слабым увидеть и окрепнуть, а сильным удостовериться и умудриться»².

Поскольку Толстой выдавал свое учение о непротавлении злу силой за истинно Христово воззрение, Ильин обратился к высказываниям Христа, запечатленным в Евангелиях, и попытался сформулировать их подлинный смысл. В первую очередь он постарался установить истинное значение христианской любви, на которую ссылался Толстой и его последователи в решении проблемы сопротивления злу. Как известно, Христос учил любить врагов и прощать обиды. Но, подчеркивал Ильин, «призывая любить врагов, Христос имел в виду *личных* врагов самого человека, его собственных ненавистников и гонителей, которым обиженный, естественно, может простить и *не* простить. Христос никогда не призывал любить врагов *Божиих*, благословлять тех, кто ненавидит и попирает все Божественное, содействовать кошунствующим совратителям, любовно сочувствовать одержимым растлителям душ, умиляться на них и всячески заботиться о том, чтобы кто-нибудь, воспротивившись, не помешал их злодейству. Напротив, для таких людей, и даже для несравненно ме-

¹ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 5. М., 1996. С. 35–37.

² Там же. С. 37.

нее виновных, Он имел и огненное слово обличения и грядущие *вечные муки*»¹.

Обратившись к заповеди о прощении обид, Ильин показал, что в соответствии с ней человек имеет призвание прощать своим обидчикам только наносимые ему *личные* обиды. «Вообще говоря, — отмечал он, — нужна сущая духовная слепота для того, чтобы сводить всю проблему сопротивления злу к прощению личных обид, к „моим“ врагам, „моим“ ненавистникам и к „моему“ душевно-духовному преодолению этой обиженности; и было бы совершенно напрасно приписывать такую духовную слепоту Евангелию. Естественно, что наивный человек с его чисто личным и скудным мировосприятием не видит добра и зла в их более чем личном — общественном, общечеловеческом и религиозном измерении; и именно потому он полагает, что личное прощение угашает зло и разрешает проблему борьбы с ним. Но на самом деле это не так. Простить обиду — значит погасить в себе ее злоторворящую силу и впустить *в себя* поток ненависти и зла, но это совсем не значит победить силу злобы и зла *в обидчике*»².

Решение проблемы сопротивления злу Ильин строил на основе четкого различения зла личного и зла общественного. «После прощения, — продолжал он свои размышления, — остается открытым и неразрешенным вопрос: что же делать с обидевшим, не как с человеком, который *меня* обидел и которому за это „причитается“ от меня месть или „возмездие“, а как с нераскаявшимся и неисправляющимся насильником? Ибо бытие злодея есть проблема совсем не для одного пострадавшего и совсем не лишь в ту меру, в какую ему не удалось простить; это — проблема *для всех*, значит, и для пострадавшего, но не как для пострадавшего и непростившего, а как для члена того общественного единения, которое призвано к *общественному взаимовоспитанию* и к организованной борьбе со злом. Обиженный может и должен простить *свою* обиду и погасить в своем сердце *свою* обиженность; но именно его личным сердцем и его личным ущербом ограничивается компетентность его прощения; дальнейшее же превышает его права и его призвание. Вряд ли надо доказывать, что человек не имеет ни возможности, ни права прощать обиду, нанесенную другому, или злодейство, попирающее Божеские и человеческие законы, если, конечно, он не священник, властный отпускать грехи кающемуся, и

¹ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 5. М., 1996. С. 141–142.

² Там же. С. 143.

не верховный государственный орган, властный даровать амнистию. В составе каждой неправды, каждого насилия, каждого преступления, кроме личной стороны „обида“ и „ущерба“, есть еще сверх личная сторона, ведущая преступника на суд общества, закона и Бога; и понятно, что личное прощение частного лица не властно погасить эту подсудность и эти возможные приговоры. В самом деле, кто дал мне право „прощать“ от себя злодеям, творящим поругание святыни, или злодейское соблазнение малолетних, или гибель родины? И каков может быть смысл этого мнимого „прощения“? Что означает оно: что „я“ их не осуждаю и не обвиняю? Но кто же поставил меня столь милостивым судьей? Или что „я“ примиряюсь с их злодеяниями и обязуюсь не мешать им? Но откуда же у меня может взяться такое мнимое право на предательство, на предательство святыни, родины и беззащитных? Или может быть это „прощение“ означает, что я воздерживаюсь от всякого суждения, умываю руки и предоставляю события их неизбежному ходу? Однако такая позиция безразличия, безволия и попущения не имеет ничего общего с христианским прощением и не может быть обоснована никакими ссылками на Евангелие...»¹.

Книга И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою» вызвала острейшую полемику в кругах эмигрантов из России². В лекции, которую Иван Александрович читал 9 марта 1931 года в Риге на собрании русской молодежи, он следующим образом обрисовал ситуацию, возникшую вокруг этого его произведения: «Когда в 1925 году, выносив в себе нашу проблему на протяжении 20 лет, потрясенный и подкрепленный трагедией нашего крушения и ходом русской революции, я опубликовал мою книгу „О сопротивлении злу силою“ — скажу не обинуясь, научное исследование, честное и прямое, — случилось то, что я предвидел заранее. Русская зарубежная публицистика — та самая, о которой я говорил в начале первого часа лекции, — подняла на мою книгу целое гонение. Из города в город нашего рассеяния — из Праги в Париж, из Парижа в Берлин и Ригу, и даже в Иерусалим — люди списывались, сговаривались и выступали устно и печатно против моей работы и против меня лично. Бердяев, Зеньковский, Гиппиус, Чернов, Степун, Демидов, Милуков, Айхенвальд — и еще

¹ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 5. М., 1996. С. 143–144.

² См.: О сопротивлении злу силой: pro et contra. Polemica вокруг идей И. А. Ильина // Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 5. С. 289–556.

анонимы и псевдонимы — пытались изобразить меня кровожадным погромщиком, софистом насилия, неслыханным гордецом, Торквемадою». Сказав, что эту агитацию он предвидел заранее, был готов к ней и что она психологически ему понятна, Ильин признался далее слушателям, что писал эту книгу не столько для своих современников, потрясенных, ослепленных и перепуганных русским крушением, сколько для молодых поколений России — для людей, неповинных в русском крушении, с несломленной волей, с неисчерпаемой верой в Россию и с неутолимой любовью к ней.

Обращаясь к молодым русским людям, мыслитель призывал их вырабатывать в себе силу характера. «Этого требует Россия, — заявлял он. — В борьбе за Родину вам нельзя внутренне двоиться, разлагаться и путаться в ногах у самих себя; нельзя тянуть и к лесу, и к бесу; нельзя смотреть на все с разных, условных точек зрения и проповедовать, что все относительно; нельзя криво ставить роковые вопросы и давать на них кривые ответы; нельзя отделять *свою* судьбу от судьбы Родины. Одно надо помнить: Россия поругана, гаснут Божьи огни на ее алтарях, владеют ею нечестивцы, стремящиеся стереть русский дух с лица земли». При этом мыслитель призывал русскую молодежь учиться христианской любви не у Толстого и его последователей, а у Преподобного Сергия Радонежского, у Патриарха Гермогена, у Александра Невского. «Помните, — взывал он, — в любви нужна не только мука за другого, но и гроза за него; ибо настоящая любовь видит в человеке не только стонущую животность, а ангельский зрак; и знает, что падшему ангелу подобает не сентиментальное сочувствие, а огненный меч»¹.

§ 6. И. А. Ильин и П. Б. Струве

В начале мая 1925 года Петр Бенгардович Струве (1870–1944) пригласил Ивана Александровича Ильина приехать к нему в Париж на торжество по случаю учреждения эмигрантской газеты «Возрождение» и для выступления с докладом. Иван Александрович, только что побывавший с лекциями в Праге, ответил согласием. «После Праги у меня есть некоторое ухудшение в здоровье, — писал он Петру Бенгардовичу 11 мая, — и я еду в Париж с тем, чтобы непременно пока-

¹ Ильин И. А. О сопротивлении злу силой. Лекция, прочитанная 9 марта 1931 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 5. С. 285.

заться Манухину и решить о своем лечении по его методу — хотя бы в Берлине. Для решения этого вопроса мне необходимо приехать с Нат<алией> Николаевной. Это мне настолько важно, что я предпочитаю ехать *третьим спальным* ночью до Кельна и третьим дневным от Кельна до Парижа, чем одному во втором классе. Вы себе не представляете, как надоело мне жить полуинвалидом!»¹

Первый номер газеты «Возрождение» вышел 3 июня. Струве, ставший ее редактором, пригласил Ильина к сотрудничеству. Иван Александрович стал регулярно посылать ему из Берлина свои статьи². В сентябре и октябре 1925 года он был послан редакцией «Возрождения» в Италию для сбора материалов о положении в этой стране, о новом ее лидере Муссолини и об итальянском фашизме. Возвратившись 9 ноября в Берлин, Ильин за короткое время подготовил целую серию статей под общим названием «Письма о фашизме». Они стали публиковаться в газете «Возрождение» с декабря 1925 года. В течение семи месяцев³ вышло девять статей на эту тему, посвященных сущности фашизма, внутренней и внешней политике фашистских властей, борьбе итальянских фашистов с масонами, биографии Муссолини, его личности, проблеме Тироля и т. д.

Редакция «Возрождения» принимала не все статьи Ильина. Так, не была напечатана в газете и возвращена Ильину его статья «Черносотенство», направленная против группировки великого князя Кириллы Владимировича, возмнившего себя наследником российского императорского престола. П. Б. Струве был не согласен с такой направленностью статьи и отверг ее. С задержкой в две недели и более стали печататься и статьи Ильина из серии «Письма о фашизме». Иван Александрович крайне огорчился таким отношением редакции «Возрождения» к его творчеству. «Дорогой Петр Бернгардович! —

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 133.

² См.: Ильин И. А. Самообуздание и самообладание // Возрождение. 1925. № 48. 20 июля; *его же*. Подвиг патриотического единения // Возрождение. 1925. № 49. 21 июля; *его же*. Отрицателям меча // Возрождение. 1925. № 57. 29 июля; *его же*. О призвании революции // // Возрождение. 1925. № 72. 13 августа; *его же*. Личный опыт // Возрождение. 1925. № 82. 23 августа; *его же*. Пересмотр идеологии // Возрождение. 1925. № 101. 11 сентября; *его же*. Понять — не простить // Возрождение. 1925. № 115. 25 сентября; *его же*. Зачем нам идеология? // Возрождение. 1925. № 154. 3 ноября и др.

³ Девятая статья И. А. Ильина из этого цикла, которая называлась «Письма о фашизме: Вопрос качества», была опубликована в «Возрождении» 12 июля 1926 г.

обращался он к Струве 27 декабря 1925 года. — На днях я писал Вам в открытке, что, не помещая моих статей, Возрождение кастрирует мое вдохновение... Вы знаете, что я проделал целую работу по вопросу о фашизме: я овладел итальянским языком, я завел знакомства, я был допущен к библиотекам фашистов, я многое выписал, прочел и *художественно выносил*. Все это я лояльно и вернопреданно предоставил Возрождению. И прямо скажу, что я знаю о фашизме то, что немногим известно. О корреспонденциях моих знают в Италии; о них говорят здесь *все* читатели Возрождения. В последней корреспонденции я обещал биографию Муссолини — «осветить весь его жизненный путь». Редакция поторопилась сделать эту работу ненужной. Сегодня в номере Возрождения нахожу заметку г. Нордова: развязные и приблизительные трактования о биографии и характере Муссолини на основании газетной сплетни, передающей случайный эпизод. И, как обычно, при писании издали, ворох ошибок: биографий Муссолини не множество, а всего *одна*, и та стала библиографической редкостью и т. п. Прочтя эту заметку, я откладываю перо и *прекращаю* мои корреспонденции о Муссолини и фашизме. Ибо — у меня *нет* уверенности, что написанное пойдет. А писать для корзины я *не могу* и не буду. Мне необходима *гарантия*.

Такая же гарантия мне необходима и для моих идеологических статей. В начале Возрождения Вы писали мне „пишите, что хотите и о чем хотите“. И я понял, что Вы полагаетесь на мой такт и хотите, чтобы мои идейные подвалы, запертые много лет, и мое политическое видение — творчески отперлись для Возрождения... Если теперь что-нибудь изменилось в этом, то я усердно прошу Вас — скажите мне об этом *прямо*.

Мне абсолютно необходимо, чтобы редакция Возрождения чувствовала, что я *не могу* писать для корзины. Я *творчески мучаюсь* пиша, я *горю*, и *никакая* сила, даже сила *голода*, не заставит меня писать.

Если я не подходящ с моей идеологией для Возрождения, как мне намекал в августе Зайцев, то это надо сказать мне. Нельзя мою музу, да именно музу, дразнить и бросать в корзину. Когда я пишу, то у меня вся душа гудит колоколом, мое перо горит, воля напрягается как струна, тысяча цензур контролирует вспыхивающие слова и холд сбегает от затылка.

Если Возрождению не нужно то, что из этого выходит — то скажите, скажите прямо! Если редакция решила остановиться на фельетонах... — то *не заставляйте меня ржать!* Я или смолкну совсем в га-

зетном смысле, или найду себе менее видную дверь. Остановимся пока на этом.

В октябре Вы заказали мне статью о реставраторстве. Я проработал *четыре дня* с утра до вечера. Статья пошла в корзину. Статья «направо»¹ есть продукт *недельного* труда. Писать кое-как я не могу. Вы знаете, конечно, что материальный эквивалент абсолютно не компенсирует такой работы. Так писать можно только от *любви и огня*. Но клянусь Вам, что моей любви и моему огню предначертаны лучшие судьбы, чем зайцевская корзина! Верьте мне, что я не напишу ни о чем, ни строки — пока Вы не успокоите меня!...»²

Петр Бернгардович успокоил своим письмом Ильина, и сотрудничество Ивана Александровича с газетой «Возрождение» продолжалось все то время, пока Струве был ее редактором, то есть до 18 августа 1927 года³. Уход Ильина из «Возрождения» позволил ему высвободить свои силы для дела, исполнение которого он считал служением России.

§ 7. «Русский колокол»

С осени 1927 года И. А. Ильин развернул издание журнала «Русский Колокол». «У меня есть существенная и важная новость, — писал Иван Александрович П. Б. Струве 18 июня 1927 года. — Недавно ко мне явился хороший русский патриот, недавно выехавший оттуда и сохранивший здесь свое состояние, человек очень почтенный и привлекательный⁴. Он читал разные мои вещи и явился с определенным

¹ Ильин имеет в виду отвергнутую газетой свою статью под названием «Черносотенство».

² *Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 156–158.*

³ 18 августа 1927 г. в газете «Возрождение» было опубликовано «Письмо в редакцию» П. Б. Струве, в котором он сообщал, что с этого дня больше не является ни редактором, ни сотрудником этого издания. Вместе с Петром Бернгардовичем из «Возрождения» ушли 23 других сотрудника «Возрождения», в том числе и И. А. Ильин. Причиной ухода Струве из газеты были его разногласия с ее издателем нефтепромышленником Абрамом Осиповичем Гукасовым.

⁴ В письме к Надежде Николаевне Крамарж от 22 апреля 1928 г. Иван Александрович сообщил некоторые подробности об этом человеке: «В прошлом году, в мае, один добрый знакомый привел ко мне человека, только что (несколько месяцев перед тем) приехавшего из России. Он пробыл там с самого начала революции около девяти лет. Из московского купечества, не именитый, но известный... Сам —

предложением. После всестороннего обсуждения он предложил мне издавать ежемесячный идеологический журнал, который он намерен соответственно обеспечить. Предложение это я *принял*. Он хочет, чтобы я писался редактором-издателем и вел журнал лично и ответственно... Я думаю, что следует сделать этот журнал *волевым монолитом*, взять тон твердый, прямой и писать для русского патриота независимо от его прошлого и от его местонахождения; и тем некоторым образом заткать волевою ткань на желанных России и необходимых ей предметных основаниях. Мне кажется, что это направление должно было бы идейно объединить жесткие элементы белого фронта, а журнал должен крепить наши паруса»¹. Через пять дней — 23 июня — Ильин сообщил Струве о том, что деньги на журнал поступили, «источник их — русский, идейный... Предполагается название: „Русский Колокол“; подзаголовок: „Журнал волевой идеи“»².

Основные идеи, которые должны были определять направление и характер данного журнала, были сформулированы Ильиным в специальной статье, открывшей его первый номер. «Национальная Россия нуждается в патриотической, волевой и ведущей *идее*, — заявлял он. — Эта идея должна установить цель всей предстоящей борьбы за Россию и притом не только на ближайшие сроки, а на целые десятилетия. Она должна воодушевить и вести *все* здоровые элементы России — как в зарубежье, так и внутри страны. Она должна быть не только государственной и национальной, но охватывающей *все* стороны духовной культуры»³. «Русский колокол» был задуман в качестве идеологически-философского и политико-публицистического журнала. При этом Ильин не пожелал придавать ему отвлеченно-научного характера, но решил сделать простым и доступным.

Характер журнала предполагал предельно откровенный разговор о русской катастрофе 1917 года. «Сущность революции, — писал Ильин, — подлежит нещадному раскрытию, но *не* в порядке отыскания виновных *лиц*, а в порядке указания ее *духовного естества*. Надо

крепкого национального настроения» (Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 263). По мнению Ю. Т. Лисицы, человеком, предложившим Ильину деньги на издание журнала, был Н. Громов (см.: Там же. С. 559).

¹ Там же. С. 195.

² Там же. С. 197.

³ Задание журнала // Ильин И. А. Русский колокол. Журнал волевой идеи / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 2008. С. 7.

вскрыть в революции ее безбожие, пошлость, бессовестность, противогосударственность, противопатриотичность; ставку на жадность, на подлость и предательство; стихию лжи и насилия; стихию принципиализированного бесстыдства; пружины честолюбия, тщеславия, карьеризма; элементы демагогии и эгалитаризма; криминальную природу ее; крушение вместе с нею социализма, коммунизма, интернационализма и анархизма»¹. При этом он признавал в программной статье журнала, что революция стала возможной в России потому, что «положительно и отрицательно уже была разлита в воздухе. Положительно: экстенсивное крестьянское хозяйство и тяга крестьян к расширению земельной площади; революционное брожение среди рабочих; обилие беспочвенной полуинтеллигенции, с ее пошлостью, завистливостью и претенциозностью; честолюбивый радикализм в интеллигенции; революционные партии; национально-окрашенные настроения. Отрицательно: безволие и государственная беспомощность царя; низкий уровень его окружения; противогосударственность черносотенства; безыдейность задерганной бюрократии; упадок поземельного дворянства; непротивленчество и государственная неопытность либеральной общественности; государственная невоспитанность, бесхарактерность и слабость правосознания в массе народа»².

Такая оценка предреволюционной России предопределяла вывод о том, каким должно быть Русское государство в будущем. «Грядущая Россия не может быть реставрационным „*facsimile*“ дореволюционной России. После падения большевиков нам надо будет отправляться от *небывалого* еще исторического видоизменения русского материала». Соответственно этому Ильин и формулировал главную задачу своего журнала. «Мы должны неотступно и со всем возможным напряжением, — заявлял он, — пытаться верно предвосхитить эту грядущую русскую данность: *a*) в хозяйстве — сельском, часто промышленном и государственном; *b*) в политической форме и в тяготениях правосознания; *c*) в национальном составе, строении и тяготении; *d*) в социальном составе; *e*) в культурном уровне. И на этих прозрениях пытаться теперь же практически творить (пока, конечно, в схеме) новые формы жизни, возрождающие и насаждающие *наш идейный дух* в новой исторической данности, — начиная от новых,

¹ Задание журнала // Ильин И. А. Русский колокол. Журнал волевой идеи. М., 2008. С. 18.

² Там же. С. 17–18.

приспособленных видов избирательного права и кончая выделением из крестьянства новой элиты собственничества и чести; начиная от культа семьи и орденовских организаций и кончая всероссийским академическим союзом»¹.

Первый номер журнала вышел в свет в Берлине 22 сентября 1927 года². Второй — 28 ноября³. К маю 1930 года было выпущено девять номеров. Своим тиражом — не менее 1000 экземпляров⁴ — «Русский Колокол» превосходил все тогдашние эмигрантские журналы. Он распространялся по всему миру — от Харбина и Явы до Сан-Франциско, от Калькутты и Тегерана до Афин и Парижа. Ильин создал при журнале целый торговый аппарат — широкую сеть распространителей (120 человек), работающих, как он сам отмечал, «идейно и безвозмездно»⁵. На подобных началах работал и сам Ильин (редактор) и другие сотрудники журнала. «Колокол *накрыл* меня, как ребенка в старой немецкой сказке (за то, что не хотел ходить к обедне). Все уходит в него — время, силы, творчество, личная жизнь и отдых...»⁶, — сообщал Иван Александрович своему другу писателю Ивану Сергеевичу Шмелеву 14 сентября 1927 года. «Никто, кроме Наталии Николаевны, и не подозревает, какую работу я несу по „Колоколу“, — признавался он в письме к Н. Н. Крамарж от 5 мая 1928 года. — *Каждую статью (и чужую) рожаете месяцами в заботах, в мучительном чувстве ответственности, в отшлифовании формы*»⁷.

Труды Ильина не были напрасны. Его журнал выделялся из всей эмигрантской периодики высоким качеством своего содержания.

¹ Задание журнала // Ильин И. А. Русский колокол. Журнал волевой идеи. М., 2008. С. 20.

² Ильин сообщил об этом в тот же день жене П. Б. Струве Нине Александровне (Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 201).

³ По замыслу Ильина, «Русский Колокол» должен был выходить с периодичностью — раз в два месяца.

⁴ На самом деле «Русский Колокол» издавался тиражом, превышавшим 1000 экземпляров. Но Ильин считал его тираж не по выпущенным в свет экземплярам, а «по возврату денег за них» (Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 265).

⁵ Там же. С. 332.

⁶ Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1927–1934). М., 2000. С. 64.

⁷ Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 268.

«Р<усский> К<олокол>» я прочитал с большим вниманием и волнением, — делился с Ильиным своим впечатлением от первого номера журнала писатель Шмелев. — Да, все продумано и, как бы, отжато, — и, что необычайно для философско-политич[еских] статей, художественно-ярко, выпукло и **берет!** Я почувствовал, воистину, — святой огонь, незримые слезы, **веру**, чистоту, подвижничество, — на страже стояние. И какая *ясная правда!* И какой размах!»¹

Издание «Русского Колокола» Ильин воспринимал как дело всей своей жизни — как служение России. В письме к Н. Н. Крамарж от 22 апреля 1928 года он следующими словами определял идейное направление своего журнала: «С мая началось мое горение и кипение. Я поставил перед собою задачу — служить России и *только* России. Не лицам, не кружкам и не партиям. Печатать о том, что всего нужнее России — и сейчас, сию минуту (для боевой борьбы), и на сто лет вперед (обновленный лик России)»². «... По совести считаю Русский Колокол делом, необходимым для России, — всюду смута, шатание и соблазн, а России нужна интеллигенция верующая, твердая, государственно мыслящая и волевая... Я стараюсь выделять *священное* в русской истории и то, что должно *объединить* наши лучшие силы. А дальше надо углублять и расширять задачи: надо повести борьбу за настоящее русское искусство, надо повести суровую борьбу с социализмом, надо отстаивать начала здоровой семьи; надо углубить и очистить вопрос о монархии»³ — так характеризовал Ильин свой журнал в письме к С. В. Рахманинову 2 декабря 1928 года.

Обращение Ильина к великому русскому музыканту было вызвано печальными для «Русского Колокола» обстоятельствами. Русский промышленник-эмигрант, взявшийся в мае 1927 года финансировать его издание, спустя год оказался вовлеченным в эмигрантские распри и стал тратить свои средства на поддержку враждовавших между собой эмигрантских группировок. Ильину же он перестал давать деньги на его журнал. С лета 1928 года Иван Александрович многократно обращался к различным богатым русским эмигрантам с просьбами о помощи. Но, несмотря на то, что для продолжения из-

¹ Письмо И. С. Шмелева И. А. Ильину от 4 октября 1927 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1927–1934). С. 69.

² *Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938).* С. 264.

³ Там же. С. 333.

дания своего журнала Ильин просил всего 75 долларов в месяц¹, он отовсюду получал только отказы². В результате издание «Русского Колокола» пришлось прекратить. Выпустив в свет в апреле 1930 года 9-й номер журнала, Ильин намеревался издать еще 10-го и 11-го номера, состоящие только из его собственных статей. Но этому намерению не суждено было сбыться.

Одной из причин падения «Русского Колокола» был мировой экономический кризис, разразившийся в конце 20-х годов XX века. В результате его останавливались предприятия, миллионы людей лишались работы. Безработными становились и многие из рядовых русских эмигрантов, покупавших и читавших журнал. В письме к С. В. Рахманинову от 2 декабря 1928 года Ильин прямо объяснял недостаток материальных ресурсов для издания «Русского Колокола» тем, что русская эмиграция бедна. «Она покупает недостаточно и, главное, *задерживает платежи*. Деньги переводятся с честностью идейных людей; но выплаты затягиваются»³.

§ 8. И. А. Ильин и русская эмиграция

Падение «Русского Колокола» было печальным, но вполне закономерным событием. Он звенел не тем звоном, который хотели бы слышать богатые русские эмигранты и наиболее активные деятели русской эмиграции. Они были проникнуты в подавляющем большинстве своем эгоистическими, узкопартийными интересами, раз-

¹ Эту сумму, необходимую для продолжения издания «Русского Колокола» Ильин назвал в письме к Рахманинову (там же. С. 332).

² Отказал Ильину в постоянных субсидиях на издание «Русского Колокола» и Рахманинов. «Письмо Ваше получил. Грустно сказать Вам, что <от> той помощи, которую Вы видимо от меня ожидаете, я должен отказаться — очень уж много у меня, и все больше делается платежей на чисто житейские нужды», — объяснял он Ивану Александровичу в ответном письме к нему, отправленном 26 декабря 1928 г. При этом Сергей Васильевич заверял Ильина в своем уважении к его деятельности и объявлял о том, что решил послать ему на нужды журнала 800 марок (там же. С. 568). Ильин, получив это письмо Рахманинова и чек на указанную сумму, сердечно благодарил своего благодетеля. «Это достаточно для того, чтобы вывести дело Русского Колокола из состояния медленного умирания и возродить его работу», — радостно сообщал он Рахманинову в письме к нему от 14 января 1929 г. (там же. С. 334). Но звенеть «Русскому Колоколу» осталось немногим больше года.

³ Там же. С. 332.

делены на мелкие враждовавшие между собой группировки. В «Записке о политическом положении», составленной И. А. Ильиным в октябре 1923 года и направленной тогда же генералу П. Н. Врангелю, русская эмиграция характеризовалась следующим образом: «Здесь не изжиты все недуги старой общественности: это беспочвенное и безыдейное важничание, это осторожное нерискующее честолюбие, это сочетание выжидающей пассивности с максимальными претензиями, политиканствующая ложь, интрига, клевета; без Бога, без вдохновения и без хребта... После революции, погубившей русский национальный центр (престол), все это — от бывшего министра до бывшего студента — болеет худшим видом бонапартизма: бессознательным честолюбием *непризванных* политиканов — хочет фигурировать, председательствовать, говорить „от лица“, принимать „резолюции“, играть роль, ловя пылинки власти и создавая в этой ловле суетливую толчею на месте»¹.

Российский зарубежный съезд, собравшийся в апреле 1926 года в Париже² и замышлявшийся для объединения русской эмиграции в единую национальную организацию, не смог выполнить своего предназначения. Призывы П. Б. Струве объединиться и направить все силы на возрождение России, забыть о личных выгодах, возврате имущества, мести, сведении личных счетов не нашли поддержки среди делегатов съезда.

И. А. Ильин, выступая на съезде, говорил: «Вот поднимаемся мы, зарубежные русские, со всех концов чужих земель. Из всех стран нашего рассеяния. Впервые делается попытка не партийного, надпартийного русского национально-патриотического сговора; впервые за восемь-девять лет; впервые через семь лет после того, как у нас в России замучили нашего Царя — и не стало нашего государства. Вот уже девятый год, что мы, допустившие до этого, держим наши головы поникшими и наши глаза опущенными. Вот съедемся мы — и посмотрим друг другу впервые в глаза; и спросим себя — поняли ли мы случившееся? Умудрились ли мы? Очистились ли? Обновились ли духовно? Научились ли тому, что Россия строилась и цвела духом монархическим, и что она распалась от водворения в ней духа республиканского — духа партийной политической интриги, классового инте-

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 220.

² См.: Российский Зарубежный Съезд. 1926. Париж: Документы и материалы. М., 2006.

реса и жадного честолюбия?»¹. Ход съезда показал, что российские политические деятели не поняли случившегося в России в 1917 году, не умудрились, не обновились духовно. Дух взаимной вражды возобладал среди его делегатов.

В последующем раскол в среде русской эмиграции только усиливался, а сопровождавшая его борьба между различными эмигрантскими группировками становилась мельче и омерзительнее. «Как бесконечно я устал от людской злобы и пошлости, и неискренности, — жаловался Ильин в письме к Н. Н. Крамарж от 3 июля 1930 года. — Стряпают, стряпают — и все личное, и все интрига. А о России нашей и о том, что там делается, — даже и думать страшно. Поистине есть от чего сделаться мизантропом в наши дни»².

Ильин не хотел иметь дело ни с левыми, ни с крайне правыми политическими деятелями русской эмиграции. Он не принимал разрушительного для России республиканизма первых, ему претил и монархизм черносотенцев. Он считал их монархические воззрения искусственными. «Черносотенство есть *противогосударственная, корыстная правизна в политике*», — писал Ильин в 1926 году в своей статье «Черносотенство»³. Поясняя это свое определение, он отмечал: «Государство и государственная власть суть учреждения не классовые, а всенародные; их задача в созидании *общего* блага, а не личного, не частного и не классового. Люди могут расходиться в *понимании* общего блага, но не смеют ставить чью бы то ни было частную корысть выше интереса родины. И если они это делают, то они разрушают государство и родину, безразлично — делают это правые или левые»⁴. Корыстную политику слева Ильин связывал с большевизмом, в корыстной политике справа усматривал сущность черносотенства. «Русский черносотенец, — подчеркивал он далее, — не понимает и не приемлет общенародного интереса. Ему нужен „царь“ для того, чтобы „царь“ закрепил и обеспечил, во-первых, — его лич-

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). С. 463–464.

² Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 287.

³ Ильин И. А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). С. 289. Данная статья была опубликована в трех номерах газеты «Слово», выходившей в Риге — 1, 2 и 3 марта 1926 г. Редакция придала ей название «Черносотенство — проклятие и гибель России». Сам Ильин назвал свою статью просто «Черносотенство» (там же. С. 529).

⁴ Там же. С. 289.

ную карьеру, во-вторых, — интерес его клики, в-третьих, — интерес его класса»¹. «Русские правые круги должны понять, — делал отсюда вывод Ильин, — что после большевиков самый опасный враг России — это черносотенцы. Это искажители национальных заветов; отравители духовных колодцев; обезьяны русского государственно-патриотического обличия. Не надо договариваться с ними; не следует искать у них заручек; надо крепко и твердо отмежеваться от них, предоставляя их собственной судьбе. Не ими строилась Россия; но именно ими она увечилась и подготавливалась к гибели. И не черносотенцы поведут ее к возрождению. А если они поведут ее, то не к возрождению, а к горшей гибели. У них не мудрость, а узость; не патриотизм, а жадность, не возрождение, а реставрация!»²

Очевидно, что при таких своих воззрениях Ильин не мог найти поддержки ни среди левого крыла русской эмиграции, ни среди крайне правых ее деятелей. «Я отлично вижу, как бойкотируют и замалчивают меня и крайние правые и весь левый сектор, — писал Ильин Н. Н. Крамарж в письме от 1 августа 1929 года. — Но это есть признак того, что я иду по верному пути. Пусть их — Россия сбросила их, как змея изжитую кожу»³.

Первые десять лет пребывания И. А. Ильина в эмиграции были, пожалуй, самым интенсивным периодом в его жизни. Помимо преподавания в Русском Научном институте, Иван Александрович регулярно выступал с публичными лекциями в различных городах Германии, Австрии, Бельгии, Франции, Швейцарии, Чехии, Латвии. Составленный им самим список его выступлений на немецком языке показывает, что за период с осени 1922 и до конца 1932 года он прочитал 105 докладов на темы русской культуры, большевизма и большевистской революции в России, внутренней политики советской власти, взаимоотношений Германии и России⁴. А ведь публичные лекции читались им и на французском языке, и, конечно, — на русском, в различных организациях русских эмигрантов.

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). С. 292.

² Там же. С. 293.

³ Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 280.

⁴ См.: Ильин И. А. Собрание сочинений: Мир перед пропастью. Часть III: Аналитические записки и публицистика (1928–1941). С. 492–497.

Особенно много выступал Ильин в Чехии зимой 1929 года. Усталость его от этих выступлений была безмерной, но и удовлетворение, которое он испытывал от того, как его слушали, было необыкновенным. «С тех пор, что я выслан, я не имел еще такой трудной, напряженной и утомительной зимы, — сообщал он Н. Н. Крамарж¹ в письме от 26 февраля 1929 года. — Люди наконец начали просыпаться здесь и зашевелились; слагается и зреет с низов настоящее анти-коммунистическое движение, которое чревато большими последствиями. Моя первая обязанность, патриотическая, безотказная, — помочь, укрепить, раздуть огонь. Обстоятельства показали, что передо мною двери открылись настезь и что заменить меня некому. Просыпается один слой за другим; хотят знать правду и предрасположены к доверию. У меня за эту зиму бывали периоды, что я выступал и семь дней подряд (лекция длится два часа) и девять раз в десять дней. Я часто имею перед собою тысячи людей, безмолвно и неотрывно слушающие два часа подряд»².

В условиях мирового экономического кризиса многие эмигрантские организации, оказывавшие материальную помощь русским беженцам, стали закрываться. Угроза нависла и над учебными заведениями русской эмиграции.

Русский Научный институт в Берлине в качестве учебного заведения держался до 1932 года. И все десять лет своего существования до этого он исправно платил русским преподавателям. Ильину плата за учебные курсы в этом институте покрывала половину материальных расходов его семьи. Другая половина покрывалась гонорарами за публичные лекции и статьи в газетах и журналах. Заработки Ильина обеспечивали ему с его женой сносные условия проживания в Берлине. Они вполне могли позволить себе отправиться летом в путешествие по Европе единственно ради отдыха. «Наши переезды летние всегда мотивированы главным образом — ненасытными поисками красоты и величия, покоя и созерцания... В этом году мы были после Праги — в Гмундене, на Боленском озере, в Рагане, на Фирвальдштеттском

¹ Надежда Николаевна Крамарж, урожденная Хлудова, по первому мужу — Абрикосова (?–1936) — супруга Карела Петровича Крамаржа (1860–1937), премьер-министра Чехословакии с октября 1918 до середины 1919 г. И. А. Ильин познакомился с семьей Крамаржей в 1927 г., во время своего визита в Прагу для чтения лекций.

² Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 271–272.

озере, на Луганском озере, на Комо, в Болонье, Римини и Равенне. Мы приехали бодрые и свежие»¹ — так описывал Ильин свое летнее времяпровождение в письме к Н. Н. Крамарж осенью 1930 года. Иван Александрович мог даже выделять часть своих личных средств на издание «Русского Колокола».

С 1932 года многое в жизни Ильина стало меняться. Русский Научный институт в Берлине перестал платить преподавателям за читаемые лекционные курсы. Вследствие частых болезней Ильин вынужден был отказываться от публичных выступлений. Это еще более усугубляло его материальное положение.

§ 9. В фашистской Германии

С приходом гитлеровской партии к власти в Германии Ильин, как и другие русские эмигранты сходных с ним убеждений, стал подвергаться преследованиям со стороны администрации Берлина. «Гонение на меня в Германии началось еще в 1933 году за то, что я дерзал быть русским патриотом с собственным суждением»², — вспоминал впоследствии Ильин. В апреле–июле 1933 года германская политическая полиция (гестапо) предприняла попытку разоблачить его как «франкофила». При этом Ильину предлагалось стать осведомителем и регулярно сообщать в полицию сведения о настроениях в среде русских эмигрантов, проживавших в Берлине. Ильин ответил на это предложение отказом. В результате в августе того же года в жилище Ильиных сотрудниками гестапо был произведен обыск, сам Ильин был на некоторое время задержан, ему было объявлено о запрете заниматься какой-либо политической деятельностью под угрозой заточения в концлагерь. В апреле 1934 года Ильину было предложено заняться пропагандой антисемитизма в среде русской эмиграции. Ильин категорически отказался делать это³. В результате в июне

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 288–289.

² Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935–1946). М., 2000. С. 241.

³ Выражая свое отношение к антисемитизму, И. А. Ильин писал: «Ничто так не мешало борьбе с еврейским засильем и закулисной интригой, как антисемитизм: ибо после их пропаганды — *мера истины* — столь нужная и драгоценная — не находится, а она посередине. После антисемитизма — мыслящего дихотомически — истина смазана и утрачена, как после маньяка — а они в лучшем случае маньяки, ум

1934 года его преподавательская деятельность в Русском Научном институте была приостановлена, а 1 августа того же года он был и вовсе уволен из института.

В письме к Н. Н. Крамарж, написанном вскоре после этого, Иван Александрович сетовал, что не может приехать к ней в Прагу повидаться-поговорить, хотя очень желает этого. «И я давно, еще ранней весной сделал бы это, если бы не оголтелая нищета, владеющая мною в этом году. Квартира и стол поглощают *все*; приработков нет, иностранцев выжимают отовсюду»¹, — признавался он.

Несмотря на столь печальный поворот в своей судьбе, Ильин оставался в Германии. Единственной организацией, в которой он мог проповедовать свои идеи и зарабатывать себе на жизнь, оставалась церковь. Вплоть до февраля 1938 года Ильин регулярно выступал в евангелических храмах и соборах, на съездах евангелического духовенства с лекциями о корнях современного религиозного кризиса, о мученичестве Русской Православной Церкви.

В августе 1937 года преследования Ильина со стороны гестапо возобновились с новой силой. Поводом для них послужили многочисленные и весьма обширные, состоявшие иногда из десятков пунктов, доносы на Ильина русских эмигрантов — членов так называемого русского национал-социалистического движения.

В октябре того же года Ильин дважды вызывался на допросы в гестапо. Его спросили — не служил ли он в Москве большевикам? Ильин ответил — нет. Тогда ему задали следующий вопрос: почему его не расстреляли сразу, а выслали только через пять лет? Ильин ответил — Бог не допустил. После этого Ильина обвинили в том, что он будто бы является «тайным масоном». Ильин отрицал свое участие в масонстве².

слепнет для меры — как нос после сильной вони не в состоянии внять и различить тонкие запахи или вкус — после перца. Евреям нужен и выгоден именно антисемитизм — он облегчает им борьбу с противником, компрометирует идею юдофобства, выставляет врага — дураком и маньяком etc. Евреи выдумали бы антисемитизм, если бы его не было» (Ильин И. А. Антисемитизм // Русский колокол. Журнал волевой идеи. М., 2008. С. 807). *Добавлю к этому: по моему мнению, антисемитизм разрушителен для тех, кто его проповедует уже в силу того, что он — анти, против, а не за. Всякая ненависть более губительна не для того, на кого она направлена, но для того, из кого исходит.*

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 307.

² На самом деле Иван Александрович не только не был масоном, но и вел с ними активную борьбу. Он рассматривал масонство в качестве опаснейшей антирусской

В феврале 1938 года Ильин был вновь вызван в гестапо. После того как Ильин снова ответил отказом на предложения гестапо о его сотрудничестве с германскими властями, ему было объявлено о запрете на какие-либо публичные выступления, как на русском, так и на немецком языках, под угрозой заключения в концлагерь. Сообщая об этом С. В. Рахманинову, Ильин заметил: «К сожалению, я узнал стороною, но из достоверного источника, что все это преследование имеет цель — заставить меня принять точку зрения германского „расизма“ и использовать мое имя и мои силы в надвигающемся „завоевании Украины“. Это я сообщаю Вам строго доверительно(!)»¹. Любопытно, что письмо к Рахманинову, в котором Ильин писал о намерении немцев завоевать Украину, датируется 14 августа 1938 года, то есть о нападении Германии на СССР в самой Германии говорили еще за три года до того, как оно реально осуществилось².

В мае 1938 года Ильин приступил к подготовке своего окончательного отъезда из нацистской Германии. Ему стало ясно, что русскому человеку, любящему свое отечество, нет места в этой стране.

9 июля 1938 года супруги Ильины покинули Германию и переехали в Швейцарию. Помог им перебраться в эту страну немецкий полицейский, приставленный к Ивану Александровичу для наблюдения за ним. Слушая лекции русского ученого, он проникся симпатией к нему и увлекся его философским учением.

Покидая Германию, Ильиным удалось переправить в Швейцарию свои вещи, мебель, картины, библиотеку и самое главное — рукописи Ивана Александровича, занимавшие несколько чемоданов. «Меня вынесло из Германии как на крыльях ангелов: нигде ни зацепки, — радостно сообщал он И. С. Шмелеву в октябре 1938 года. —

силы. Надо ли говорить, что для такой оценки этого явления у русского ученого-патриота было множество оснований.

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 361.

² В письме к И. С. Шмелеву от 13 октября 1938 г. Ильин писал о том, что в апреле 1938 г. он был вызван на беседу к заместителю А. Розенберга, руководителя внешнеполитического отдела НСРП. Из слов Ильина следует, что во время этой беседы речь шла о германской оккупации Украины и о привлечении русского ученого к работе по идеологическому оправданию данной акции. Ильин ответил, что на оккупацию Украины и на ее отчленение от России никогда не согласится (см.: Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935–1946). М., 2000. С. 242).

Все спасено: до писем Врангеля, Шмелева, до записей и альбомов включительно»¹.

Радость, которую Ильин испытывал после спасения своих рукописей от возможной гибели в условиях Германии, объяснялась просто. Это были рукописи еще неопубликованных его книг, черновые наброски будущих его произведений. В письме к Н. Н. Крамарж от 23 апреля 1935 года Иван Александрович писал: «И ведь только я один и Наталия Николаевна — мы знаем одни, что я, в сущности говоря, *еще не начинался*. Все *главное*, что я *должен и призван* выговорить, еще не видало света; все только еще в черновых рукописях или отрывках и конспектах...»². Незадолго до этого Ильину исполнилось 52 года.

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935–1946). М., 2000. С. 243.

² Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 312.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ШВЕЙЦАРСКИЙ ОТШЕЛЬНИК. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПУБЛИЦИСТИКЕ И. А. ИЛЬИНА

Первые четыре месяца после переезда в Швейцарию — с июля и до ноября 1938 года — супруги Ильины проживали в Локарно-Монти на вилле у госпожи Шмидт-Варенны. Обосновавшись на новом месте, Иван Александрович подал в кантональную полицию г. Цюриха прошение о выдаче ему и его супруге разрешения на жительство в Швейцарии. С чувством достоинства он писал в нем: «Я приехал в Швейцарию и прошу разрешение на пребывание в ней как ученый, человек зрелого возраста, который уже кое-чего достиг и готов свои лучшие силы отдать гостеприимной стране. В жестокой борьбе за свободу и достоинство ученого я был изгнан коммунистами из своего Отечества и попал за границу не как беженец, а как человек, призванный истину и свободу совести поставить выше всего. Вот почему я сначала в Германии, а потом и в других странах, куда я приезжал, встречал почет и уважение. Я не политик, не политический борец. Никогда и нигде не состоял ни в какой партии. Когда меня просили рассказать о положении в моей стране, я рассказывал, но всегда делал это обдуманно, ответственно, объективно. Всякая клевета, всякая несправедливость для меня неприемлемы... Мой девиз: свобода совести, предметность, верность, такт и благоразумие. Я не позволю предписывать мне, *что* я должен выдавать за правду, — будь то коммунисты или еще какая партия. 16 лет я был гостем Германии, и ни разу не позволил себе хоть как-то публично отозваться о ее внутренних делах, или вмешаться в политику, или ввязаться в борьбу внутри страны. *Я служил ей только объективной научной истиной:* в сфере философии и конкретной социоло-

логии. И, тем не менее, последние 5 лет мне приходилось бороться там с немалыми трудностями по известным причинам. Чуждое, авторитарно навязанное мне „мировоззрение“ я не мог да и не позволил бы себе терпеть. Особенно — следовать расовой доктрине, вымолвить слово „ненависть“. Мне надо было отстаивать христианскую свободу совести и спокойно переносить хулу из-за кулис». Далее Ильин сообщал, что из Германии он выслан не был, и у него есть отметка в паспорте о возвращении назад. «Однако на деле, — отмечал он при этом, — жизнь там дальше становилась невозможной, и мое служение Господу на небеси и людям на земле надо было продолжать в другом месте. Для меня жизнь — всегда *служение*, и никогда — карьера. Так было, так и остается. Я бы всем, что знаю и что могу, хотел служить всегда мною уважаемому и любимому народу Швейцарии»¹.

8 августа Ильин получил письмо из Управления полиции по делам эмигрантов г. Цюриха с просьбой сообщить, на каком основании швейцарское посольство в Берлине выдало ему визу и с какой целью, и где он желает проживать — непосредственно в Цюрихе или в пределах его кантона, каковы его доходы и имущественное положение, есть ли у него счет в банке. Вместе с тем Ильина уведомляли о том, что в случае разрешения на жительство в кантоне Цюрих он должен будет внести минимальный залог в 4000 франков в финансовое управление г. Цюриха². Таких денег у супругов Ильиных не было, но выручил С. В. Рахманинов, давший Ивану Александровичу необходимую для залога (кауции) сумму³.

23 сентября Ильин обратился в Департамент правосудия и полиции Швейцарии с просьбой продлить ему и его жене визу, истекавшую 1 октября, до 1 декабря 1938 года. Этой датой в их паспортах, выданных полицейским управлением Берлина, было помечено возвращение назад. Швейцарская полиция дала положительный ответ на эту просьбу.

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. М., 2004. С. 501–502.

² См.: Там же. С. 503–504.

³ В декабре 1946 г. Ильин писал жене С. В. Рахманиновой Наталье Александровне об этом поступке Сергея Васильевича: «Никогда не забуду я ту легкую и благородную доброту, с которой он выручил меня в 1938 г., внося за меня залог швейцарскому правительству!» (Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 15).

В качестве своего постоянного места жительства в Швейцарии Ильины выбрали пригород Цюриха — Цолликон, куда и переехали 31 октября. 23 ноября Цолликонский совет дал Ильиным разрешение на проживание здесь в течение года. Но кантональная полиция спустя пять дней аннулировала это разрешение и в грубой форме предложила Ильиным возвратиться в Германию. Иван Александрович обратился в более высокие инстанции и 1 декабря получил окончательное разрешение на пребывание в Швейцарии. Так начался последний — швейцарский — период его жизни.

Жизнь в Швейцарии оказалась для супругов Ильиных не менее трудной, чем в Германии. Швейцарские власти разрешили русскому ученому «заниматься только научной деятельностью, проводить исследования». Ему было запрещено «сотрудничество в швейцарской периодике». «Всякая другая деятельность — смена профессии, использование ее не по назначению, самовольство, равно как и работа в домашнем хозяйстве, где не используется женский труд, а также любая другая должность в городе» были для него «строжайше запрещены»¹.

В письме к И. И. Сикорскому от 4 апреля 1947 года Иван Александрович следующим образом описывал свое положение: «Мы находимся в Швейцарии с июля 1938 года. Я не имею кафедры, ибо для этого надо бы быть или католиком (а я — антикатолик...), или же — масоном (а я антимасон...). Первые три года было очень трудно. Я и теперь не имею здесь ни права оседлости, ни права на труд... Но Бог милостив, и я еще другим помогаю. Много пишу. Много печатаю. Но увы — по-немецки. А то, что я пишу по-русски, остается лежать за неимением издателя. Но я не унываю, — пишу для моего народа впрок. И молюсь: призри на труды мои! Соблуди их для народа моего! Все в Руке Божией...»² В ноябре 1947 года Ильин писал редактору нью-йоркской газеты «Россия» Н. П. Рыбакову: «Я переехал сюда в Швейцарию в июле 1938 года, после того как выяснил для себя окончательно, что готовится мировая война, в которой главной ставкой Германии будет — завоевание России. К этому времени как раз Гештапо запретила мне всякие выступления; кафедру же я потерял еще в 1934 году. С тех пор я нахожусь в Швейцарии *без права оседлости и без права на труд*.

¹ См.: Ильин И. А. Собрание сочинений: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. М., 2004. С. 506–507.

² Там же. С. 184.

Не сомневаюсь, что имел бы и то и другое, если бы примкнул к католикам или к масонам. Но я останусь до конца дней русским „мустангом“, свободным патриотом, повинующимся только Богу и Совести...»¹

Причины выпавших на его долю тягот Ильин видел в глубинной сущности западной демократической системы как таковой. В письме к Н. В. Борзову от 17 августа 1948 года русский ученый следующим образом объяснял причины ограничительной политики, проводившейся в отношении него швейцарскими властями: «Я здесь живу вот уже десять лет в такой бесправии, какого я никогда и нигде еще не переживал. Мне запрещен заработок. Почему? Потому что я не принадлежу к „привилегированным“ мира сего. Целый ряд евреев и масонов в аналогичном со мною положении имеют все права. Так же обстоит и с иезуитами. По понятным причинам я изучал детально сей вопрос и могу сказать, что **в современной демократии ничего не стоит оказаться рабом. Свобода и равенство — это пустой разговор: есть привилегированные и зажимаемые.** Меня уважают все инстанции, к чему я имею письменные доказательства. С особого разрешения я могу напечатать книгу и даже поместить по просьбе какого-нибудь швейцарского журнала „рецензию“ на какую-нибудь книгу. Но это и все. Выкручиваюсь я — негласным трудом, который всегда может прекратиться. Уповаю же на милость Божию»² (выделено мною. — В. Т.).

Положение Ильина усугубляли болезни, которые в последнее десятилетие его жизни накачивались на него одна за другой. Его тело оказалось слишком слабой оболочкой для его души. Жалобы на телесные боли все чаще прорывались в его письмах к друзьям и даже просто знакомым. В письме к своему другу И. С. Шмелеву от 14 ноября 1939 года Иван Александрович делился некоторыми подробностями о своих переживаниях: «Материально мы с трудом переваливаемся из месяца в месяц. Морально и национально бодрь. Боли в голове по-прежнему. Все исследования привели докторов к тому, что перенапряженные нервы, раздраженные до остроты возрастно-запоздавшей glandной операцией, спазматически судорожничают, пожирают весь сахар в крови и вызывают невралгически — (ревматические?) симптомы, именуемые „полиневритом“. Пробую сейчас рас-

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 196.

² Там же. С. 115.

прячь нервы электризацией. Помогает несколько беллергал. Права на работу не имею»¹.

Русскому ученому, переехавшему в Швейцарию в возрасте 55 лет и получившему лишь разрешение на проживание здесь, было весьма трудно найти работу, которая могла бы дать хоть какие-то средства для существования. Но в условиях, когда ему еще и запрещалась любая деятельность, кроме научной, найти такую работу было почти невозможно. Спасли Ильина в этом, казалось бы, совершенно безвыходном положении его таланты лектора и писателя. В совершенстве зная немецкий язык, он стал читать лекции немецкоязычным швейцарцам в народных университетах, ученых и культурных обществах, в церковных общинах. В обстановке Второй мировой войны и особенно после нападения Германии и своры ее сателлитов на Советский Союз у швейцарцев появился интерес к русской истории и культуре. Кроме того, в Швейцарии проживало немало выходцев из России, для которых лекция русского профессора да еще о родной стране была событием. Русские эмигранты составляли немалую часть аудиторий, в которых выступал Ильин.

Одну из таких лекций он читал на немецком языке 3 марта 1944 года. Присутствовавшая на ней Герда Герцог писала на следующий день Марии Артуровне Бетман² об Ильине, его лекции и о том, как эта лекция подействовала на нее: «Вчера Иван Александрович Ильин читал у нас свою лекцию «*Der Wergang der Russischen Reiches* (Ход развития Русского государства). Времени у него было немного больше, чем 1 ½ часа, а для материала, который у него имелся, на эту тему, нужно было 8 часов. Он очень спешил, и это было жаль, но опять и было понятно, что на такую обширную тему нельзя всего сказать в 90 минут. Говорит он очень уверенно и интересно. Удачными жестами сопровождает свои мысли и своим ярким языком сумел всех втянуть в какое-то возбужденное состояние. С виду типичный ученый. Очень высок, лысина, бородка клинушкой, худощав и когда, по окончании, одел русскую меховую шапку, то для меня в этот момент он представлял всю Россию. Так он был похож на русского! Страшно был удивлен, когда услышал, что мы из России и как только заговорили, казалось, и не кончим. Один вопрос полетел за другим и снова казалось мне, как тогда на *Herzberg* (гора сердца), что всегда знали

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935–1946). С. 281.

² Секретарю Н. А. Рубакина, обосновавшегося в Швейцарии со своей знаменитой библиотекой.

друг друга. Денег этих стоила его лекция, даже больших, это почувствовали и швейцарцы. Я пошла с отцом проводить его на вокзал, и тут мы поближе познакомились друг с другом. Он разъезжает по Швейцарии, но каждый раз должен запрашивать *Fremdenpolizei* (полицию для иностранцев), причем каждый раз ему ставится в обязанность не касаться политики. Он у них, очевидно, хорошо приписан, т. к. всегда получает разрешение. Он очень рад, что может от вас получать книги, и когда я ему сказала, какая огромная у Ник<олая> Ал<ександровича> библиотека¹, то хотел обязательно заехать, если будет поближе к вашим краям. Говорит хорошо по-немецки, только по букве *h* можно узнать, что он русский... Сейчас, 24 часа спустя, я поуспокоилась, но вчера *war als ganz aus dem Häuschen* (была вне себя). Пришла домой в таком веселом настроении, что, стоя на пороге кухни, протанцевала там какие-то па. Не хотелось совсем спать, а хотелось идти в лес гулять, да и сегодня утром, кажется, если б можно было, села бы в поезд и поехала в Москву. Не хотелось возиться на кухне, а хотелось чего-то, чего сама не знаю. Думаю, что за 24 года хоть немного „ошвейцарилась“, а вчера снова увидела, что ни на грош не изменилась, и показалось мне все как-то узким и мелким. Очень красивую характеристику он дал русской женщине и няне, первое, может, в назидание швейцарцам. Снова я была в России, все кругом куда-то провалилось. Очень бы хотелось послушать его о Толстом. Здешним, кажется, так понравился, что хотят его пригласить еще раз. Успокоилась я немного, когда сегодня утром написала ему письмо. Обещался в следующий раз зайти к нам. Ленин его спас от казни и велел обратиться из России, в Германии должен был читать какие-то лекции по указу немцев и в <19>38 году перебрался сюда. Правда, нужно много храбрости, силы воли, чтобы в его годах приниматься снова и

¹ И. А. Ильин в то время уже пользовался книгами из библиотеки Н. А. Рубакина, находившейся в Лозанне, и состоял с ним в переписке. «Глубокоуважаемый Иван Александрович! — обращался к нему Николай Александрович 4 августа 1942 г. — Ваше имя, разумеется, нам известно тоже, хотя бы по тем, к сожалению, немногим произведениям Вашим, которыми уже располагает библиотека нашего Института. Разыскиваемые Вами научные труды Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» и Фамищыва «Божества древних славян», ныне ставшие уже редкими, у нас имеются, и мы готовы предоставить их Вам как ученому и литературному работнику» (Ильин И. А. Письма. Мемуары (1939–1954). С. 389). В начале февраля 1943 г. Ильин просил Рубакина предоставить ему книги по русской народной словесности, мифологии и религиозным верованиям таких авторов, как А. Потенба, А. Н. Веселовский, Ф. Буслаев, Е. В. Аничков, Д. К. Зеленин (там же. С. 391).

снова устраивать свою жизнь. У него три книги, написанные на немецком языке. Внешность — настоящий русский барин!»¹

Русских эмигрантов в Швейцарии было немного — особенно по сравнению с Францией — тем не менее и здесь существовали русские эмигрантские организации, выходили периодические издания на русском языке. Так, организация под названием «Русское Трудовое Христианское Движение» издавало газету «Новый путь». В качестве приложения к ней выходил «Голос русской молодежи». В мае 1939 года И. А. Ильин опубликовал в этом издании статью «О незыблемых основах», в которой писал: «Без веры, родины и семьи нет духовно почвенного, органически верного, к творчеству призванного человека. Есть только „интеллигентики“ наверху и хулиганы внизу. Именно те умственные человеки, высиженные в полунаучных заведениях, гомункулы из реторт, — и те безверные, безродные, развратные башибузуки из черни — которые совместно делали и сделали большевистскую революцию».

Не имея права выступать в периодических изданиях Швейцарии под собственным именем, Ильин стал публиковать в них свои статьи под псевдонимами — *Peter Just*², *R. K*³, *K. P*⁴, *S. L.*, *Julius Hefer* — или анонимно.

Это был тяжелый труд. Подготовка статьи на злободневные политические темы всегда требует наличия у ее автора не только специальных знаний, но и достоверной информации о тех или иных событиях или процессах, о которых он пишет. Иван Александрович был к тому же чрезвычайно добросовестным ученым: он не мог публиковать то, что казалось ему сомнительным, и для рассеивания даже самых мелких сомнений шел в библиотеку, просматривал горы книг, преодолевая болезни и усталость.

¹ Герцог Г. А. Письмо к М. А. Бетман от 4 марта 1944 г. // Ильин И. А. Письма. Мемуары (1939–1954). С. 393–394.

² Петр Справедливый.

³ Под этим псевдонимом публиковались статьи И. А. Ильина о России. Отсюда можно сделать вывод, что *R. K.* означает «*Russish Korrespondent* (Русский Корреспондент)».

⁴ Под псевдонимом *K. P.* публиковались статьи Ильина о событиях в Прибалтийских государствах: Ю. Т. Лисица предполагает в своем комментарии к статьям русского мыслителя швейцарского периода его жизни, что, вероятно, эти буквы обозначают «Корреспондента из Прибалтики». См.: *Ильин И. А. Собрание сочинений: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов.* М., 2004. С. 537.

Но больше всего тяготили Ильина не труды по подготовке статей — в этих трудах прошла почти вся его жизнь после окончания университета — а постоянная боязнь того, что редакции газет, для которых он писал свои статьи, исказят их при редактировании. Один из случаев подобной редакторской «правки», произошедший в начале июля 1944 года, стал для него настоящим потрясением. Самуэль Гаас, в газете которого Ильин с конца 1938 года регулярно публиковал свои материалы, исказил при редактировании его статьи смысл ее таким образом, что Россия предстала в виде страны, вынашивавшей планы завоевания Европы. Иван Александрович, в котором чувство патриотизма было безмерным, воспринял случившееся как ножевой удар в свое сердце. «Не могу уяснить причину, почему Вы, редактируя текст, — писал он Самуэлю Гаасу 8 июля, — отменили ту принципиально важную разницу, которую последовательно провожу я между двумя такими понятиями, как: 1) Сталин, компартия, III Интернационал и 2) Россия как поработанная страна и замученный смертельно народ? Мало того. Вы трактуете эти совершенно несовместимые понятия как равнозначные. Так, на с. 13: «Россия постоянно вынашивала планы подрыва, пролетаризации и большевизации Европы»; на след. стр.: «Москва стремится к физическому устранению антисоветских элементов повсеместно» и т. д.

При чтении этих строчек у меня почернело в глазах. **Россия — это моя Родина, которую я люблю безмерно, из-за которой вся моя личная жизнь поломалась, ради которой я пожертвовал профессией ученого. А Москва — историческая святыня моего народа, город моих отцов.** Обе они насчитывают тысячу и более лет, но никогда не вынашивали они сатанинских планов против Европы.

Последние 22 года это был мой крест: мне постоянно приходится наталкиваться на такое непонимание и такое небрежение. Все это время здесь, в Европе, я работал неустанно над тем, чтобы донести правду о России и чтобы предупредить европейцев о коммунизме. Но, как видно, мне это не удается и повергает в отчаяние.

Такую напраслину я бы не возводил никогда и даже *повода* к тому не давал бы. Я бы скорее дал зарок вечного молчания, чтобы не причинить невзначай столь добросердечному, столь героическому, вконец измученному народу такой несправедливости. А вот *Вашему народу* я могу поставить в вину нечто совершенно другое, нечто полностью противоположное сказанному.

Вот уже третий день, как я тяжело борюсь с собой, окончательно утратил сон, не написал ни строчки. Если бы Вы знали, какие раны Вы нанесли мне своими исправлениями в тексте. То, что под ним не стоит моей фамилии, для меня не утешение: я отвечаю за все перед своей совестью и перед своим Отечеством.

Если бы Вы только заглянули мне в сердце и поняли, как я корю себя, как клянусь судьбу свою, то не смогли бы не признать, что такую любовь может вызвать к жизни и заслужить только духовно великий народ...»¹

Начало Второй мировой войны, поводом для которой явилось нападение Германии на Польшу, отозвалось в Ильине огромной душевной болью. «Какая гнусность сделана над Польшей и Варшавой! — возмущался он, обращаясь к И. С. Шмелеву. — Неужели Бог не накажет? Подумайте: разорвали сердце Шопена, хранившееся в урне — символически взять — это почти непереносимая мысль!»

Победы немецких войск не пошатнули в Ильине убеждения в том, что судьба Германии, опять развязавшей мировую бойню, будет плачевной. «Положение я вижу так, — делился он своими предчувствиями с И. С. Шмелевым спустя два с половиной месяца после начала войны. — *Hitler* сорвался и проиграл дело. Навредить он сможет много. Победить — никак. Сталин обматывает его вокруг пальца: шантажирует, обещает, вымогает, а даст пустяки. Даст столько, сколько надо, чтобы *разжечь* войну, но не столько, сколько надо, чтобы победить»². В письме, написанном своему другу-писателю 2 июля 1945 года, Иван Александрович сообщал, что предвидел плачевный конец фашистской Германии еще в первые годы правления Гитлера: «Захваты Гитлера в Европе в 1937–1939 гг. только *казались* успехами, на самом же деле были для его страны опасны, а для него самого гибельны... Судьбы мира в руке Божией; нам долго многое остается недоступным. Но возможно и предвидение. Так я с самого начала гитлеризма в Германии предвидел, что будет мировая война, нападение на Россию и потеря войны для Германии. В те страшные дни, когда германцам удалось ворваться во Францию и *весь честный мир трепетал за Францию и ее судьбу*, я предсказывал моим швейцарским друзьям, что Германия будет побеждена и разбита. Ныне это стало фактом... Германии было предназначено впасть в преступное безумие и злодей-

¹ Ильин И. А. Письмо к Самуэлю Гаасу от 8 июля 1944 г. // Ильин И. А. Собрание сочинений: Сталин и Гитлер. Публицистика 1939–1945 годов. С. 466–467.

² Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935–1946). С. 281.

ство — и пасть. Такая судьба не есть ее исключительное достояние в истории»¹.

В этом же письме к Шмелеву Ильин выразил свое отношение к национал-социалистам: «Они — враги России, презиравшие русских людей последним презрением; они разыгрывали коммунизм, как свою пропагандную карту. Коммунизм в России был для них *только предлог*, чтобы оправдать перед другими народами и перед историей свою жажду завоевания»².

Соппротивление, которое советская армия оказывала вторгнувшимся в пределы СССР превосходившим ее численностью, вооружением и, главное, опытом ведения боевых действий немецким войскам, восхищало Ильина. Главную причину стойкости советской армии он видел в душевном складе русского народа, выработанном историей, климатом, природой, религией. Именно этот душевный склад придал русскому народу выносливость, сполна проявившуюся с самого начала Великой Отечественной войны. В статье «Русская выносливость», опубликованной 20 августа 1941 года в швейцарской газете «*Anzeiger aus dem Bezirk Affltern*», Ильин писал: «С уверенностью можно сказать одно: *нигде на эту выносливость не рассчитывали*. Ее появление как непредусмотренный фактор этой войны, как необъяснимое поведение народа, кажется неожиданно, и все же такое поведение связано с душевным складом русского народа, и мы поступим верно, если хорошо это запоем. На то, чтобы русский стал выносимым, повлияло множество обстоятельств — климат, природа, земля, история, политика и религия. Россия *возникла благодаря терпению* и, выстояв, выросла. Вся ее история — это результат терпения. Без готовности служить и способности к самопожертвованию русский народ не смог бы пережить и столетия своего существования. Этим объясняется и ход коммунистической революции: невероятное давление коммунистического режима, беспощадная эксплуатация народа, всеобщая экспроприация и религиозные преследования восприняты и переносятся русским народом как *новое историческое время*, как ниспосланное Богом испытание и кара»³.

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935–1946). С. 316–317.

² Там же. С. 317.

³ Ильин И. А. Русская выносливость // Ильин И. А. Собрание сочинений: Сталин и Гитлер. Публицистика 1939–1945 годов. С. 77.

Говоря о необыкновенной выносливости русского народа, Ильин убедительно доказывал, что ее нельзя понимать в качестве проявления пассивности или рабской покорности. Выносливость русского народа заключается, подчеркивал мыслитель, «не в том, чтобы уступчиво изменять свой нрав, свою веру и свою внутреннюю позицию, а скорее в том, чтобы мужественно дать отпор неодолимым обстоятельствам и утвердиться в своем. Когда однажды пробьет час свободных исторических исследований и будет опубликовано число казненных, брошенных в тюрьмы и сосланных коммунистами за 24 года людей, весь мир не поверит своим глазам и ушам. То, что народ претерпевает этот гнет, вовсе не проявление пассивности, не фатализм и тем более не рабский характер, а единственный оставленный ему способ борьбы — мужественное, полное достоинства и стойкое „нет“, утверждение себя вопреки всем угрозам. Правда, это „нет“ мученичества, потому что „нет“ после гражданской войны объективно невозможно. Однако мученичество не имеет ничего общего с рабским настроением и фатализмом»¹.

Победа СССР над фашистской Германией не примирила Ильина с советской властью. «Россию спас *народ*: он использовал трупную форму советчины как *орудие* для разгрома своего векового врага; он разыграл роль внутреннего врага против внешнего. Победил и домучивается теперь от внутреннего. Все, что советы „добудут“ в итоге этой победы, все *именно поэтому* потеряет национальная Россия, ибо мир доселе не отличает „советское“ от Русского, „коммунистическое“ от национального»². Так понимал Ильин смысл великой русской победы.

Окончание Второй мировой войны, самой жестокой, самой кровопролитной в мировой истории, не принесло человечеству избавления от угрозы повторения подобных событий в еще большем масштабе. В статье «Атомная бомба и мировая культура», написанной Ильиным как отклик на первое применение этого нового смертоносного оружия и опубликованной 21 августа 1945 года в газете «*Badner Tagblatt*», русский мыслитель представил кровавые события XX века как проявление серьезного духовного и морального кризиса человечества. «Во Второй мировой войне ужасным образом подтвердились самые тяжкие предчувствия и опасения, возникшие после Первой

¹ Ильин И. А. Русская выносливость // Ильин И. А. Собрание сочинений: Сталин и Гитлер. Публицистика 1939–1945 годов. С. 78.

² Там же. С. 355.

мировой войны», — констатировал он. «Теперь очевидно, — сообщал он подробности диагноза, — что *человечество кишит безответственными и разнужданными элементами; что демократии могут изнутри развиться в тоталитарные деспотии; что тоталитарная форма государства может вершить страшные дела внутри и вне страны, духовно переделывать и губить целые поколения; что империализм отдельных больших государств порождает новую, современную форму демагогического цезаризма, а большие слои людей делают себе из захватнической войны профессию. Мир, кажется, охватила судорожная жажда власти, и современная техника (радио, самолет, взрывчатые вещества, газы) все более становится ее инструментом*»¹.

С осени 1945 года Ильин стал болеть чаще. Он быстро нашел объяснение своим телесным болезням и принимал их с полным спокойствием. В письме к И. С. Шмелеву от 29 ноября 1945 года Иван Александрович писал: «Думаю, что извелся за эти годы перегружением симпатической нервной системы антипатическими явлениями всемирной истории. Следишь, следишь за мерзостями людей и за страданием родного народа, — и изнемогаешь от воображения, и отвращения, и бессилия. А ведь я всю жизнь прожил „идентификаторно“ — так и влезает в чужую шкуру — рад не рад: — слишком много катится через меня»². В начале 1947 года Ильин сообщал бывшей своей ученице М. А. Дерюгиной: «Живем тихо, много работаем, „двигаем науку“, как говорили в наше время студенты перед экзаменами. Словом, пока Бог милует и грехи наши терпит. Мучаюсь я по-прежнему. Недавно был у 18-го доктора, специалиста по сердцу. Утешил; говорит: жить еще долго, мучиться много...» Свои болезненные состояния Иван Александрович воспринимал как истинный философ — от рассказов о болезнях своего тела легко переходил к размышлениям о болезнях мира: «Надо так жизнь устраивать, из расчета, что злодейства и гноя на наше земное пребывание *хватит еще*. Мир отдан дьяволу в научение и проучку. А нам надо крепиться и молиться. Кто когда-нибудь *хоть раз* испытал, что значит *услышанная и исполненная* молитва, тот счастливый человек на всю жизнь. Он нашел *дверь и лестницу из земного ада*»³.

¹ Ильин И. А. Атомная бомба и мировая культура /// Ильин И. А. Собрание сочинений: Сталин и Гитлер. Публицистика 1939–1945 годов. С. 358.

² Там же. С. 364.

³ Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 169.

Подлинным спасением был для Ильина огонь творчества, который продолжал гореть в нем несмотря ни на что, и боли душевные и телесные замирали перед этим огнем. Иван Александрович писал книгу за книгой и иногда, пусть с большим трудом, находил возможности их публиковать. Он продолжал работать во время пребывания в Швейцарии над произведением о монархии и республике, над книгой по философии религии, трактатом о сущности правосознания, писал статьи о России настоящей и будущей. В его творческой лаборатории в одно и то же время разрабатывалось, как правило, несколько книг и статей. Сам Иван Александрович писал об этой особенности своего творческого процесса в письме к архимандриту Константину (Кириллу Зайцеву) от 12 сентября 1952 года: «В течение десятилетий вынашивая мои книги, кои „варились“ сразу во многих котлах (в котором забурлит – счерпаешь, запишешь и опять крышку прикроешь), я постоянно помнил одно: надо, чтобы *вызрело*, я отвечаю перед лицом Божиим, неважно скоро-и-многопечтаться, важно, чтобы созрело. А затем? Если Господь благословит моих детей, то они уцелеют, и напечатаются, и послужат Его делу. А если они Божьему Делу не нужны, так мне и подавно торопиться некуда»¹.

Еще в Берлине Ильин завершил и в 1938 году выпустил в свет книгу, посвященную философии жизни, под названием «*Ich schaue ins Leben. Ein Buch der Besinnung*» (Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий)². В 1943 году в Берне вышла в свет вторая его книга этой серии — «*Das verschollene Herz. Buch der stille Besindungen*» (Отзвучавшее сердце. Книга тихих созерцаний)³. В 1945 году в Цюрихе была опубликована третья часть размышлений Ильина о жизни — «*Blick in die Ferne. Ein Buch der Einsichten und der Hoffnungen*» (Взгляд в даль. Книга размышлений и упований)⁴. О содержании первой из указан-

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 162–163.

² В 1939 г. она вышла в Берлине 2-м изданием. См. эту книгу в переводе на русский язык в издании: Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 3. М., 1994. С. 89–227.

³ Ильин предполагал издать эту книгу на русском языке под названием «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний», но сделать это не успел. Подготовленный им русский вариант ее был издан в 1958 г. Н. Н. Вокач. См. современное русское издание этой книги: Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 3. С. 227–380.

⁴ Русский вариант данной книги Ильин намеревался написать и издать под названием: «О грядущей русской культуре. Книга заданий и надежд», но и это его намере-

ных книг говорят уже названия ее глав: «Тяготы жизни», «Жалобы», «Сведение некоторых счет». «Опасности», «Проблемы характера», «Об искусстве жизни», «Наставления», «Дифирамбы», «Дорога к свету». Послесловие автор обозначил как «Утешение».

Вступление к книге «Я вглядываюсь в жизнь» Ильин посвятил искусству чтения. «Истинное чтение, — писал он, — это своего рода художественное ясновидение, которое призвано и способно точно и полно воспроизвести духовные видения другого человека, жить в них, наслаждаться ими и духовно обогащаться ими. Это есть победа над разлукой, далью и эпохой. Это есть сила духа — оживлять буквы, открывать в себе внутренние пространства, созерцать нематериальное, отождествляться с незнакомыми или даже умершими людьми и вместе с авторами, художественно или мысленно пережить сущность вселенной»¹. В одном из очерков, вошедших в главу «Дорога к свету», Иван Александрович написал обо осознании им самого себя: «Я всегда стараюсь различать — кто я есть в действительности и каким меня видят другие. Других ведь — неопределенное количество, и каждый видит меня на свой лад. Как я с этим примирюсь — второй вопрос; но я навсегда останусь тем, кто я есть в действительности. Один меня переоценивает, от этого я не стану лучше; другой недооценивает меня, от этого я не стану хуже или незначительней. Тот, у кого есть хотя бы небольшой жизненный опыт, знает, как доброе имя человека можно испоганить сплетнями, злословием или клеветой. Как подумаешь, чего только о нас не говорят! Чего только не поведает глупейшая сплетня, чего не сумеет выдумать злостная клевета. Невероятно. Часто бесстыдно... Надежда всем понравиться наивна и бесперспективна, так же как и желание, чтобы тебя все видели в верном свете и оценивали справедливо. Это особенно относится к нашему полному страстей бурному времени. Чем сложнее, тоньше и глубже внутренняя сущность человека и чем эффективнее его внешность, тем менее верно его нередко воспринимают, тем несправедливее оценивают. Нам, обычным людям, конечно, легче: кто интересуется нами? Кто станет нам завидовать сверх меры? Ведь воробьи — и те пролетают мимо нас равнодушно. А тем не менее мы имеем дело с „кри-

ние осталось неисполненным. См. перевод на русский язык с немецкого варианта ее в издании: *Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 8. М., 1998. С. 341–564.*

¹ *Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 3. М., 1994. С. 92.*

вым зеркалом“ общественного мнения, утверждаемся по отношению к нему и защищаемся от него.

Нам надо раз навсегда примириться с тем, что каждый из нас носит в себе „отображение“ („имаго“) и что это „отображение“ не является „подобием“. Мы не должны гоняться за своими отображениями в чужих душах, чтобы их подправить или украсить. Скорее целесообразно великодушно и благородно предоставить всем людям „право на заблуждение“ в этом отношении и не взваливать на себя обязанность правдивой „ретуши“. Стоит представить себе, какой сумасшедший дом, если бы все гнались за тем, чтобы залатать или украсить свой собственный „имаго“ в соответствующей чужой душе, — недостойное занятие для людей с комплексом неполноценности.

Неверно ставить свое бытие в зависимость от чужих людей; доверять собственное достоинство чужой близорукости или враждебности; позволить исчезнуть центру личной жизни. Бытие стоит впереди видимости, а элемент обманчивости неотделим от существования видимости. Мое бытие должно быть верным, тогда пусть моя видимость будет неверной. Я не то, что говорят, а возможно, шепчут или кричат обо мне другие. Я нечто гораздо большее, чем перекрестье их непонятливых, злобных, низких фантазий»¹.

Русский вариант своей книги «*Das verschollene Herz*», то есть «Отзвучавшее сердце», Ильин назвал «Поющее сердце». Первые ее страницы были посвящены, так же, как в произведении «Я вглядываюсь в жизнь», размышлениям о чтении. «Читать — значит *искать и находить*, — писал он, — ибо читатель как бы отыскивает скрытый писателем духовный клад, желая найти его во всей его полноте и присвоить его себе... По чтению можно узнавать и определять человека. Ибо каждый из нас есть то, *что* он читает; и каждый человек есть то, как он читает; и все мы становимся незаметно тем, что мы вычитываем из прочтенного, — как бы букетом собранных нами в чтении цветов...» Кроме того, в предисловии к этому произведению Иван Александрович признавался, что она «выношена в сердце, написана от сердца и говорит о сердечном пении». Очевидно, что слова «Поющее сердце» — лучшее название для такой книги. Главным словом ее содержания Ильин сделал «любовь». «*Нельзя человеку прожить без любви, потому что она сама в нем просыпается и им овладевает. И это*

¹ Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 3. М., 1994. С. 221–222.

дано нам *от Бога и от природы*»¹, — писал он. «Нельзя человеку прожить без любви, — продолжал он свои размышления, — и потому, что она есть *главная выбирающая сила в жизни*. Жизнь подобна огромному, во все стороны бесконечному потоку, который обрушивается на нас и несет нас с собою. Нельзя жить *всем*, что он несет; нельзя отдаваться этому крутящемуся хаосу содержаний. Кто попытается это сделать, тот растратит и погубит себя: из него ничего не выйдет, ибо он погибнет во всесмешении. Надо *выбирать*: отказываться от очень многого ради сравнительно немногого; это немногое надо привлекать, беречь, ценить, копить, растить и совершенствовать. И этим строить свою личность. Выбирающая же сила есть *любовь*: это она „предпочитает“, „приемлет“, „прилепляется“, ценит, бережет, помогает и блюдет верность»².

¹ Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 3. С. 232.

² Там же. С. 233.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ. СЕРИЯ СТАТЕЙ «НАШИ ЗАДАЧИ». КНИГА «АКСИОМЫ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА»

Одной из основных тем творчества Ильина в послевоенный период стала проблема будущего России. Он не сомневался в том, что плывший Россию коммунистический строй рано или поздно рухнет, и думал над тем, какая государственная форма будет в наибольшей степени соответствовать интересам русского народа в посткоммунистическую эпоху.

Оказавшись в эмиграции, Ильин продолжал внимательно следить за тем, что происходило в большевистской России. Анализу процессов, совершавшихся в 20–30-е годы в СССР, он посвятил целый ряд своих произведений¹. Еще в 1927 году он поставил перед собой в качестве главной задачи исследование перспектив будущего политического и социального развития России. «Знаете, нам надо жить не эмигрантщиной и не ближайшей злобой дня, — обращался он в письме к И. С. Шмелеву от 14 сентября 1927 года. — **Надо уйти в ту глубину России, которая чревата будущим.** Я ведь совершенно серьезно отношусь к пророчественности: но только дело здесь совсем не в предсказывании, когда кто ногу сломит или кто чем заболит, а в том, чтобы уходить в *наличную глубину*, из которой видны духовные

¹ См.: Ильин И. А. Собрание сочинений: Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве. Часть I и II. М., 2001; Ильин И. А. Собрание сочинений: Мир перед пропастью. Часть III: Аналитические записки и публицистика (1928–1941). М., 2001; см. также собрание брошюр и статей Ильина о большевизме в издании: Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 7. М., 1998.

пути грядущего»¹ (выделено мною. — В. Т.). В 1950 году Иван Александрович признавался в письме к Н. В. Борзову: «О себе же я пишу мало, ибо я весь в „предметах“ — Россия, религия, мои труды, и затем помощь там, где люди делают верное дело; к этому сводится моя личная жизнь... Главное горе ее в том, что у меня *складываются в готовом виде основные работы моей жизни* и я не вижу перспективы для их напечатания... Поймите — *я как ученый и писатель почти умер при жизни и притом в самом разгаре творчества*, когда идет полным ходом сбор моего духовного урожая, *зревшего в течение десятилетий!* **И все, что я уже написал и еще пишу, и еще напишу, — все посвящено возрождению России, ее обновлению и ее расцвету...** И все это никому не нужно и после моей смерти пропадет впустую... Вот мое жизненное горе, которое я несу с великою болью...»² (выделено мною. — В. Т.).

Среди работ Ильина, посвященных будущему России, особое значение имеют статьи, написанные им в 1948–1954 годах для еженедельных газетных листков эмигрантской патриотической организации «Русский Обще-Воинский Союз» и объединенные общим названием «Наши задачи»³. Иван Александрович посылал эти статьи в Париж к Алексею Александровичу Лампе. Если это было необходимо, они обсуждали их посредством переписки. Окончательные варианты статей направлялись в Брюссель, где они, после одобрения тогдашним начальником Русского Обще-Воинского Союза генералом Архангельским, печатались и рассылались по всему миру русским эмигрантам — членам указанной организации. Имя автора статей не указывалось⁴. Впервые оно было названо только в 1952 году в речи А. А. Лампе на торжественном собрании по случаю 80-летнего

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1927–1934). С. 63.

² Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 127.

³ Некоторые из статей, переданных Ильиным в указанное время для листков РОВС, были написаны им в 1940–1941 гг. для периодического издания «Заочное чтение», выходившего в Женеве. Они были опубликованы в 9 номерах его под общим названием «О грядущей России».

⁴ Сам Ильин следующим образом объяснял эту безымянность своих статей (в письме к И. М. Андриевскому от 6 сентября 1953 г.): «„Наши задачи“ я выпускаю от лица Управления РОВС с апреля 1948 г. Аноним обдуманый, сознательный и полезный. Надо, чтобы содержание было предметно и чтобы оно говорило за себя; а имя не важно. Но ответственность я несу за все уже в силу того, что все написано мною. И когда дело требует, я замещаю аноним полной подписью» (Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 176).

юбилея генерала Архангельского. В своем отклике на смерть Ильина, написанном 15 января 1955 года и опубликованном в бюллетене Русского Обще-Воинского Союза, Лампе писал о значении статей серии «Наши задачи»: «Все 215 выпусков, созданных ярким умом покойного, представляют теперь собою совершенно исключительное собрание мыслей, образов, понятий и определений, которые, несомненно, не только теперь, в переживаемое нами время, но и в будущем представят собою *основу для работ о России всех национально мыслящих русских людей*. Вопрос издания всех выпусков типографским способом, в виде книги, составляет сейчас особую заботу издательства, которое призывает всех, кто понял и оценил наши бюллетени — вместе с издательством изыскать возможность такого увековечения памяти почившего нашего Учителя и Друга»¹ (курсив мой. — В. Т.). Усилиями членов Русского Обще-Воинского Союза книга «Наши задачи» была подготовлена к печати и в 1956 году вышла в Париже двухтомным изданием².

Формулируя идеологическое направление своих статей для бюллетеня РОВС, Ильин в марте 1948 года писал: «После тридцатилетнего рабства России нужны не доктринеры, выучившие наизусть десяток чужих, идеологических или программных тезисов и намеревающихся насильственно и монолитно калечить ими русскую жизнь, а люди, умеющие *самостоятельно наблюдать и мыслить*, способные к *собственным воззрениям и независимым убеждениям*»³. Поэтому наши краткие статьи должны рассматриваться лишь как оселок для оттачивания собственного мышления и характера. Национальная Россия находится сейчас в периоде великого искания: ей нужны новые воззрения, и новые формы, и в этом главное»⁴.

Ильин высказал в статьях серии «Наши задачи» свои мнения о наиболее значимых, судьбоносных событиях русской истории, о наиболее острых вопросах русской общественной жизни, об особенностях русского национального характера, русской революционной

¹ Лампе А. А. Иван Александрович Ильин // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 2. Кн. 1. М., 1993. С. 369.

² Современное издание «Наших задач» вышло в 2-х книгах второго тома десятитомного собрания сочинений И. А. Ильина, выпущенного издательством «Русская книга».

³ В оригинальном тексте слова, выделенные мною курсивом, выделяются разрядкой.

⁴ Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 2. Кн. 1. С. 6.

катастрофе, о путях возрождения России, об угрозах, с которыми Россия может столкнуться в будущем, о государственной организации посткоммунистической России, о федерации, демократии, выборах, тоталитарном государстве, фашизме и т. д.

Первая статья данной серии называлась «Один в поле и тот воин». Ильин формулировал в ней незыблемые, не подлежащие даже обсуждению пункты программы, которой, по его мнению, должны следовать русские патриоты: «Служение России, а не партиям (даже тогда, если кто-нибудь вступил в партию). Борьба за освобождение нашего народа от антинациональной тирании, террора и позора. Единство и неделимость России. Отстаивание свободной православной церкви и национальной культуры. Отвержение всяческого тоталитаризма, социализма и коммунизма. Верность совести и чести до самой смерти»¹.

Ильин считал, что для понимания России на нее следует смотреть прежде всего с точки зрения ее истории. **«Россия есть единый живой организм»**² (выделено мною. — В. Т.), — писал он в 1950 году, отмечая при этом, что глупо и невежественно сводить исторический рост Русского государства к «скопидомству Мономаховичей», к «империализму Царей» или к честолюбию ее аристократии. По словам Ильина, «тот, кто с открытым сердцем и честным разумением будет читать „скрижали“ русской истории, тот поймет этот рост русского государства совсем иначе. Надо установить и выговорить раз навсегда, что *всякий другой народ, будучи в географическом и историческом положении русского народа, был бы вынужден идти тем же самым путем*, хотя ни один из этих других народов, наверное, не проявил бы ни такого благодушия, ни такого терпения, ни такой братской терпимости, какие были проявлены на протяжении тысячелетнего развития русским народом. Ход русской истории слагался не по произволу русских Государей, русского правящего класса, или тем более, русского простонародья, а *в силу объективных факторов*, с которыми *каждый народ вынужден считаться*. Слагаясь и возрастая в таком порядке, Россия превратилась не в механическую сумму территории и народностей, как это натверживают иностранцам русские перебежчики, а *в органическое единство»*³.

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 2. Кн. 1. С. 7.

² Ильин И. А. Россия есть живой организм // Там же. С. 296.

³ Там же. С. 297.

Это единство было, подчеркивал Ильин, прежде всего *«географически предписано и навязано нам землею»*. Поясняя данную мысль, он указывал на факт проживания русского народа с первых же веков своего существования *«на отовсюду открытой и лишь условно делимой равнине»*, на пространстве которой не было ограждающих рубежей, но был издревле великий «проходной двор», через который шли и шли с востока и юго-востока на запад «переселяющиеся» народы. Вследствие этого, продолжал свою мысль Ильин, Россия, возникая и слагаясь, «не могла опереться ни на какие естественные границы. Надо было или гибнуть под вечными набегами то мелких, то крупных хищных племен, или давать им отпор, *замирать равнину оружием и осваивать ее*. Это длилось веками; и только враги России могут изображать это дело так, будто агрессия шла со стороны самого русского народа, тогда как „бедные“ печенеги, половцы, хазары, татары (ордынские, казанские и крымские), черемисы, чуваша, черкесы и кабардинцы — „стонали под гнетом русского империализма“ и „боролась за свою свободу“... *Россия была издревле организмом, вечно вынужденным к самообороне*»¹.

Отстаивая свои национальные интересы, Россия боролась за свою веру и религию. «Этим Россия, как *духовный организм*, служила, — подчеркивал Ильин, — не только *всем православным народам*, и не только всем народам европо-азиатского территориального массива, но и всем народам мира. Ибо Православная вера есть особое, самостоятельное и великое слово в истории и в системе Христианства. Православие сохранило в себе и бережно растило то, что утратили все другие западные исповедания»². В отличие от церкви римско-католической или англиканской, Русская Православная церковь никогда не обращала иноверных в свою веру мечом и страхом — но с самого начала своей истории открыто осуждала это и запрещала. «В религии, как и во всей культуре, — отмечал Ильин, — русский организм *творил и дарил, но не искоренял, не отсекал и не насиловал...*»³

Свойства русского народного характера и русской культуры, исторические условия существования русского народа сделали его естественно ведущим народом на российском пространстве, народом-защитником, а не угнетателем. «Всякий талант, всякий творческий

¹ Ильин И. А. Россия есть живой организм // Там же. С. 297.

² Там же. С. 299.

³ Там же. С. 300.

человек любой нации, вставая в Россию, пролагал себе путь вверх и находил себе государственное и всенародное признание», — писал Ильин. По его словам, «полный и беспристрастный словарь деятелей русской имперской культуры вскроет это *общенациональное братство*, это всенациональное сотрудничество российских народов в русской культуре»¹.

Опираясь на подобные факты, русский ученый делал следующий вывод: «Россия есть единый живой организм: географический, стратегический, религиозный, языковой, культурный, правовой и государственный, хозяйственный и антропологический. Этому организму несомненно предстоит выработать *новую государственную организацию*. Но расчленение его поведет к длительному хаосу, ко всеобщему распаду и разорению, а затем — к новому собиранию русских территорий и российских народов в новое единство. Тогда уже история будет решать вопрос о том, кто из малых народов уцелеет вообще в этом новом собирании Руси. Надо молить Бога, чтобы водворилось как можно скорее полное братское единение между народами России»².

Идеи, выраженные в статье «Россия есть живой организм» Ильин проводил и в статье «Что сулит миру расчленение России». Он писал здесь, в частности, о том, что «Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен, и не искусственно слаженный „механизм“ „областей“, но *живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ, не подлежащий произвольному расчленению*. Этот организм есть *географическое единство*, части которого связаны *хозяйственным взаимопитанием*; этот организм есть *духовное, языковое и культурное единство*, исторически связавшее русский народ с его национально-младшими братьями — *духовным взаимопитанием*; он есть *государственное и стратегическое единство*, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть *сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия*. Расчленение его явилось бы невиданной еще в истории *политической авантюрой*, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена»³. Основываясь на этом факте, русский мыслитель предрекал и предостерегал: «Россия как добыча, брошенная на расхищение, есть величина, которую *никто не осилит*,

¹ Ильин И. А. Россия есть живой организм // Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 2. Кн. 1. С. 301.

² Там же. С. 304.

³ Ильин И. А. Что сулит миру расчленение России // Там же. С. 326–327.

на которой *все перессорятся*, которая вызовет к жизни *неимоверные и неприемлемые* опасности для всего человечества»¹.

В размышлениях о будущем России Ильин призывал в первую очередь стряхнуть с себя гипноз политических форм и лозунгов, а также освободиться от боязни кому-то не угодить, от кого-то получить «осуждение»: от западноевропейцев или же от своих доморощенных — лево-радикалов или право-радикалов. «Мы повинны Богу и России — правдой, а если она кому-нибудь не нравится, то тем хуже для него»², — декларировал мыслитель в 1949 году. «России нужны независимые люди, думающие из верного сердца и действующие из несвязанной патриотической воли. России нужны *русские* люди, а не закабалившие себя иноземцам интернационалисты»³, — заявлял он в статье, написанной для бюллетеня РОВС в 1951 году.

В статье «О государственной форме», написанной в 1949 году, Ильин высказал ряд мыслей о факторах, определяющих характер государственного строя в той или иной стране. Он писал, в частности, что государственная форма — это не отвлеченное понятие и не политическая схема, безразличная к жизни народов, а «строй жизни и живая организация народа». Необходимо, чтобы народ понимал свой жизненный строй, уважал его законы и вкладывал свою волю в его организацию. По словам Ильина, «именно *живое правосознание* народа дает государственной форме осуществление, жизнь, силу; так что государственная форма *зависит прежде всего от уровня народного правосознания*, от исторического нажитого народом *политического опыта*, от силы его воли и от его национального характера»⁴. Исходя из этой закономерности, Иван Александрович делал вывод относительно государственной формы для посткоммунистической России. Он утверждал, что «пройдут годы национального опаматования, оседания, успокоения, уразумения, осведомления, восстановления элементарного правосознания, возврата к частной собственности, к началам чести и честности, к личной ответственности и лояльности, к чувству собственного достоинства, к неподкупности и самостоятельной мысли, — прежде, чем русский народ будет в состоянии произвести *осмысленные и не погибельные политические выборы*.

¹ Ильин И. А. Что сулит миру расчленение России // Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 2. Кн. 1. С. 338.

² Ильин И. А. Править должны лучшие // Там же. С. 155.

³ Ильин И. А. России нужны независимые люди // Там же. С. 436.

⁴ Ильин И. А. О государственной форме // Там же. С. 47.

А до тех пор его может повести только *национальная, патриотическая, отнюдь не тоталитарная, но авторитарная — воспитывающая и возрождающая — диктатура*¹.

Мысль о необходимости установления в России после крушения коммунистического строя «единой и сильной государственной власти, диктаториальной по объему полномочий и государственно-национально-настроенной по существу»² Ильин высказывал и в статье «Очертания будущей России», написанной в 1951 году. По его словам, «если что-нибудь может нанести России, после коммунизма, новые, тягчайшие удары, то это именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании — демократический строй. Ибо, эта тирания *успела подорвать в России все необходимые предпосылки демократии, без которых возможно только буйство черни, всеобщая подкупность и продажность*»³.

О характере государственной власти в посткоммунистической России Ильин писал и в статье «Необходимо ограничить публичную дееспособность»: «Будущее скрыто от человеческого взора. Мы не знаем, как сложится государственная власть в России после большевиков. Но знаем, что **если она будет антинациональной и противогосударственной, угодливой по отношению к иностранцам, расчленяющей страну и патриотически безыдейной, то революция не прекратится, а вступит в фазу новой гибели**»⁴ (выделено мною. — В. Т.).

В 1952 году в статье «Кое-что об основных законах будущей России» Ильин попытался сформулировать некоторые принципиальные основы будущего русского государственного устройства. Он изложил их в виде проекта основных положений конституции нового Российского государства. Первая статья должна была, по его замыслу, декларировать следующее: «В порядке Божьего изволения возникшее, Божиим промыслом в веках вемое, Российское Государство утверждается, как установление по духу своему христианское и национальное, призванное ко хранению и осуществлению закона

¹ Ильин И. А. О государственной форме // Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 2. Кн. 1. С. 50.

² Ильин И. А. Очертания будущей России // Там же. С. 448.

³ Там же. С. 449.

⁴ Ильин И. А. Необходимо ограничить публичную дееспособность // Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. М., 1993. Том 2. Кн. 2. С. 14.

правды в жизни российских народов»¹. Вторая конституционная статья в проекте Ильина имела следующий вид: «Российское государство есть *правовое единство, — священное, исторически преемственное, властное и действенное*. Оно покоится на братском единении русских людей, на их верности Богу, Отечеству, государственной власти и закону»². В статье четвертой своего проекта Ильин декларировал: «Российское Государство есть *правовой союз*. Каждый русский гражданин имеет свои неприкосновенные права, свои установленные обязанности, свои ненарушимые запретности; все это устанавливается законами, ограждается властью и судом. Всякое беззаконие, превышение власти, вымогательство и произвол преследуются. Праву подчинены все без исключения. Основы правопорядка обязательны для всех»³.

Помимо изложения принципов государственного строя будущей России, Ильин дал формулировки статей о правах и обязанностях российских граждан. В этих статьях провозглашались неприкосновенность жилища и собственности, право российских граждан свободно избирать и менять местожительство, выезжать за пределы государства, свобода слова, собраний, образования политических партий и т. д.⁴

Примеряя к посткоммунистической России государственные формы и формулируя права и свободы граждан, Ильин хорошо осознавал, что живым духом наполнить эти установления могут только люди. «Нам не дано предвидеть грядущего хода событий, — писал он в статье «Основная задача грядущей России». — Мы не знаем, когда и в каком порядке будет прекращена коммунистическая революция в России. Но мы знаем и понимаем, в чем будет состоять основная задача русского национального спасения и строительства после революции: она будет состоять в выделении кверху лучших людей, — людей, преданных России, национально чувствующих, государственно мыслящих, волевых, идейно-творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости и сверхклассового единения. Если отбор этих новых русских людей удастся и совершится быстро, то Россия восстановится и возродится в течение не-

¹ Ильин И. А. Кое-что об основных законах будущей России // Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Том 2. Кн. 2. С. 81.

² Там же.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 88–92.

скольких лет; если же нет, — то Россия перейдет из революционных бедствий в долгий период послереволюционной деморализации, всяческого распада и международной зависимости»¹.

В статье «О воспитании в грядущей России», написанной в 1953 году, Ильин развил свои мысли о том, что новой России необходимы будут и новые люди. Появление их он связывал не только с приданием образованию воспитательного значения. «Грядущая Россия, — отмечал он, — будет нуждаться в *новом, предметном питании русского духовного характера*; не просто в „образовании“ (ныне обозначаемом в Советии пошлым и постылым словом „учеба“), ибо образование, само по себе, есть дело *памяти, смекалки и практических умений* в отрыве от *духа, совести, веры и характера*. Образование без воспитания не формирует человека, а разнузывает и портит его, ибо оно дает в его распоряжение жизненно выгодные возможности, технические умения, которыми он, — бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный, — и начинает злоупотреблять. Надо раз навсегда установить и признать, что безграмотный, но добросовестный простолудин есть *лучший* человек и *лучший* гражданин, чем бессовестный грамотей; что формальная „образованность“ вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации. Новой России предстоит выработать себе новую систему национального воспитания, и от верного разрешения этой задачи будет зависеть ее будущий исторический путь»².

Условием выхода России из кризиса и возрождение ее к новому расцвету Ильин считал создание в ней новой культуры «через сочетание и примирение трех основ, законов духа: *свободы, любви и предметности*». При этом под предметностью жизни он понимал наличие у человека цели и смысла жизни. По его словам, «*жить предметно* — значит связать себя (свое сердце, свою волю, свой разум, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с такой ценностью, которая придаст моей жизни *высший, последний смысл*»³. Воспитать человека к предметности означало в его понимании «вывести человеческую душу из состояния холодной *индифферентности и слепоты к общему и высшему*; открыть человеку глаза на его *включенность* в ткань мира,

¹ Ильин И. А. Основная задача грядущей России // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 2. Кн. 1. С. 265.

² Ильин И. А. О воспитании в грядущей России // Там же. Кн. 2. С. 179.

³ Там же. С. 182.

на ту *ответственность*, которая с этим связана, и на те *обязательства*, которые из этого вытекают; вызывать в нем чутье и вкус к делам *совести, веры, чести, права, справедливости, церкви и родины*»¹. По мнению Ильина, вся современная культура сорвалась на том, что не сумела сочетать в себе основы свободы, любви и предметности. «Она захотела быть культурой *свободы*, и была права в этом; но она не сумела стать культурой *сердца* и культурой *предметности*, — и это запутало ее в противоречии и привело ее к великому кризису. Ибо *бессердечная свобода* стала свободой эгоизма и своекорыстия, свободой социальной эксплуатации, а это повело к классовой борьбе, к гражданским войнам и революциям. А *беспредметная и противопредметная свобода* — стала свободой беспринципности, разнуздания, безверия, „модернизма“ (во всех его видах) и безбожия. Все это связано взаимно; все это есть единый процесс, приведший к великому кризису наших дней»².

Почти все статьи, публиковавшиеся в серии «Наши задачи», имели программный характер. Но статья «О русской идее», которая выразила отношение Ильина к России, его представления о духе русского народа, была программной по отношению ко всем остальным статьям этой серии. «Если нашему поколению выпало на долю жить в наиболее трудную и опасную эпоху русской истории, — писал в ней Ильин, — то это не может и не должно колебать наше разумение, нашу волю и наше служение России. Борьба русского народа за свободную и достойную жизнь на земле — продолжается. И ныне нам более чем когда-нибудь подобает верить в Россию, видеть ее духовную силу и своеобразие, и выговаривать за нее, от ее лица и для ее будущих поколений ее *творческую идею*. Эту творческую идею нам не у кого и не для чего заимствовать: она может быть только *русской, национальной*. Она должна выражать русское историческое *своеобразие* и в то же время — русское историческое *призвание*. Эта идея формулирует то, что русскому народу *уже присуще*, что составляет его *благую силу*, в чем он *прав перед лицом Божиим* и *самобытен* среди всех других народов. И в то же время эта идея указывает нам нашу историческую задачу и наш *духовный путь*; это то, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях, и довести до настоящей чистоты и полноты бытия, — во всем,

¹ Ильин И. А. О воспитании в грядущей России // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 2. Кн. 2. С. 183.

² Там же. С. 179–180.

в нашей культуре и в нашем быту, в наших душах и в нашей вере, в наших учреждениях и законах. Русская идея есть нечто живое, простое и творческое. Россия жила ею во все свои вдохновенные часы, во все свои благие дни, во всех своих великих людях. Об этой идее мы можем сказать: *так было*, и когда так бывало, то осуществлялось *прекрасное; и так будет*, и чем полнее и сильнее это будет осуществляться, тем будет лучше...»

Задавшись после этих слов вопросом, в чем же сущность русской идеи, Ильин отвечал на него: «Русская идея есть идея *сердца*. Идея *созерцающего сердца*. Сердца, созерцающего *свободно и предметно*; и передающего свое видение *воле* для действия, и *мысли* для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что другие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию. А пока не умеют или не хотят узнать, отвертываются, судят о России свысока и говорят о ней слова неправды, зависти и вражды».

Определив русскую идею как идею сердца, Ильин тем самым предопределил и ответ на вопрос, в чем смысл идеи сердца. Данная идея, пояснял он, «утверждает, что главное в жизни есть *любовь* и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа, издревле и органически предрасположенная к *чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически* от христианства: она отозвалась *сердцем* на Божие благовестие, на главную заповедь Божию, и уверовала, что „Бог есть Любовь“... И все это не идеализация и не миф, а живая сила русской души и русской истории. О *доброте, ласковости и гостеприимстве*, а также и о свободолюбии русских славян свидетельствуют единогласно древние источники — и византийские и арабские. Русская народная сказка вся проникнута *невучим добродушием*. Русская песня есть прямое излияние *сердечного чувства* во всех его видоизменениях. Русский танец есть импровизация, протекающая из *переполненного чувства*. Первые исторические русские князья суть герои *сердца и совести* (Владимир, Ярослав, Мономах). Первый русский святой (Феодосий) — есть явление сущей *доброты*. Духом *сердечного и совестного созерцания* проникнуты русские летописи и наставительные сочинения. Этот дух живет в русской поэзии и литературе, в русской живописи и в русской музыке. История русского правосознания свидетельствует о постепенном проникновении

его этим духом, духом братского сочувствия и индивидуализирующей справедливости»¹.

«Любовь есть основная духовно-творческая сила русской души. Без любви русский человек есть неудавшееся существо»², — утверждал Ильин, подводя итог своим размышлениям о доминанте русского духа.

Из этого вывода вытекали его дальнейшие мысли о существовании русской культуры. «Россия имеет *свои* духовно-исторические дары и призвана творить свою особую духовную культуру: — культуру сердца, созерцания, свободы и предметности, — писал Ильин. — Нет единой общеобязательной „западной культуры“, перед которой все остальное — „темнота“ или „варварство“. Запад нам не указ и не тюрьма. Его культура не есть идеал совершенства. *Строение его духовного акта* (или вернее — его *духовных актов*) может быть и соответствует его способностям и его потребностям, но нашим силам, нашим заданиям, нашему историческому призванию и душевному укладу оно не соответствует и не удовлетворяет. И нам незачем гнаться за ним и делать себе из него образец. У Запада свои заблуждения, недуги, слабости и опасности. Нам нет спасения в западничестве. У нас свои пути и свои задачи. И в этом — смысл русской идеи... Хороши мы в данный момент нашей истории или плохи, *мы призваны и обязаны идти своим путем*, — очищать свое сердце, укреплять свое созерцание, осуществлять свою свободу и воспитывать себя к предметности. Как бы ни были велики наши исторические несчастья и крушения, мы призваны *самостоятельно быть*, а не ползать перед другими; *творить*, а не заимствовать; обращаться к Богу, а не подражать соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы, а не ходить в кусочки, собирая на мнимую бедность. *Мы Западу не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и учителя себе самим*. Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру — из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом — смысл русской идеи»³.

В приложении к русской правовой культуре такая задача предполагала сохранение и дальнейшее развитие ее самобытности. «Русское *право и правоведение*, — писал Ильин, — должны оберегать себя

¹ Ильин И. А. О воспитании в грядущей России // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 2. Кн. 2. С. 420–421.

² Там же. С. 421.

³ Там же. С. 426.

от западного формализма, от самодовлеющей юридической догматики, от правовой беспринципности, от релятивизма и сервиллизма. России необходимо *новое правосознание*, национальное по своим корням, христиански-православное по своему духу и творчески-содержательнее по своей цели. Для того, чтобы создать такое правосознание, русское *сердце* должно *увидеть* духовную свободу, как *предметную* цель права и государства, и убедиться в том, что в русском человеке надо воспитать *свободную личность с достойным характером и предметною волею*. России необходим *новый государственный строй*, в котором свобода раскрыла бы ожесточенные и утомленные сердца, чтобы сердца по-новому прилепились бы к родине и по-новому обратились к национальной власти с уважением и доверием. Это открыло бы нам путь к исканию и нахождению *новой справедливости и настоящего русского братства*¹.

В апреле 1951 года Ильин завершил работу над книгой «Аксиомы религиозного опыта», которую он, по собственному его признанию, «33 года вынашивал»². Впервые замысел написать книгу по истории и философии религии возник у него в 1919–1920 годах во время чтения лекционного курса «Введение в историю религий» на историко-филологическом факультете Московского университета. Окончательный вариант текста «Аксиом» Ильин начал писать в 1946 году и после этого четыре года дорабатывал его.

Предпринятая Ильиным летом 1951 года попытка опубликовать «Аксиомы религиозного опыта» в парижском эмигрантском издательстве «ИМКа-Пресс» не увенчалась успехом. Выслав рукопись книги в адрес издательства 29 мая, Иван Александрович через месяц получил отказ в ее публикации. Ему сообщили, что программа изданий в «ИМКа-Пресс» установлена на год вперед и поэтому никакой возможности издать его книгу нет. Подлинная причина отказа была, однако, другой. Издательство, находившееся под влиянием масонов, сочло идеи, высказанные Ильиным в данной книге, нежелательными для распространения³.

¹ Ильин И. А. О воспитании в грядущей России // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 2. Кн. 2. С. 430–431.

² Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 154. В письме к архимандриту Константину от 10 октября 1951 г. Ильин признавался: «*Опыт* этой книги я носил в себе всю жизнь, от первой детской исповеди» (там же. С. 160).

³ Любопытно, что нежелательной для опубликования сочли книгу Ильина и в другом масонском издательстве — «Возрождение». О возможности издания «Аксиом

Книгу «Аксиомы религиозного опыта» помог издать Ильину Владимир Павлович Рябушинский. Она вышла в свет в Париже в 1953 году¹. С. М. Лукомская писала 14 июля указанного года И. М. Андриевскому² о ее издании: «Эта книга своего рода происшествие в духовной жизни Зарубежной Руси. Книги Ильина не находят издателя на русском языке. Их печатают только немцы. И появление этой книги — чудо. Слепнувший В. П. Рябушинский последнее свое зрение пустил на то, чтобы познакомиться с рукописью Ильина, и, познакомившись, решил, что напечатать надо. Как он довел это дело до конца, одному Богу известно»³.

религиозного опыта» в этом издательстве спрашивал не сам Ильин, а его друзья. И ответом также был отказ.

- ¹ *Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: Исследование. Том 1–2. Париж, 1953.* Книга недавно переиздана одним из московских издательств по правилам современной орфографии. Между тем сам Ильин писал: «Печатать мой труд по *новой* орфографии было бы убийственно для смысла, ибо целый ряд религиозных текстов и философских тезисов исказился бы от смешения слов и понятий: «мир» и «мір», «ведение» и «вѣдѣніе», «все» и «всѣ», «горе» и «горѣ», «нѣкогда» и «некогда», «ѣсть» и «естъ», «повѣсти» и «повести» и т.д. без конца. В беллетристике читатель как-нибудь разобрался бы, да там точное понимание не всегда и необходимо, а в философии рождаются одни недоразумения» (*Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954).* С. 124).
- ² Иван Михайлович Андреев (псевдоним: Андриевский) (1894–1974) — русский философ и богослов, профессор нравственного богословия в Святой Троицкой Семинарии в Джорданвилле. И. А. Ильин состоял с ним в добрых отношениях и переписке.
- ³ *Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954).* С. 444.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ. СМЕРТЬ МЫСЛИТЕЛЯ

«Аксиомы религиозного опыта» стали последним крупным произведением Ильина, вышедшим в свет при его жизни. Готовя ее к изданию, он и сам понимал, что этой книгой завершается его жизнь на этом свете.

В письме к архимандриту Константину, написанном за три года до своей смерти, Иван Александрович предельно ясно определил смысл своего творчества: «Годы идут, а я заканчиваю книгу за книгой и складываю их у ног Господа моего: угодны они Ему, то Он сохранит их, как милостиво хранил доселе... Неуютны — то и я в них незаинтересован... **Все они об одном: как восстановить нам, русским, а за нами и другим, верный духовный акт. Акт веры, акт правосознания, акт художества, акт совести, акт очевидности, акт характера**»¹ (выделено мною. — В. Т.).

24 июня 1950 года умер Иван Сергеевич Шмелев — человек, с которым Ильин на протяжении почти четверти века делился своими радостями и горестями, своими мыслями о прошлом России, о ее культуре. 19 января 1927 года Иван Александрович написал писателю Шмелеву короткое письмо: «Дорогой! Из самой сердечной и духовной глубины шлю Вам благодарность за чудесный рассказ „Свет Разума“. Это самое необходимое, это самое живое, это незабываемое! Истинное искусство всегда философично, всегда метафизично и религиозно — горит, и жжет, и очищает душу. Я не один раз перечитал Ваш рассказ; и душа плакала слезами умиления; а воля крепла. „Сухая слезинка, выплаканная во тьме беззвучной“... Это не слова, а осиянные, пророческие глаголы. Да утешит и да соблюдет Вас Го-

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939–1954). С. 155.

сподь! Так хотелось бы иметь *все* Ваши творения. Мы не встречались с Вами, но я давно духовно люблю Вас и горжусь Вами. Жена моя Наталия Николаевна шлет Вам привет. С новым годом!»¹ Последнее письмо Шмелеву Ильин написал 23 мая 1950 года. «Пришла ли к Вам потребность писать? Вот было бы хорошо и радостно!»² — вопрошал он своего друга.

«Иван Александрович — истинный друг, большое сердце! Сколько он сделал для меня!... И все время заботится...», — писал Иван Сергеевич Шмелев об Ильине 15 декабря 1945 года в письме к своей любимой женщине Ольге Александровне Бредиус-Субботиной. — Я сдерживаю слезы, когда думаю нежно об Иване Александровиче. Оля — он — единственный во всей эмиграции, п е р в ы й , с т о л ь к о создавший в нашем национальном, исконном... Я долго думал и прихожу к заключению: он — воистину — гениален! Вижу, какие итоги... по людям вижу, по себе вижу... как он з а р я ж а е т ! Он даст... о, Господи, помоги, — „о религии!“ как — н и к т о до него. Выпускает давно созданное — о трех писателях — Бунин, Ремизов, и — твой верный. Он весь в отдаче себя... Это Господь дал мне счастье узнать его. В письмах он — исключителен. У меня огромное собрание всяких писем... — но его письма — не письма, а непринужденность, острота, точность, яркость, — и какое постижение искусства! с л о в а ! ... Он, он мне дал добрую половину веры в творчество мое...»³

* * *

В один из дней конца июля 1952 года Иван Александрович пошел по солнцу на почту опускать письмо. Стояла сильнейшая жара, и у него сделался инфаркт сердца — разрыв маленького кровеносного сосуда. После трех месяцев лечения в больнице рана хорошо зажила, и он был отпущен домой. Но ни работать по-прежнему, ни даже просто двигаться Ильин уже не мог. Мысли о смерти стали в нем постоянными. Под их гнетом Иван Александрович спешил закончить те книги, которые писал, и в первую очередь трактат о монархии. При

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1927–1934). М., 2000. С. 13.

² Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1947–1950). М., 2000. С. 422.

³ И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах. В 2 томах. Том 2. М., 2004. С. 376.

этом он продолжал писать статьи для бюллетеня Русского Обще-Воинского Союза.

В ноябре 1954 года у Ильина случился сердечный приступ, и ему пришлось снова лечь в больницу. По мнению лечивших его докторов, опасности для жизни не было, но он имел предчувствие скорого конца и прощался в душе своей с земным миром.

Иван Александрович Ильин умер 21 декабря 1954 года. Похоронили его на кладбище Цолликона. В 1963 году рядом с его могилой появилась могила его спутницы по жизни — жены Натальи Николаевны¹.

Готовясь к уходу в мир иной, Ильин составил себе эпитафию. Она была начертана на немецком языке на надгробном памятнике.

*Alles empfunden
So viel gelitten
In Liebe geschauet
Manches verschuldet
Und wenig verstanden
Danke Dir, ewige Güte!*

В переводе на русский язык² эта эпитафия выглядит следующим образом:

*«Все чувствовал
Много страдал
Любовно смотрел
Кое-чему был виною
И мало понимал.
Спасибо тебе, вечная благодать!»*

Что хотел сказать ею нам великий русский мыслитель, национальный гений России XX века — столетия величайшей русской катастрофы?

¹ В 2005 году прах Ивана Александровича Ильина и его супруги Натальи Николаевны Вокач-Ильиной был перевезен в Москву и упокоен на кладбище Донского монастыря.

² Этот перевод сделал Е. Е. Климов. См.: Иван Ильин и Россия. Неопубликованные фотографии и архивные материалы. С. 165.

* * *

В послесловии к самой чудесной из своих книг Иван Александрович Ильин писал: «Есть только одно истинное „счастье“ на земле — **пение человеческого сердца**. Если оно поет, то у человека есть *почти* все; *почти*, потому что ему остается еще позаботиться о том, чтобы сердце его не разочаровалось в любимом предмете и не замолкло.

Сердце поет, когда оно любит; оно поет от любви, которая струится живым потоком из некой таинственной глубины и не иссякает; не иссякает и тогда, когда приходят страдания и муки, когда человека постигает несчастье, или когда близится смерть, или когда злое начало в мире празднует победу за победой и кажется, что сила добра иссякла, и что добру суждена гибель. И если сердце все-таки поет, тогда человек владеет истинным „счастьем“, которое, строго говоря, заслуживает иного, лучшего наименования. Тогда все остальное в жизни является не столь существенным: тогда солнце не заходит, тогда Божий луч не покидает душу, тогда Царство Божие вступает в земную жизнь, а земная жизнь оказывается освященной и преображенной. А это означает, что началась *новая жизнь*, и что человек приобщился *новому бытию*»¹.

Самой чудесной из своих книг Иван Александрович Ильин дал название «Поющее сердце». А в приведенных словах из послесловия к ней описал свою жизнь. Он был необыкновенным мыслителем —

МЫСЛИТЕЛЕМ С ПОЮЩИМ СЕРДЦЕМ.

¹ Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 томах. Том 3. М., 1994. С. 375.

Список вышедших в издательстве «Зерцало»
книг с аннотациями можно посмотреть на сайте:
<http://www.zertsalobooks.ru>

Томсинов Владимир Алексеевич

Мыслитель с поющим сердцем

*Иван Александрович Ильин:
русский идеолог эпохи революций*

Корректор — Т. В. Кочемасова
Верстка — А. В. Плотников

Издательство «Зерцало»
Подписано в печать 20.01.2012.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 1430

Отпечатано в типографии ООО «ЕВСТИ»